

Надежда

Дарья
ПАСМУР

МУРАВИ

Annotation

Надин Валенси готовится получить предложение руки и сердца от генерального директора крупной компании Антона Лаптева, а получает...путевку на исправительные работы в средней школе провинциального городка. Сможет ли амбициозный дизайнер смириться с должностью учителя труда и вернуться к жениху в дом на Рублевке, когда вокруг так и вертится весельчак физрук?

Глава 1

— Я успею! Я успею! — верещала я, прижимая к уху айфон последней модели. — Антон, дождись меня, пожалуйста!

Гудки, раздирающие слух через динамик телефона, сменились ледяным голосом автоответчика, который посоветовал оставить сообщение или перезвонить возлюбленному позже.

Рыкнув от досады, я закинула телефон в сумочку и, нырнув под козырек автобусной остановки, спряталась от дождя, чтобы не испортить дизайнерские туфельки с золотой пряжкой.

За спиной раздалось мерзкое шушуканье, и мне захотелось провалиться сквозь землю. Эти наглые серые люди смеялись над моими волосами, повисшими мокрыми паклями поверх твидового жакета.

Для полнейшего конфуза не хватало только...

Автобуса, с хлопком провалившегося колесом в глубокую яму, скрытую под лужей. И содержимого лужи, оказавшегося на моей белоснежной юбке.

Я просто встала, как каменный истукан посреди острова Пасхи. Не закричала, не заплакала, не рассмеялась. Лишь бы не дать толпе нового повода пошутить надо мной.

Грязные капли стекали с юбки по оголенным голеньям, которые еще на прошлой неделе загорали под солнцем Майорки, и, щекотливо огибая щиколотки, тонули в блестящей пряжке туфель.

Если бы этот треклятый дождь знал, сколько стоят эти туфли, он промочил бы кого-то из более скромного круга общества. Кого-то, чей ширпотреб с рынка не жаль сдать в утиль после прогулки под такой помойной погодой.

Мой твидовый костюм с перламутровыми пуговицами просто не предназначен для унижения. В нем принято встречать восхищенные взгляды и одаривать мир сиянием совершенства. И никак иначе.

Чувствую себя полнейшей предательницей из-за того, что заставила именитый костюм пережить московскую непогоду. А ведь ему теперь предстоит пытка русской химчисткой. Какое невезение!

Впрочем, мне стоит выкатить целое представление с госпожой Истерикой в главной роли и потребовать увольнения водителя, которому Антон делегировал сопровождать меня на все необходимые мероприятия.

В Дом Моды для регистрации на участие в конкурсе молодых дизайнеров мой благоверный подвез меня со своим опытным и преданным Джорджио. Вот он — действительно эталонный водитель, стоящий каждого потраченного на его работу рубля. Учтив, галантен, пунктуален и никогда — я повторяюсь: никогда! — не забывает сделать даме любезный комплимент. Иногда мне кажется, будто ему довелось посещать особые курсы истинного водителя где-нибудь в фешенебельном районе Лондона, где еще не перевелись настоящие джентльмены.

К тому же, Джорджио стоит отдать должное хотя бы за то, что он позволяет называть себя именно так, а не по-скучному — Григорий.

А мне, увы, достался Матвей, который мало того не отзывается на имя Маттео, так еще и манерами не отличается. Ну ничего. После того, что мне сегодня пришлось пережить из-за

опоздания этого водителяшки, Антон уж точно избавится от него. А дальше ему одна дорога — водить автобус где-нибудь в Гольяново.

Держа свое негодование в ежовых рукавицах, я делала вид, что меня ни капли не волнует подпорченный внешний вид, но, стоило такси остановиться неподалеку от остановки, как я поджала дрожащие от обиды губы и нервно дернула ногой, стряхивая капли с туфель.

Короткими сдержанными шажками я миновала те несколько метров, что отделяли заветное такси от козырька остановки, и, оказавшись в машине, нервно выдохнула, будто и не дышала все это время. Спешно, но все же четко я проговорила таксисту адрес офиса Антона и попросила доставить меня туда максимально быстро и аккуратно. Мужчина нахмурил брови, но тактично промолчал. И даже этот таксист куда деликатнее выданного мне Маттео.

До пункта назначения мы действительно добрались достаточно быстро по меркам столицы, хотя на метро я смогла бы доехать раза в три быстрее, но общественный транспорт и туфли Маноло Бланик — это что-то настолько несочетаемое, что я, вероятно, никогда не подберу подходящего сравнения.

Поблагодарив таксиста и отвесив ему щедрых чаевых, я медленно вошла в офисный центр, продолжая держать голову высоко, несмотря на отвратительные пятна на одежде. Появляться на публике в таком виде было невыносимым, но у меня не было ни одной свободной минуты на то, чтобы переодеться в ближайшем бутике.

К счастью, обеденный перерыв уже закончился, и в помещение было относительно спокойно. Лифт вознес меня на девятнадцатый этаж в гордом одиночестве, и я даже позволила себе громко и драматично вздохнуть несколько раз, жалея себя и испанский костюм.

Секретарша моего возлюбленного встретила меня неприязненным взглядом. Я ответила ей тем же. Любые чувства хороши взаимностью. В конце концов, эту бедную девочку даже жаль. Я абсолютно точно стану женой ее начальника, а она так и останется перебирать корреспонденцию и отвечать на звонки.

— Антон Игоревич у себя? — равнодушно поинтересовалась я, глядя на запертую дверь кабинета с табличкой «Лаптев А.И. — генеральный директор холдинга».

— Уехал сорок минут назад, — сухо ответила секретарша, и я плотнее сжала губы, чтобы через раскрытый рот не было слышно, как громко ударилось мое сердце при падении в пятки.

Антон уехал. Я не успела. Скорее всего прямо сейчас он с комфортом размещается в бизнес-классе боинга, который вот-вот взлетит в небо и возьмет курс на Париж, оставив для меня лишь полоску инверсионного следа среди облаков.

— Он ничего не передавал для меня? — сквозь зубы процедила я, не зная, как удержать на плаву чувство собственного достоинства.

— Гела Микаэловна сказала, что не смогла до вас дозвониться, и Антон Игоревич свозит вас в Париж в другой раз. Ведь это рабочая поездка, и вы ему там будете только мешать, — с гаденькой ухмылкой на губах секретарша передала слова личной помощницы Антона, и я, наконец, поняла, откуда растут ноги моего сегодняшнего невезения. А я-то грешила на ретроградный Меркурий!

Гела Микаэловна. На ее фоне ретроградный Меркурий — все лишь мелкое недоразумение, и все злодеи мира выстраиваются в очередь, чтобы воздать хвалу королеве

хитрости и коварства.

С такими женщинами, как она, лучше оказываться по одну сторону баррикад, но так уж получилось, что мы заняли противоборствующие позиции. И, что самое обидное, — Антон ей действительно доверял.

Настолько, что поручил ей лично разобраться со своей юной куклой, которая до смерти хотела бы сейчас смотреть, как в иллюминаторе исчезают очертания Шереметьево.

У меня даже закрались сомнения, а не было ли мое опоздание заранее спланировано королевой хитрых щей?

— А Маттео не появлялся здесь? — спросила я, старательно делая равнодушный вид.

Секретарша непонимающе нахмурилась и уставилась на меня в ожидании пояснения.

— Матвей. Водитель Матвей, — уточнила я, картинно закатив глаза.

Ведь Маттео звучит куда приятнее, чем Матвей. И почему никто этого не замечает?

— Аааа, — протянула секретарша, довольно ухмыляясь, — Да, все утро тут околачивался. Весь офис провонял своим одеколоном.

Видимо, на моем лице отобразилось достаточно возмущения, ведь девушка, глядя на меня, засияла еще больше. Униженная и оскорбленная, я коротко кивнула и, развернувшись на каблуках, направилась к лифту. Все происходящее попахивало наглым сговором. И еще грязью из лужи, пожалуй.

На первом этаже прямо у лифта мне попался Матвей, и я была так зла на него, что язык не повернулся назвать его чудесным именем Маттео. Ничего не говоря, я хлопнула по его плечу изысканной шанелевской сумочкой, о чем тут же пожалела, ведь мадам Коко создавала свой бренд совсем не для того, чтобы женщины с его помощью вымещали свои обиды на нерадивых мужчин. Шанель — это про наслаждение, а не про боль.

— Ай! — пискнул водитель, отскакивая от меня на безопасное расстояние, — Надежда Львовна, вы чего буяните?

В глазах необразованного наглеца отплясывали самые настоящие черти. И в голове, похоже, тоже, ведь он решился назвать меня полным именем, хотя знает, что я этого не выношу.

Прошло уже много лет с тех пор, как я вылезла из шкуры девочки Наденьки — никчемной и никому не нужной. Теперь я Надин Валентайн. Молодая, амбициозная, талантливая и уж точно знающая себе цену.

— Почему ты не забрал меня от Дома Моды? — я взяла себя в руки, не желая продемонстрировать офисным зевакам бурное представление. Поняв, что я успокоилась и больше не поддамся на манипуляции, Маттео заметно скис.

— Гела Микаэловна сказала, что вы останетесь там до вечера, — пробубнил он, потирая плечо так интенсивно, будто в шанелевской сумке было куда больше твердости, чем я ожидала.

Опять эта Гела Микаэловна. Она всерьез решила от меня избавиться? Неужели она на самом деле верит, что сможет разлучить нас с Антоном? Это не удалось ни одной из тех моделек с автомобильной выставки, которую мы посещали в Дубае. Ни одной глупой смурфетке, что вечно крутятся около моего мужчины в ресторанах и на деловых встречах.

Антон уже состоявшийся мужчина, давным-давно переживший скачки гормонов в пубертатный период, и та свобода, которую ему дают деньги, не кружит его голову. К пятидесяти годам он уже достаточно остепенился, чтобы связать свою жизнь с одной женщиной, которая сочетает в себе все необходимые качества: молодость, красоту, ум и

воспитание, которое делает эту женщину подходящей партией для такого мужчины, как Антон.

И пусть между нами разница в двадцать три года. Для взрослых степенных чувств она совершенно ничего не значит. Мы родственные души и тянемся друг к другу настолько, что к новому году я ожидаю получить статус невесты, и до самого лета планирую заниматься предсвадебными хлопотами, оставляя время лишь на жениха и на коллекцию своего бренда, который собираюсь представить на конкурсе молодых дизайнеров.

Гела Микаэловна достаточно умная женщина, чтобы понимать, к чему идут наши с Антоном отношения, и по коварному блеску в ее глазах я вижу, как ей хочется быть на моем месте. Но ее жесткость, навязчивая феминистская позиция «я сильная, я все сама» и бессменные брючные костюмы, только усугубляющие ее мужественную позицию, никогда не привлекут Антона.

Поверьте, я прорабатывала его натальную карту с личным астрологом. Мой дорогой Антон Игоревич падок на мягкую женскую энергию, и совершенно неудивительно, что, однажды сбив меня на пешеходном переходе, он так проникся уязвимостью девичьего тела и моими манерами, что больше не смог отпустить меня. И бережет меня как зеницу ока вот уже два года.

— Поедем куда? — спросил Маттео, глуповато скривив лицо, и я в очередной раз подумала, что имя Маттео для него действительно преисполнено неоправданно высоких ожиданий, недостижимость которых этот паренек даже не осознает.

— Домой, — коротко ответила я и, отвернувшись от водителя, уверенной походкой направилась к выходу.

Антон вернется через два дня, и тогда мы серьезно поговорим о том, какое место в наших отношениях занимает Гела Микаэловна и где на самом деле должно быть ее место.

***

— Надин, милая моя, я не понимаю, почему ты злишься, — повторил Антон, сложив ладони домиком и уперев в них свой лоб.

По его голосу было слышно, как капля за каплей терпение утекает прочь, оставляя место растущему раздражению. И в любой другой день с моей стороны было бы грубо усугублять ситуацию, но один вид Гелы, довольно покачивающей тощей ножкой, выглядывающей из-под широкой штанины брюк, выводил меня из равновесия.

О каком равновесии вообще может идти речь, когда эти двое решили избавиться от меня так, словно я старая вещичка, которую еще жаль унести на мусорку, но и оставлять в доме не хочется.

— Я никуда не поеду! — снова уперлась я, направив на Гелу взгляд, полный презрения.

Он усмехнулась и призывно вскинула брови, ясно давая понять, кто из нас двоих лидирует в этом споре. Поверить не могу, что Антон встал на ее сторону! Я чувствовала себя глупенькой беспомощной девочкой, отец которой женился на противной мачехе, и та при первой же возможности отправилась собирать детские вещички, чтобы отправить новоявленную падчерицу в далекий-далекий интернат.

— Там хорошие условия, — настаивал Антон.

В далекий-далекий интернат с хорошими условиями.

— Я не понимаю, зачем это нужно, — вспыхнула я, вскакивая с места.

Антон молча смерил меня долгим терпеливым взглядом. В какой-то момент мне

показалось, что в его взгляде мелькнуло сожаление, будто он никак не мог понять, почему потратил столько времени на эту взбалмошную малолетку.

Эта мысль заставила меня успокоиться. Я взяла себя в руки и отошла к окну, до боли вцепившись в деревянный подоконник. Вид ухоженных кустов за окном отвлек от горящих глаз Гелы, которая хоть и молчала, но мне все же казалось, как она шепчет над моим ухом о том, какая я неудачница.

— Давай я объясню, детка, — деловито заявила она, и мне стоило невероятных усилий, чтобы не взорваться от одного слова «детка».

Какая я ей детка?! Да, мне двадцать семь, а Геле сорок три или что-то около того, по любительницам уколов ботокса сложно определить истинный возраст. Но разве преимущество в прожитых годах дает кому-то право ставить себя выше остальных?

— Ты стала слишком капризной с тех пор, как появилась в жизни Антона Игоревича, — с укором произнесла Гела, и я, не сдержавшись, перевела удивленный взгляд на возлюбленного.

Тот смотрел на меня так, будто хотел успокоить и поддержать, но в воспитательных целях должен был проявить жесткость. Можно подумать, Гела Микаэловна отшлепает его, если он ее ослушается. Кто вообще тут начальник?

— Антон! — я вскрикнула от возмущения, — Что она себе позволяет?!

Мужчина покачал головой и отвел взгляд, не в силах смотреть, как препираются две его самые близкие женщины: невеста и личная помощница. Иногда я даже не могу понять, кто из нас ему действительно ближе.

— Вот об этом мы и говорим, — снова начала Гела, одним словом «мы» давая понять, что Антон тоже имеет отношение к моей экзекуции, — Ты стала бросаться на людей, смотреть на всех свысока, щеголять своим положением. Пойми, Надин, Антон Игоревич из простой семьи и всего этого, — женщина обвела руками шикарную гостиную нашего дома, — Он достиг своим трудом. Ему больно смотреть, с каким презрением ты относишься к окружающим.

Игнорируя Гелу, я снова глянула на Антона. Печальный взгляд только подтверждал слова его наглой помощницы. Они в самом деле решили отправить меня на исправительные работы.

— Ты отправишься в школу в городок неподалеку. Компания Антона Игоревича как раз проводит в ней капитальный ремонт в рамках благотворительной программы. Поработаешь учителем труда, пообщаешься с простыми людьми, — Гела перечисляла и другие виды пыток, но дальше я даже не слушала.

— Учителем труда? — возмутилась я, — Я дизайнер!

Я активно работаю над дебютной коллекцией, которую собираюсь представить на конкурсе летом, а теперь мне придется отложить карьеру в долгий ящик и отправиться учить неблагодарных детишек делать ровные стежки тупыми иголками?

— Вот и сошьешь с ученицами пару дизайнерских фартуков, — продолжала Гела, и с каждым новым словом я ненавидела ее все больше. Хотя куда уж больше.

— Антон, скажи, что это шутка, — взмолилась я, глядя на мужчину жалобным взглядом, но тот в ответ только покачал головой.

— Гела права, моя девочка, — примирительно начал он, — Ты действительно ведешь себя грубо и капризно, и я устал извиняться за твое поведение.

— Это твои рабочие! Почему мы должны перед ними извиняться! — выкрикнула я и тут

же пожалела. Я снова делала это — вела себя, как маленькая избалованная девочка.

Антон был прав. Я сильно изменилась с тех пор, как перестала испытывать финансовую нужду. С тех пор, как стала Надин Валентайн. НО это он сделал меня такой! За каждый выходной, который Антон не мог провести со мной из-за постоянной работы, он дарил мне сумки и туфли невероятной стоимости.

Если подумать хорошенько, то, возможно, за два года отношений не наберется ни одного дня, когда мы провели бы вместе и четырех часов подряд. И даже жалкие четыре часа постоянно прерывались бы звонками по работе. А дальше как всегда: Антон прижимает телефон к уху и выставляет вперед руку, жестом давая мне понять, что в приоритете именно работа и тревожить его нельзя.

И я всегда относилась к этому с пониманием. Я осознавала, что Антон — взрослый мужчина с огромной ответственностью за корпорацию, и свидания со мной просто не могут быть для него на первом месте. Тогда мы оба получали то, что хотели: Антон — красивую любящую женщину, не требующую внимания, а я — финансовое благополучие и сногшибательные туфли.

Антон поднялся с кресла, скрипнув кожаной обивкой, и направился ко мне. Аккуратно притянув мое тело к себе, мужчина бережно смахнул с моего лица прядь светлых волос.

— Надин, — ласково произнес он, — У меня серьезные намерения в отношении тебя, но я не готов к тому, что рядом со мной будет женщина, которая ценит меня только за деньги.

— Я не такая, — тихо возразила я, и это было правдой.

У Антона было много других добродетелей. Он был открыт, щедр, готов был выслушать, когда это нужно, и всегда мог прийти на помощь. Про таких, как он, говорят «как за каменной стеной», и я искренне не хотела его терять.

— Проведи этот год в школе, пообщайся с детьми, с преподавателями. Тебе нужно сменить окружение, — мягко пояснил любимый мужчина, и я только кивала в ответ, как китайский болванчик, — Ты все поймешь. Ты вспомнишь, как это — любить людей, не взирая на их положение. И тогда, моя девочка, ты станешь лучшей женой, что я только могу себе представить.

В уголках моих глаз собрались капли слез. Я подняла на Антона влажный взгляд и неуверенно пробормотала:

— Ты делаешь мне предложение?

— Да, — мужчина тихо рассмеялся, — Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Надин. Но сначала нам нужно пройти через это небольшое испытание.

Отработать год учителем труда в мелком городишке. Достаточно ли небольшое это испытание?

Теплые карие глаза мужчины смотрели на меня в ожидании ответа, и я, сдавшись на поруки его обаянию, кивнула.

— Хорошо, ваша взяла, — согласилась я, даже не представляя, на что только что подписалась.

Глава 2

— Буууулкин, стоянка две минуты! — громогласный голос проводницы разнесся за дверью купе.

Физически я была уже готова к встрече с новой реальностью, в которой мне предстояло прожить целый год. Чемодан стоял у самого выхода, неприятно поскрипывая колесиками по полу. Последний вагон вихляло из стороны в сторону, и мой багаж укатился бы с места, если бы не твердый стопор на колесиках. Не стоило доверять покупке билетов секретарше Антона. У меня есть смутное предчувствие, что все женщины, окружающие моего жениха, взъелись на меня и только и ждут возможности хоть как-то подпортить мою жизнь.

На чемодане виселись еще две полные сумки Луи Витон, и, с тоской глядя на них, я в очередной раз подумала, что на самом деле эти сумки должны лететь в бизнес-классе куда-нибудь, где говорят по-французски и едят на завтрак круассаны. А едут в Булкин.

За окном было уже темно, и только вдоль железнодорожных путей светили фонари, от унылого света которых на душе стало еще противнее. Поезд постепенно сбавлял ход, и, когда показалась ярко освещенная платформа, я выдохнула прочь все сомнения и, поднявшись, покатила багаж к выходу.

На перроне меня должен встретить таксист, заказанный той же самой секретаршей, так что, вероятнее всего, на съемную квартиру я поеду на телеге, запряженной ослом.

— Девушка, давайте я вам помогу, — в тамбуре перед самым выходом мой багаж принял весьма воспитанный молодой человек, хоть и слегка хамоватый с виду — впрочем, его образ казался таковым во многом из-за бритой налысо головы.

— Буду благодарна, если поможете спустить чемодан вниз, — я вежливо улыбнулась, и заметила, как парень хвастливо развел плечи, словно бабуин, решивший своим величавым видом привлечь львицу.

Поезд остановился, и мы с моим внезапным помощником спустились по крутой лесенке на перрон. Зябкая сентябрьская ночь распахнула полы клетчатого пальто и царапнула холодом мои ноги в тоненьких колготках. Я одернула юбку вниз и плотнее запахнула пальто, и только потом заметила, каким восхищением горели глаза молодого человека.

Да, вероятно, в Булкине такие ножки еще не ходили.

С нескрываемым удовольствием я глянула на лакированные туфли с острым металлическим уголком и кивнула сама себе. Точно, таких ножек в этой дыре еще не было.

И моей ноги бы тоже не было, если бы ни отвратительная выдумка Гелы. Подумать только! Отправить меня работать трудовиной в школу под предлогом того, что я якобы слишком капризная.

Неужели она действительно верит, что, избавившись от меня на какое-то время, сможет урвать толику внимания Антона? В ее возрасте пора бы уже укротить девичью наивность.

— Вас встретят? — участливо спросил молодой человек, продолжая с интересом разглядывать меня. Держу пари, он хотел бы, чтобы я оказалась одинока.

Что может быть лучше, чем прекрасная одинокая незнакомка, стоящая посреди пустого перрона в полной растерянности? Только прекрасная одинокая незнакомка в окружении именитых брендов.

Хотя, судя по взгляду парня, неприятно блуждающему по мне сверху вниз и обратно, бренды его не интересовали. И мне, признаюсь, даже стало немного некомфортно под таким

пристальным вниманием, ведь я и в самом деле была всего лишь одинокой и беззащитной незнакомкой, сошедшей с поезда в неведомой глуши. И я определенно была прекрасна, чего мой попутчик не мог не заметить.

— У меня была забронирована машина, — деловито ответила я, толкая чемодан в сторону вокзала, — Спасибо за помощь!

Только назойливый кавалер не торопился покинуть мое общество, и мне стало казаться, что первый день в Булкине станет последним днем моей жизни. Покинув вокзал в сопровождении молодого человека, я остановилась на парковке и стала картинно осматриваться в поисках такси.

Только всматриваться в совершенно пустую криво заасфальтированную площадку было даже глупее, чем брать с собой целый чемодан дизайнерских туфель в город, в котором совершенно нет нормального асфальта.

— Так где ваша машина? — с ухмылкой на губах спросил помощничек, и я лишь растерянно улыбнулась, хаотично жонглируя оправданиями у себя в голове.

Интересно, если со мной действительно что-то случится, Антон свернет шею своей ядовитой помощнице? Ведь идея всего этого цирка принадлежит именно ей.

Что, если по велению Гелы за мной не то что телега с ослом — за мной вообще ничего не придет? Зная эту коварную злодейку, можно предположить, что наглец, вызвавшийся помочь мне с сумками, тоже вполне может оказаться наемным маньяком, который избавится от меня по указу своей кобры-хозяйки.

Пока я переживала о том, что на последней неделе моды не выбрала стильный лук для погребения, на парковке, бледно мигнув фарами, появилось чудо отечественного автопрома. Ну что ж, это лучше, чем ничего. Но секретарше я это еще припомню!

— А вот и моя машина! — бодро рапортовала я, ковыляя по кривой дорожке к остановившейся машине.

Бросив чемодан у багажника, я распахнула заднюю дверь и спешно скрылась в салоне автомобиля. К счастью, молодой человек из поезда не стал меня преследовать. Он остался стоять на своем месте, наблюдая за мной с озадаченным видом.

— Уберите багаж! Чего вы расселись? — возмущилась я, не отрывая взгляда от парня на улице, будто стоит мне отвернуться — и он ринется к машине, чтобы утащить меня в ближайший пролесок.

— Не понял, — неуверенно протянул водитель, и я, раздраженно рыкнув, повернула к нему лицо.

На меня, обернувшись, смотрел симпатичный молодой человек — едва ли намного старше меня. В темноте его озадаченное лицо выглядело глуповатым, и я, вспомнив Маттео, пожалела, что не взяла шанелевскую сумочку — грозу нерадивых водителей.

— Что тут непонятного? — резко спросила я, — Мой чемодан на улице. Положите его в багажник. Или у этого корыта нет багажника?

— Ммм, — только и протянул светлоглазый парень в тонкой шапочке кирпичного оттенка.

Не испытывая моего терпения, он вышел из машины. Пока тот располагал мои сумки в багажнике, я снова вернулась к попутчику из поезда. Тот широко улыбался, глядя в нашу сторону — но не на меня, а на водителя.

Парень в шапочке вернулся на свое место и снова обернулся на меня, внимательно наблюдая за тем, как я остервенело дергаю заедающий ремень безопасности.

— Что это вообще за корыто? — в сердцах вскрикнула я.

— Лада Веста, — водитель усмехнулся и, чуть наклонившись вперед, забрал из моих дрожащих рук ремень и мягко выкатил его на себя. Ничего не сказав, он вставил ремень в замок, и глянул на меня так, словно я сбежала из психушки.

На целую минуту мы сцепились взглядами. Я дула губы и злилась от того, что жизнь повернула куда-то не туда и оказалась в самой настоящей... в Булкине! А парень, слегка шурясь в темноте, будто изучал меня, хоть и не так навязчиво, как тот сумасшедший из поезда.

— Лада Веста — не тронешь с места? Такой девиз у вашей машины? — съязвила я, ощутив себя королевой иронии, — Может, поедем уже?

Молодой человек удивленно вскинул светлые брови, но отвернулся, ухватившись за руль.

— Куда едем? — с любопытством спросил он.

— Проспект Мира одиннадцать, — равнодушно кинула я, как вдруг боковым зрением заметила, что парень из поезда направляется к нашей машине.

— Поехали скорее! — вскрикнула я, вцепившись в спинку переднего сиденья, — Этот умалишенный хочет меня изнасиловать!

Передняя пассажирская дверь распахнулась, и маньяк из поезда с шумом плюхнулся на сиденье.

— Колян, ты что, себе девушку из Москвы выписал? — спросил тот, обращаясь к водителю.

Я вжалась в кресло так глубоко, как только могла. Если распахну дверь, то, возможно, смогу добежать до вокзала, а там есть хоть кто-то, кто сможет меня защитить. Взглядом опустила вниз к своим туфлям от Том Форд — нет, далеко не убегу. Но какие же они все-таки очаровательные!

Колян глянул на меня через плечо и задумчиво цокнул языком.

— Разве вы приехали ко мне? — поинтересовался он.

— Нет! — возмутилась я, — Меня должно было ждать такси.

— Я не такси, — парень покачал головой и мило улыбнулся, только мне от его улыбочки легче не стало. Ведь других машин на парковке не было, а время на часах уверенно ползло к полуночи.

Заметив мое смятение, водитель выдохнул и заключил:

— Ваш адрес мне по пути. Мы завезем Василия Михалыча домой, а потом я отвезу вас на Мира одиннадцать. Хорошо? — Николай спокойно глянул на меня в зеркало заднего вида, и я неуверенно кивнула. Выбора-то у меня не было.

Машина осторожно двинулась с места, а я почувствовала, как тревога заполонила все мои легкие, мешая дышать. Куда проще иметь возможность смотреть в свой айфон и отслеживать передвижение таксиста, прекрасно зная, что за машина, какой номерной знак, сколько ехать и какие косяки водителя отмечали другие пассажиры. Но еще лучше ехать на мерседесе с Маттео. Поверить не могу, неужели я скучаю по своему Маттео?

— Ты правда хотел изнасиловать нашу гостью? — подавив смешок, спросил Николай у Василия Михалыча.

— Николай Николаич, ты же меня знаешь! Я ни-ни! — открестился попутчик, — Что ж вы, девушка, так плохо обо мне подумали? Да, я лысоват. Но не бандит же!

Мои щеки густо покраснели, и я отвернулась к окну, игнорируя двух парней, зовущих

друг друга по имени отчеству. Городок за окном казался унылым и желтым из-за обилия сухих листьев и фонарей с грязным рыжеватым светом.

Вот бы закрыть глаза и открыть, когда этот год закончится.

Булкин оказался настолько маленьким, что до дома Василия Михайловича мы доехали минут за семь. Попрощавшись со своим знакомым и со мной, он хлопнул дверью и направился в сторону старой пятиэтажки.

Молча Николай выехал со двора и покатил свою Весту по узкой пустой дороге. Украдкой я осмотрела его аккуратный профиль и подумала, что имя Николас ему вполне бы подошло. И, возможно, он выглядит не таким австралопитеком, как Маттео.

— Что привело вас в Булкин? — спросил он ровным тоном, будто боясь напугать излишне впечатлительную столичную красотку.

— Работа, — суховати ответила я, не желая вдаваться в подробности.

Парень снова глянул на меня в зеркало и, поняв, что большего я не расскажу, кивнул и усмехнулся.

Машина остановилась во дворе шестиэтажной сталинки с обветшалым серым фасадом. Я тяжело вздохнула, понимая, какая участь мне предстоит.

Николай вышел из машины и раскрыл передо мной дверь, и мысленно я отдала в его пользу еще один балл. Не припомню, чтобы Маттео хоть раз соизволил помочь мне выйти из машины.

Приняв теплую шершавую ладонь парня, я выставила на улицу ножки, и заметила, как мужской взгляд невольно скользнул вниз. О да, Булкин, ты еще не видел такой обуви. Покинув машину и отпустив руку Николая, я неспешно направилась к подъезду, едва расслышав, как парень за спиной тихо рассмеялся, но все же покатил мой чемодан следом за его хозяйкой.

За решетчатым окошком слышался мужской храп, и я замерла, не зная, как бы разбудить вахтера поделикатнее.

— Что случилось? — Николай оставил чемодан у лифта и глянул на меня вопросительно.

— Мои ключи у вахтера, — шепотом ответила я, боясь потревожить сон человека.

Парень решительно приблизился ко окошечку и, достав из своего кармана ключи от автомобиля, пару раз звякнул ими о металлическую решетку. Мужчина проснулся и, недовольно хрюкнув, показал свое лицо.

— Чего надо? — пробурчал он, буравя меня подозрительным взглядом из-под кустистых бровей.

— Я Надин Валенси, ваша новая постоянная. Мне нужны ключи от двадцатой квартиры, — торжественно объявила я, краем глаза заметив, как от удивления вытянулось лицо моего водителя.

— Смотрите, какую цацу к нам занесло, — сонный мужчина расслабился и даже по-доброму рассмеялся.

Он развернулся на старом офисном стуле и выудил из настенного шкафчика связку ключей.

— Шестой этаж, — сказал он, протягивая мне ключи через решетку, — я дядя Валера, если что.

Я забрала позвякивающую связку и дежурно улыбнулась, в тайне надеясь, что мне никогда не придется воспользоваться услугами дяди Валеры.

— Интересно, ради какой работы ты к нам приехала, — озадаченно протянул Коля, пока мы ждали лифт.

— Не припомню, чтобы мы переходили на «ты», — все так же строго ответила я, не желая заводить тесных знакомств ни с одним жителем этого серого городка.

— Можешь звать меня просто Коля, — с дружелюбной улыбкой на губах настаивал парень, а я в ответ лишь закатила глаза. Никуда его звать я, конечно, не собиралась.

Втиснувшись в кабинку лифта, мы смогли подняться на шестой этаж за считанные секунды. Николай проводил меня до двери и снова задержал на моем лице заинтересованный взгляд.

Я перекинула светлые волосы через одно плечо, любуясь тем, как в мужском взгляде мелькнуло восхищение, и достала из кармана небольшой кардхолдер, в котором с давних пор завалилась пятитысячная купюра.

Я протянула смятую бумажку парню, и его взгляд вдруг погас.

— Что это? — не понял он.

— Чаевые за услуги такси и подъем груза до этажа, — пояснила я, застыв с купюрой в руке.

— Я не таксист и не грузчик, — Николай покачал головой, делая шаг назад, — И денег не возьму.

Хмыкнув, я сунула купюру в карман пальто.

— Ваше право. Я всего лишь хотела отблагодарить вас.

— Но я не отказался бы встретиться еще раз, — вдруг предложил он, и тут уже я замотала головой, потрясая волосами.

— Нет-нет, Коля из Булкина — не мой уровень, простите, — напрямую отрезала я, надеясь, что парнишка не станет преследовать меня со своей безответной любовью.

Но Николай в ответ только рассмеялся и, сунув руки в карманы тонкой куртки, направился к лестнице.

— Спокойной ночи, Надежда Валенкина, — произнес он, не оборачиваясь, — И добро пожаловать в Булкин!

Парень скрылся на лестнице, оставив меня гневно теревить бирку на чемодане, выдавшую с потрохами мое настоящее имя.

***

Пережив тревожную ночь в неудобной полупустой однушке, я проснулась в половину шестого утра, когда хмурое осеннее небо только начало озаряться светом.

Запахнувшись в шелковый халатик, привезенный из Милана, я со скрежетом раскрыла деревянную дверь, ведущую на открытый балкон с кованой оградой. Холодный воздух пробежался по телу, выгоняя прочь остатки тяжелого сна.

Я всмотрелась в макушки деревьев и крыши малоэтажных домиков, составляющих всю архитектуру города, и сделала медленный успокаивающий выдох.

Гела думает, я не справлюсь. Она хочет, чтобы я махнула рукой на эту глупую затею и стала умолять Антона оставить меня в Москве. При таком раскладе он быстро охладел бы ко мне, увидев, как низко я ценю его тревогу обо мне.

Неужели я и впрямь так капризна, как ему кажется? У меня нет причин не доверять ему. Антон — взрослый, чуткий, и абсолютно точно он не станет делать что-либо во вред мне. А, значит, и весь этот Булкин должен быть во благо.

Что ж, у меня впереди целый год, чтобы поработать над коллекцией, не отвлекаясь на

суету, и подумать о том, как стать достойной женой Антона Лаптева. В конце концов, это уже совершенно иной статус.

Осталось лишь выжить в этих условиях.

***

До школы я добралась быстро и даже успела пройтись вдоль симпатичной аллеи под тяжелыми от желтых листьев дубами. Лакированные лодочки от Том Форд уверенно рассекали острыми носками залежи листьев, и я никак не могла перестать хмурить лоб от одной мысли, что частички пыли и грязи останутся на обуви и широких черных брюках.

Вид старой трехэтажной школы из красного кирпича навевал такую тоску, что я поспешила слиться с толпой учеников и поскорее попасть внутрь, но внутри дела обстояли не лучше.

Гадкая желтая краска на стенах фойе в сочетании с оранжевыми скамейками, на которых дети переодевали обувь, ввергла меня в еще большее уныние. Разочарованно озираясь по сторонам, я медленно двинулась по широкому коридору в поисках кабинета директора.

Вдоль одной стены коридора была выстроена целая оранжерея из комнатных цветов: герань, спатифиллум, монстера разных сортов, фикусы, сансевиерия и даже фиалки нескольких цветов.

Прямо напротив цветника были широкие панорамные окна — новенькие пластиковые стеклопакеты, сильно отличающиеся от общего вида школы. Видимо, благотворительный ремонт от компании Антона начали именно с этого участка, потому что нигде больше я обновлений не видела.

Мой взгляд зацепился за фиалку с девчачье-розовыми цветками, и я даже присела на корточки, чтобы получше рассмотреть этот цвет, отдаленно напоминающий о чем-то нежном, близком, но будто утерянном.

Пока я силилась понять, к каким воспоминаниям меня ведет этот оттенок розового, коридор заполнили ученики.

— Эй, косой! Лови мяч! — крикнул какой-то мальчишка, и уже через мгновение в меня врезался другой ученик, и я, не устояв в некомфортной позе, налетела прямо на кованый металлический стеллаж, уставленный цветами.

Ахнув от неожиданности, я повалилась на пол вместе с горшками, полными земли. Так низко мое самолюбие еще не падало.

Я вскочила с пола и, судорожно смахивая с костюма грязь, попятилась назад и зацепилась карманом брюк за металлический завиток другого стеллажа. Тот покачнулся и накренился, угрожающе натянув ткань. Я взвизгнула, хватаясь за стеллаж, но было слишком поздно.

Тяжелая конструкция выскользнула из моих рук и, разорвав брючину по шву от кармана и до самого колена, с шумом рухнула вниз.

На короткий миг в коридоре повисла тишина, и только слышалось, как бешено отбивает ритм мое раненое сердце.

— Ооой, — протянул мальчишка, огромными глазами глядя на то, как я пытаюсь пальцами слепить из рванья прежние прекрасные брюки.

Раздался звонок, и все вокруг снова ожило. Шушукаясь и хихикая, дети расползлись по кабинетам, оставив меня в одиночестве среди хаоса.

Кошмар. Какой кошмар.

Как я покажусь директору в таком виде? Москвичка, дизайнер. Приехала без штанов. Что обо мне подумают?

Я часто дышала, стараясь справиться с паникой, и придумать хоть какое-то решение, и мне даже постепенно стало это удаваться, но тут я услышала в конце коридора знакомые голоса, и сердце, оторвавшись от артерий, рухнуло в самые пятки.

Глава 3

— Она говорит, мне нужна помощь, представляешь? — возмущенный голос разнесся по коридору, но не он привлек мое внимание. Если бы не второй голос, то этого человека я и не узнала бы.

— Да угомонись ты! — шикнул Николай — не таксист и не грузчик, который помогал мне вчера ночью. Шаги стихи, будто мужчины остановились, чтобы поговорить.

Поверить не могу, что эта парочка здесь работает! Мое везение осталось где-то на вокзале в Москве.

— Я веду труд и у мальчиков, и у девочек последние шесть лет, — продолжал пыхтеть первый мужчина, в котором я наконец распознала вчерашнего лысого маньяка.

— И поэтому девочки у тебя здорово работают пилой, — Николай усмехнулся, а я, в панике осмотрев цветочную разруху, юркнула за весь этот хаос, надеясь спрятаться от приближающихся мужчин.

— И у них получается лучше, чем у мальчиков, — с гордостью добавил Василий, — А знаешь почему? Потому что пилить мужика — это женское призвание.

Василий неприятно рассмеялся, явно переоценивая глупую шутку. Николай же друга не поддержал.

— Вась, ну много ты теряешь? — почти равнодушно спросил он, — Новая трудовиха возьмет у тебя один класс. Один! Да ей, наверное, до пенсии как-то дотянуть надо, вот и сунулась к нам.

Ах вот как! Это мне-то до пенсии дотянуть?! Не будь на моих палатко дыры размером с великую китайскую стену, я вышла бы сейчас из своей засады и показала бы этим наглецам, кто такая эта новая трудовиха.

И только прокрутив в голове эту мысль, я скривила лицо в гримасе. Я трудовиха. Какое унижение!

Радует лишь одно: Антон согласился с моим доводом, что мне предстоит масштабная работа над коллекцией, и обговорил в разговоре с директором, что я возьму только один класс и только на один кошмарный урок в неделю.

Все остальное время я планирую заниматься своим призванием — создавать одежду. Ну и жалеть себя, конечно же.

Готова поспорить, в этой дыре и кофейни нормальной нет. И это первый пункт в списке 'почему меня стоит пожалеть'.

— Колян, — начал Василий жалобным тоном, но Николай его прервал.

— Я на урок опаздываю. Девятый 'бэ' без меня кольцо баскетбольное оторвет, ты же знаешь, — Николай Николаевич хохотнул, и я снова услышала шаги. Одни — удалялись, другие, напротив, становились все ближе и ближе, заставляя меня настолько сильно вжаться в стену, что, наверное, на моем безнадежно испорченном костюме останется еще и декоративная штукатурка жуткого желтого цвета, которая наляпана в этой школе на каждой стене.

— Ох, ну поросята! — в сердцах протянул Николай, остановившись прямо напротив беспорядка, учиненного моим падением. Справедливости ради прошу заметить, что я совершенно не виновата.

Вместо того, чтобы пойти дальше на тот самый урок, где девятый 'бэ' уже, возможно,

учинил еще больший урон, молодой человек присел и принялся руками собирать рассыпанную землю в горшок.

Я затаила дыхание, осторожно наблюдая за его действиями из-за огромного размера монстерры. Весь этот миг напомнил мне о бабушке, которой не стало уже очень давно. Она была чудесной женщиной и, наверное, единственной, кто любил меня в детстве. И в ее квартире пахло именно так — обилием зелени и влажной землей.

Я потянула носом, вдыхая ностальгический аромат, и не заметила, как резко на звук моего вдоха повернулась голова Николая. Он прищурился, всматриваясь в девушку, скрытую за цветами-гигантами.

Поняв, что мое убежище раскрыто, я шумно выдохнула и отвернулась. Николай нырнул под ветвь монстерры и присел на корточки передо мной.

— Вот так сюрприз, — протянул он не столько удивленно, сколько радостно. — Что ты тут делаешь?

— Тебя спросить забыли, — огрызнулась я, раздраженная тем, что этот человек снова обращается ко мне на «ты». Впрочем, и я опустила на его уровень. Но ведь мы, выходит, теперь коллеги. Прекрасно. Просто прекрасно. Теперь он мне точно проходу не даст.

Николай смерил меня долгим взглядом и вдруг, усмехнувшись, стал двигаться гуськом к выходу из зарослей.

— Ну ладно, — буркнул он на прощание, и я, не сдержавшись, ухватила его за плечо, от чего парень едва не плюхнулся на зад в синих спортивных штанах.

Присев на колени, он поднял на меня удивленный взгляд.

— Не можешь же ты бросить меня в беде, — заявила я, прежде чем Николай успел спросить, какого черта я хватаю его.

— Я думал, ты меня прогоняешь, — ответил он, нахмурившись.

— Так и есть, — слегка опустив подбородок, я глянула на парня из-под опущенных ресниц, — Ты что, не знаешь эти женские игры? Женское «нет» — это всегда немножко «да».

Молодой человек не оценил урок преподанный урок по общению с женщинами. Но на его губах снова мелькнула улыбка.

— Так мне тебя уговаривать, что ли? — усмехнулся он, — Ты явилась ко мне на работу, разгромила цветник, нагрубила и теперь думаешь, что я поведу на милые глазки?

Я тяжело вздохнула, принимая поражение, и убрала ладонь, которой сдерживала края разорванной штанины. Легкая ткань скользнула вниз, оголяя светлую кожу колена.

Поджав губы, парень с нескрываемым интересом изучил мою ногу и, сглотнув, полюбопытствовал:

— Ты пытаешься соблазнить меня прямо в школе?

— Что?! — возмущенно пискнула я, с силой толкая Николая в грудь, от чего тот лишь слегка пошатнулся, — У меня проблема, идиот! Я пришла устраиваться на работу, а тут это!

Я обвела рукой устроенный погром и отвернулась, ощутив, как от досады на глаза наворачиваются предательские слезы. Плакать перед этим физруком совершенно не хотелось, хотя, надо признать, женские слезы — куда более сильное оружие, чем хлопанье ресницами.

И я оказалась права. Заметив, что я вот-вот расплачусь, Николай засуетился, отодвигая от меня грязные поваленные горшки.

— Сейчас что-нибудь придумаем. Только не плачь, ладно? — взмолился он, выглядывая

из нашего убежища.

В коридоре раздалось шарканье ботинок о плитку, и оба мы — я и встревоженный физрук — напряглись. Будет сложно объяснить, что произошло, если нас найдут при таких странных обстоятельствах.

Николай привстал, надеясь высмотреть того, кто проходит мимо, оставаясь при этом незамеченным. Только это ему не удалось. До меня донесся молодой запыхавшийся голос:

— Знаю-знаю, Николай Николаич, я опоздала. Опять, ага. Три штрафных круга, все знаю, — причитала девушка, пробегая мимо, даже не озадачившись обстоятельствами.

— Сметанина! — позвал физрук, и девушка в ответ залебезила.

— Только не отжимания! Я же на пять минут всего опоздала!

— Сметанина, иди сюда! — еще раз позвал парень, и девушка, наконец заметив, что ее преподаватель почему-то стоит посреди цветов, удивилась: А чего это вы там делаете, а?

Вздыхнув, я тоже поднялась на ноги и осмотрела ученицу, которой на вид было лет пятнадцать. На ней были серые спортивные штаны, а сверху — о боже — прямо на штаны была надета кошмарной длины юбка-годе. Всю эту безвкусицу завершал ансамбль из серой водолазки и удлиненного жакета.

— Я не могу на это смотреть, — удрученно произнесла я, отводя глаза от девушки, которая пялилась на меня так, будто мы с Николаем были застуканы за чем-то непристойным.

— Ну здраасьте, — протянула девушка, не то обращаясь ко мне, не то выражая свое удивление сложившейся ситуации.

— Сметанина, дай-ка сюда свою юбку, — скомандовал Николай, вылезая из зарослей, — У нашей гостьи порвались брюки, а ей нужно срочно пойти к директору.

Я резко перевела возмущенный взгляд на физрука. Он вообще видел эту юбку?!

— Мне нельзя спрашивать, почему у нее порвались брюки, да? — спросила девчонка, с трудом подавляя смех.

— Так, Сметанина, — Николай выставил вперед руки, как бы откешиваясь от причастности к моим разорванным палаццо, — Что бы ты себе ни придумала — все было не так. Ясно? Просто дай юбку Надежде....

Парень глянул на меня в ожидании того, что я назову свое отчество, и я, фыркнув, сдалась:

— Надежда Львовна.

— Отлично, — Николай примирительно кивнул, — Сметанина, дай Надежде Львовне юбку на время урока, и я прощу тебе опоздание.

— И я не буду бегать кросс! — пыталась сторговаться девчонка, почувствовав власть в своих руках.

Николай Николаевич вздохнул, но согласился.

— Хорошо, только никому не говори.

— Идет! — девчонка протянула физруку руку, и тот пожал ее, скрепляя договор.

— Идите в раздевалку, — сказал Николай, кивая мне.

Я вскинула палец вверх, чтобы начать гневную тираду о том, что я думаю о существовании юбок-годе в мире моды, но два насмешливых взгляда, обращенных в мою сторону, заставили меня проглотить возмущение и выйти из укрытия, крепко придерживая рвань на ноге.

Сметанина победно улыбнулась и пошла в сторону раздевалки, и мне не оставалось

ничего, кроме как пойти следом за ней.

— Надо было просить освобождение от физры на месяц, — пробормотала девчонка, и позади нас раздался громкий голос физрука.

— Не перегибай, Сметанина!

— Ладно-ладно! — ученица развела руками, покидая коридор.

Я обернулась, глянув на то, как Николай Николаевич аккуратно придерживает герань, выброшенную из родного горшка. На меня он больше не смотрел, но, если бы он повернулся, то заметил бы, как я, сама того не ведая, улыбаюсь.

— Надежда Львовна, вы где там? — позвала Сметанина, и я, тряхнув головой, последовала за ней в раздевалку. — Вам пиджак в комплект не нужен?

Какой кошмар. Как пережить в этом Булкине целый год?

***

— Тук-тук-тук, — приветливо улыбаясь, я заглянула в распахнутые двери кабинета директора.

За компьютером сидела худощавая брюнетка лет пятидесяти. Услышав мой голос, она вскинула глаза и, поправив очки в старомодной оправе, улыбнулась:

— Валенкина, да? — уточнила она, и я, скривив губы от родной фамилии, кивнула. — Заходите.

С непривычки одергивая ужасную юбку, я прошла в кабинет и присела на стул перед директорским столом.

— Я вас ждала пораньше, — призналась директриса, — Хотела сразу представить вас классу, у них сейчас как раз урок.

— Простите, у меня случились непредвиденные обстоятельства, — оправдалась я, блуждая взглядом по стенам, обвешанным грамотами на имя Людмилы Сергеевны Прошиной — директора старейшей школы славного Булкина.

— Ничего, начнете со следующей недели, — женщина мило улыбнулась и вдруг заговорила шепотом, — Антон Игоревич объяснил, что для вас это просто временное занятие, но я попросила бы вас с особым вниманием отнестись к детям. Пусть урок труда — не самая важная дисциплина, но девочки в какой-то мере будут смотреть на вас и брать пример. Понимаете?

Хотелось закатить глаза, демонстрируя свое отношение к возложенной на мои плечи ответственности, но вместо этого я только коротко кивнула. Кому вообще нужны эти уроки труда?

— Вам нужна будет программа? — поинтересовалась Людмила Сергеевна, шаря глазами по полке с папками.

— Не думаю, — я покачала головой, — Я и без программы смогу сшить с девочками фартук.

В моем голосе мелькнуло презрение, но женщина этого явно не заметила. И тогда я зачем-то добавила:

— Вас попрошу в ответ не упоминать вслух имени Антона Игоревича. Мое пребывание здесь и наши отношения должны остаться в тайне, — строго произнесла я, — Пресса все разносит, сами понимаете.

— Ох, конечно! — Людмила Сергеевна закивала, выражая полное понимание приказа.

Вот и славно. Не хватало еще, чтобы кто-то пустил слух, что новенькая трудовиха приехала в Булкин, потому что ее погнал богатенький жених.

— Пойдемте, я представлю вас девочкам, — Людмила Сергеевна поднялась с места, и я только вздохнула, увидев на ней еще более древнюю юбку-годе коричневого цвета.

Мы поднялись на второй этаж, и только тут я поняла, что в школе действительно идет реновация. Часть стен уже была выкрашена тепло-бежевым тоном, напольное покрытие в виде протертого линолеума было полностью заменено на качественную плитку. Я улыбнулась, подумав о том, какую благодарность эти люди должны испытывать к Антону и его компании. И все это — мой мужчина.

Мы прошли по коридору и остановились у кабинета в небольшом закутке с двумя высокими окнами, через которые в помещение падали лучи теплого сентябрьского солнца.

Людмила Сергеевна постучалась и раскрыла дверь.

— Василий Михайлович, я пришла представить вам вашу коллегу, — начала она, подзывая меня рукой.

Кто бы только знал, как мне не хотелось сейчас входить в этот кабинет к Василию Михайловичу, но, покоровшись, я сделала шаг и оказалась под пристальным взглядом небольшого класса и его учителя — лысоватого маньяка Василия Михайловича.

Увидев меня, он вскинул брови в удивлении, но ничего не сказал, чему я даже была благодарна.

— Василий Михайлович, дети, это Надежда Львовна — наш новый учитель труда, — представила Людмила Сергеевна.

— А мне так нравилось забивать гвозди в табуреты, — иронично заметила одна из учениц — черноволосая красавица с тяжелым взглядом.

— Юбка, как у Ирки, да? — прошептал кто-то, и я ощутила, как щеки заливаются предательским румянцем.

— Добрый день, — коротко выдавила я.

— Ну что, Надежда Львовна, — издевательски улыбаясь, произнес Василий, — Рад видеть вас в нашей школе! Уверен, мы подружимся.

Подмигнув мне в своей маньяческой манере, Василий Михайлович хохотнул и обратился к ученикам:

— Чего рты раскрыли? Возвращаемся к работе!

Отвернувшись, дети занялись своими делами, а я поспешила покинуть кабинет, слыша, как директриса на прощание говорит девочкам:

— На следующей неделе вы идете на урок в двести восьмой кабинет.

Я подняла глаза, заметив табличку «208» прямо напротив.

— Могу я посмотреть? — Я кивнула на свой кабинет, когда директриса вышла и заперла дверь.

— Да, там должны были уже убраться, — Людмила Сергеевна дернулся ручку, и дверь двести восьмого кабинета распахнулась. — Входите, располагайтесь. Когда закончите, зайдите ко мне. Оформим документы.

Я кивнула и, оставшись одна, прошла в кабинет.

Это было небольшое помещение с пятью партами, на которых были установлены советские швейные машинки, которые по тяжести могли сойти за штангу в спортзале. Стол учителя располагался в углу, и меня даже порадовало то, какое расстояние было между столом учителя и детскими партами. Чем дальше — тем лучше.

Я приехала сюда не дружить с учителями, не воспитывать учеников, не строить из себя хорошего преподавателя. Мне нужно лишь сшить пару дурацких фартуков, а так не успею

оглянуться — и год пройдет.

Лишь бы эти допотопные машинки вообще работали.

Вот и проверим. В конце концов, мне нужно разобраться с своими брюками.

Конец сентября. Золотая осень резко закончилась, и мое пребывание в Булкине стало еще более удручающим. Квартира, которую для меня сняла Гела, за неделю так и не преобразилась, ведь в этом захудалом городишке вряд ли отыщется сервис, способный из унылого помещения с обоями в мелкий горошек создать интерьеры Метрополя.

За окном унылая темнота и мерзкий накрапывающий дождик. Еще слишком рано, чтобы идти в школу, хотя я уже полностью готова к тому, чтобы пережить этот кошмар. Легкий дневной макияж, длинные золотистые волосы, собранные в низкий хвост, черная юбка-карандаш и укороченный жакет добавляли мне уверенности в собственном профессионализме.

Всю неделю я прослушивала курсы психологов о том, как вести себя с подростками, и, окончательно устав от всего этого, приняла важную для себя мысль.

Да, я не преподаватель, так что я не должна заниматься детьми. Эти пятнадцатилетние девочки явно уже сами разобрались со своим воспитанием, и наставник в моем лице им не нужен. Я пришла в школу только для того, чтобы доказать жениху, что достойна быть рядом с ним в тех условиях, которыми он располагает. В самых шикарных условиях. И я вытерплю год в периферийном Булкине, чтобы переродившимся фениксом вернуться в роскошный особняк Антона и под марш Мендельсона, сыгранный живым оркестром, выйти замуж за мужчину своей мечты.

А девочки... Девочкам от меня нужно одно — чтобы я не напрягала их глупым уроком труда.

***

Свернув зонтик-трость и хорошенько стряхнув с него дождевые капли, я потянулась к ручке входной двери, но меня опередила крепкая мужская ладонь. Я перевела взгляд от руки в ярко-желтой толстовке выше и встретилась взглядами с сияющим физруком.

— Доброе утро, Надежда Валенкина, — бодро поприветствовал он, и я закатила глаза.

— Надин. Меня зовут Надин, — сквозь зубы пробормотала я и кивнула на все еще закрытую дверь, — Может, вы все-таки дадите мне войти?

— Я думал, мы перешли на «ты», — Николай подмигнул мне, открывая дверь.

Покачав головой, я вошла в школу. Не оборачиваясь на назойливого физрука, пошла по коридору, звонко отстукивая каблуками по плитке. Уверена, этот парнишка стоит, как вкопанный, провожая меня взглядом. Не доводилось же ему где-то в Булкине видеть отработанную модельную походку на высоких каблуках.

Я уверенно шла вперед, покачивая бедрами, как вдруг грязная швабра перегородила мне путь, едва не сбив с ног. Я перевела широко распахнутые глаза на причину сорванного дефиле. В стороне, вытянув перед собой деревянную швабру, стояла невысокая бабуля с косматыми бровями.

— Куда без второй обуви?! — прогремела она неприятным голосом.

— Я учитель! — вспыхнула я, поправляя слегка задравшуюся юбку.

— Да хоть президент! — пробурчала бабка, шваброй отгоняя меня обратно ко входу.

Я развернулась и, фыркнув, покинула коридор, не обращая внимания на бабульку, которая принялась усердно натирать и без того чистый пол.

В холле я столкнулась с Николаем, который смотрел на меня, с трудом сдерживая смех. В его руках был обыкновенный пакет из местного супермаркета. Гадко хихикнув себе под нос, парень присел на голубую скамеечку и достал из пакета чистые кроссовки.

Я снова глянула на уборщицу, гадая, как же мне добраться до лестницы в обход этого Мойдодыра. Николай закончил переодевать обувь и вытянулся во весь рост рядом со мной, и я даже удивилась, что, постоянно вращаясь среди профессиональных моделей, я все еще отмечаю про себя рост окружающих меня мужчин. Должно быть, Николай Николаевич хорош в баскетболе. Или волейболе. Или в любом другом виде спорта, ведь, помимо высокого роста, он обладал в целом довольно крепко сложенным телом.

— Уже закончила осматривать меня? — усмехнулся он, и я, мгновенно покраснев, одернула себя.

— Просто пыталась понять, где ты откопал это вопиюще желтое худи? — сыронизировала я, отводя от парня глаза.

— О, так мы снова на «ты», — его довольный голос прозвучал прямо над моим ухом, — Виталину Марковну не обойти, не надейся.

— Что? — не поняла я, снова переводя взгляд на голубые глаза физрука.

— Виталина Марковна, — он кивнул на бабуку, ворчащую в намытом коридоре, — Тебе придется переодеть обувь.

— У меня нет второй обуви, — нахмурилась я, не желая мириться с устарелыми правилами.

— Могу дать бахилы, — весело предложил Николай Николаевич, и мне, поверженной и униженной, пришлось собрать в кулак все свое негодование и направить его на улыбающегося физрука.

— Ты серьезно?! Надевать бахилы на ботильоны Касадей? — я грубовато усмехнулась, — Никогда!

Бесцеремонно ухватившись за локоть физрука, я приподняла одну ногу и расстегнула молнию на любимой обуви. Сняв и отставив один ботинок, я проделала то же самое со вторым. Без обуви я стала еще ниже, и только восхищенный взгляд Николая прибавлял мне хоть какого-то внутреннего роста.

— С этой обувью поступают только так! — высокомерно произнесла я и, прихватив пару Касадей, демонстративно взмахнула волосами, собранными в хвост, и уверенной походкой прошла по еще влажному полу в коридоре.

Уверена, Мойдодырша просто не нашла слов, чтобы как-то задеть меня, и только потому ничего не сказала. Я же, шлепая по лестнице влажными ступнями в тонких колготках, вдруг ощутила внутри какую-то неведомую силу от того, как эффектно смогла преодолеть очередное препятствие на пути к замужеству.

Девочки из моего класса уже собрались у запертого кабинета и, заметив меня с парой обуви в руках, стали весело шушукаться. Молча я прошла мимо этой стайки и отперла кабинет.

— На Марковну напоролась, да? — усмехнувшись, спросила коротко стриженная брюнетка с густо подведенными глазами.

— Не ваше дело, — резко парировала я, пресекая фамильярность в отношении меня как учителя. Девчонка закатила глаза и плюхнулась за парту.

Не обращая внимания на девочек, ожидающих от меня начала урока, я аккуратно встряхнула ботильоны в коридоре и, пройдя в класс, села на скрипнувший стул, чтобы

вернуть обувь на подмерзающие ноги.

— Мы будем что-то шить? — спросила одна из учениц, и я нехотя подняла на класс глаза.

— Что-нибудь, — согласилась я, — Весной мы должны предоставить директору ваши труды.

— Чтобы она видела, что вы не в потолок плевали? — снова сыронизировала брюнетка, но я решила проигнорировать ее колкость.

Мельком оглядев пятерых девочек, я раскрыла классный журнал, который передала мне милостивая ученица с двумя длинными русыми косичками.

— Проведем переключку, — предупредила я и, пальцем скользя по шероховатой бумаге, стала называть имена: Арефьева Вера?

— Это я, — та самая девчушка с косичками подняла руку вверх, и я сделала отметку о ее присутствии.

— Гаврилова Мария?

— Я тут, — абсолютно неприметная девочка в черном жилете, кривой крой которого так и притягивал мой взгляд.

— Журавлева Елена?

— That's me! * — с ужасным русским акцентом заявила девочка в обтягивающем коротком сарафане в клетку. Я бы дала этой ученице лет двадцать из-за вульгарного образа, но, если всмотреться в ее распахнутые голубые глазки, то можно заметить, какой же она еще ребенок.

— That's fine, young lady *, — ответила я так, как говорят сами британцы, и девчонка, надув губы, отвернулась. — Вернемся к списку. Константинова Маргарита?

— Я, — коротко отозвалась рыженькая с задней парты.

— Так, кто у нас остался? — протянула я, выискивая в списке еще одну женскую фамилию.

— Шнайдер, — подсказала черненькая, — Любовь Шнайдер.

Я поставила галочку рядом с ее именем и подняла глаза на класс.

— Ну и чем хотите заняться? — спросила я, скрестив руки на груди. Вряд ли хоть у одной ученицы есть пожелания относительно того, из какой ткани шить фартук.

— Может, повяжем крючком? — спросила Вера с косичками. Она мило улыбалась, словно поддерживая меня в мой первый рабочий день. Будто мне нужна была поддержка!

— Засунь себе этот крючок, знаешь куда! — пригрозила Леночка в коротком сарафане.

Тут, будто вступившись за недотрогу, усмехнулась Люба:

— Туда же, куда тебе стоит засунуть свой язык?

Лена Журавлева вспыхнула и, направив на обидчицу яростный взгляд, процедила сквозь зубы:

— А давай расскажем, куда тебе засовывает свою свистульку Андрейка?

Скривив лицо, брюнетка вскочила с места и бросилась на Лену, которая, надо признать, перегнула палку с оскорблениями. Девочки повалились на пол, вцепившись в волосы друг друга. Остальные даже не шелохнулись, не желая ввязываться.

— Забейте, они всегда так, — на мой шокированный взгляд ответила Маша в кривом жилете.

— А ну прекратите! — закричала я, но в запале взаимной ненависти девочки не обратили на меня никакого внимания.

— Ноги раздвинула ты, а виновата я! — пищала Лена, прижатая к полу щекой.

Люба, оседлавшая Журавлеву сверху, сильнее надавила на ее голову, от чего та только пискнула.

— Еще раз услышу от тебе что-то, падла..., — пригрозила она, и я больше не смогла это слушать.

Крепко ухватив девчонку за локти, я стащила ее с острой на язык Лены. Та приподнялась и отползла зализывать раны у дальней парты.

— Мне плевать на то, как вы живете свою жизнь! — четко и громко проговорила я, — Но устраивать потасовки в моем кабинете я не позволю! За пределами школы творите, что хотите — я и пальцем не пошевелю, чтобы вмешаться!

Тогда я еще не знала, насколько сильно ошибалась, говоря эти слова.

Девочки успокоились и, не глядя друг на друга, расселись по местам. Я же ощущала, как внутри бьется комок нервов, истерикой рвущийся наружу. В последнее время я живу в постоянном стрессе: работа над коллекцией, которой я никак не могу придать изюминку, пошатнувшиеся отношения с Антоном, гадина Гела Микаэловна, ссылка в Булкин, а теперь еще и класс бунтарок, переживающих самый расцвет своего пубертата.

Я не хочу иметь с этим ничего общего! Не хочу позволять чужим проблемам влиять на мое внутреннее равновесие. Только где-то внутри еще жива память о временах, когда я сама была подростком и проходила через непростые испытания. В эту память хочется вцепиться ногтями и выдрать ее прочь из груди.

Нужно научиться отворачиваться от этих девочек. Закрывать глаза. Пропускать их проблемы мимо себя. Чтобы ни одна из них не напоминала мне саму себя.

— Скоро вернусь, — сухо кинула я, выбегая из класса с сумочкой в руках.

Остаться там, в атмосфере детской обиды и взаимных упреков, я больше не могла. Мне срочно нужно было заземлиться. И единственный человек, который одним своим голосом возвращает в мой мир гармонию, — это Антон.

— Пожалуйста, Антон, возьми трубку, — взмолилась я, крепко прижимая телефон к уху.

В коридоре было тихо, и только где-то на другом конце из приоткрытого кабинета слышались разговоры детей и учителя. Я могла бы позавидовать тому, как идиллически складывается их беседа, но меня абсолютно не интересовало установление дружеского контакта с классом. Один урок в неделю был для меня лишь черной отметкой в недельном планнере, и я ждала, когда наконец вычеркну все дни, которые должна провести в этом кошмарном кабинете с ржавыми машинками и дерущимися девочками.

— Надин? — в телефоне раздался голос Антона, и я, облегченно выдохнув, улыбнулась.

— Антон! Я так соскучилась! Почему ты не звонил?

— Прости, моя девочка. Пойми, у меня сейчас горячая пора на работе, — я покачала головой, прекрасно зная, что горячая пора на работе у Антона никогда не кончается.

— Я просто хотела услышать твой голос, — жалобно протянула я, — Тут так тоскливо, ты не представляешь! Нет хорошего кофе, нет магазинов, нет ресторанов, нет нормального асфальта. Я сбила себе все ноги за одну неделю! Скучаю по Маттео, представляешь? С ним мои ноги катались на машине.

Я могла бы жаловаться и жаловаться, но Антон как-то резковато осадил меня:

— Успокойся! — его жесткий тон тут же смахнул с моего лица улыбку, — Ты отправилась в Булкин именно для того, чтобы стать ближе к людям. Чтобы научиться ценить

нечто большее, чем деньги и все то, что они дают.

Голос Антона немного смягчился под конец осуждающей речи, и я с трудом убедила себя не впадать в депрессию.

— Я не представляю, как тут работать, — осторожно произнесла я, не столько жалуясь, сколько выражая непонимание, — В Москве я творила в своей современной мастерской. А здесь... Швейные машинки, которыми еще прабабушки моих учениц шили.

Антон на том конце помолчал немного, будто взвешивая аргументы, и наконец ответил:

— Хорошо. Напиши Геле, какое оборудование и в каком количестве тебе нужно. Я выделю на это средства, — в моем мужчине снова звучал уверенный предприниматель, которому куда проще общаться цифрами, нежели чувствами. Может, это мне в нем и нравилось.

Над моим ухом протрезвонил неприятный звонок, и я, быстро попрощавшись, скинула вызов. Из кабинета, ничего не говоря, вышли девочки. Вера кивнула мне в знак прощания, Люба кинула в мою сторону взгляд, полный презрения, остальные и вовсе — проигнорировали мое присутствие.

Я вернулась в класс и, устало потерев виски, подхватила классный журнал и понесла его в учительскую, расположенную неподалеку от кабинета директора. По-быстрому избавлюсь от этой книженции и вернусь в свое угрюмое жилище. В планах посмотреть третий сезон «Отчаянных домохозяек» и вдоволь пожалеть себя.

К моему великому разочарованию в учительской был ажиотаж, так что остаться незамеченной мне не получилось.

— Ооо, та самая новенькая трудовиха! — прогремела крупная женщина с жиденьким хвостиком на затылке. — Как вас величать-то?

— Меня? — суховато осведомилась я, стараясь не обращать внимания на взгляды присутствующих.

— Надежда Львовна, — ответил за меня знакомый голос.

Я заглянула за стеллаж с папками и увидела, как там, оперевшись на стену и листая классный журнал, стоит Николай Николаевич в темно-зеленых спортивных брюках и шалфейной футболке, выгодно облегающей его торс.

— Благодарю, — сквозь зубы процедила я, — Без вас, Николай Николаевич, я свое имя не вспомнила бы.

— Так, Надюха, значит? — снова прогремела дородная женщина, и я перевела на нее уничижительный взгляд.

— Надин. Можете звать меня Надин, — поправила я, но ей было все равно.

Женщина вскочила из-за стола, на котором стоял ее недопитый чай и вазочка с конфетами. Больно сжав мои плечи, она силой усадила меня на свое место и буквально пропела над моим ухом:

— День учителя скоро!

Надо признать, в пении ее голос звучал на удивление приятно, чего не скажешь о речи. Громкий, басоватый голос, будто поставленный так нарочно, чтобы подчеркнуть тяжесть и весомость ее фигуры.

— Я, кстати, Анжела Викторовна — веду русский и литературу. Можно просто Анжела, — представилась она, натянув на лицо наигранную строгость.

Я кивнула просто из вежливости и перевела глаза на остальных учителей в комнате. Анжела Викторовна взяла на себя честь представить и их.

— Это у нас Ольга Александровна — англичанка, — она указала на скромную худенькую учительницу, пишущую что-то в лиловом блокноте.

— Добро пожаловать в нашу школу, — та мило улыбнулась, на мгновение оторвавшись от своего занятия.

— А это, — продолжала Анжела, неприлично тыча пальцем в высокую широкоплечую женщину, облаченную в черное платье с неуместным жабо на груди, — историчка Анна Григорьевна.

Историчка смерила меня недружелюбным взглядом и едва заметно дернув губами, покрытыми дико-красной помадой, отвернулась к окну. Я тихо усмехнулась, выражая взаимность.

— Василий Михалыч только что был, но вышел, — Анжела Викторовна недовольно сморщила нос, а я равнодушно пожала плечами.

— Ничего страшного, мы знакомы.

— Вот этот красавчик, — Анжела указала на Николая, скривившего лицо от лестной характеристики коллеги, — Это наш физрук — Николай Николаевич Муромцев.

— Да, этого красавчика, как вы говорите, я тоже уже знаю, — я поспешила откеститься от этого разговора, потому что выдерживать на себе изучающий взгляд Николая почему-то стало неловко.

— А где Берта Андреевна? — спросила Ольга, подняв хмурое лицо от блокнота.

— Наверное, разжевывает очередную задачку раздолбаям из девятого «бэ», — хохотнула Анжела и, обращаясь ко мне, добавила: Берта Андреевна — у нас математичка. Есть еще усатый физик Анвар Махмутович и химик Кирилл Петрович. Они бегают курить на каждой перемене, их тут так просто не застанешь.

— Я как-нибудь переживу, — пробормотала я, собираясь с мыслями, чтобы подняться со стула Анжелы Викторовны и донести журнал до стеллажа, у которого стоял физрук, время от времени поглядывающий на меня с нескрываемым интересом.

— О чем мы говорили? — задумалась Анжела, вспоминая тему, которая обсуждалась в учительской до того, как тут появилась я.

— О том, почему у Олечки не складываются отношения с мужчинами, — холодно произнесла историчка. Ольга Александровна невольно хлюпнула носом, будто эта проблема действительно доставляла ей страдания.

— Ах да! — воскликнула Анжела и в своей нагловатой манере пояснила мне: Олечке тридцать пять, а она все еще не замужем и без деток.

Мне стало неловко и даже немного жаль англичанку из-за того, как бесцеремонно ее личная жизнь обсуждалась теми, кого совершенно не касалась. Только саму женщину, видимо, ничего не смущало.

— Не понимаю, почему он сбежал? — неожиданно громко заявила она, захлопнув блокнот. — Свидание шло прекрасно. Мы много говорили, пили чай, а потом Иннокентий просто ушел в уборную и не вернулся.

Олечка прикрыла лицо руками и тяжело вздохнула, оплакивая свою судьбу.

— Я же сказала, что нужно надеть красное, — тоном ментора заявила историчка, не отрываясь от окна, — Мужчины обожают красное. Это цвет страсти, Олечка. Наденьте красное платье с декольте, покрасьте губы — и к вам, как мотыльки, слетятся кавалеры.

Я искренне пыталась молчать, оставаясь в стороне от обсуждения неудачного свидания, но такая оценка красного цвета вывела меня из себя.

— Не соглашусь с вами, — смело возразила я, — Красный сильно переоценен. Он вульгарен и будто кричит о женской доступности. Не думаю, что Ольге нужно именно это.

Историчка перевела на меня удивленный взгляд, но уже через секунду снова вернула на лицо холодную маску.

— Николай Николаич, — вдруг позвала Анжела Викторовна, — Вот ты у нас мужчина в самом расцвете лет. Скажите нам, стоит Олечке надевать красное или нет?

Физрук тихо рассмеялся, закрывая журнал, который засмотрел уже, наверное, до дыр.

— Понимаете, в чем дело..., — начал он, обращаясь ко всем сразу, — Вы, женщины, придаете цвету слишком большое значение. Большинство мужчин даже не запомнит, было на вас красное платье или, скажем, синее.

— Так что же тогда надеть? — Ольга Александровна перевела на физрука усталый взгляд.

Парень пожал плечами и с присущей ему легкостью ответил:

— То, в чем ты сама себе нравишься. В чем твои глаза будут сиять. Мы, мужчины, немного дети и считываем вашу неуверенность, — ответил он, и все женщины в учительской замолчали в задумчивости. Было в его словах нечто поистине мудрое.

Заметив, какой эффект ему удалось произвести, Николай довольно улыбнулся и убрал свой журнал в нужную ячейку на стеллаже. Ничего не говоря, он подошел ко мне и взял со стола мой журнал, который я никак не могла донести до полки.

— Я могла бы и сама, — пробубнила я, глядя, как парень убирает тетрадь в ячейку.

— Я не кусаюсь, не надо меня бояться, — ответил физрук. Неужели он догадался, что я не хотела идти к стеллажу именно из-за него?

К счастью, никто из присутствующих не обратил внимания на наш короткий диалог. Не хватало только слухов о моем страхе перед физруком.

— Так, друзья! — снова громко заявила Анжела Викторовна, — Что делаем на день учителя? Может, шашлындос замутим?

— Вы точно учитель русского языка? — пробормотала я себе под нос уже на выходе из учительской.

Этот разговор меня совершенно не интересовал, ведь пятого октября, когда педагогический коллектив будет жарить «шашлындос» в честь дня учителя, я буду праздновать свой двадцать восьмой день рождения. Интересно, какой сюрприз мне устроит Антон?

Октябрь

Никогда не думала, что свой двадцать восьмой день рождения я встречу в холле убогой школы никому не известного городишки, но судьба коварна, и она пытается меня сломить. Только я не сдаюсь так просто!

Стоя в тени колонны с зеркалами, я листала ленту соцсетей, проверяя, кто уже успел выложить поздравление с отметкой моего имени, а кто — нет. Время от времени я поднимала глаза на мелькающую в коридоре бабульку со шваброй. Что бы такого сделать, чтобы она отстала от меня со своей второй обувью?

— В другое место нельзя встать? — грубо спросил один из рабочих, заносящих мешки со стройматериалами в холл.

Я смерила его взглядом, полным презрения, и уже раскрыла рот, чтобы вежливо указать наглесту направление движения, как в дверях появился Николай Николаевич в окружении учеников. Его сияющая улыбка немного сбила меня с толку, и я только махнула рабочему, чтобы не докучал мне.

— И в футбол погоняем? — спросил мальчишка, с восхищением глядя на физрука.

— И в футбол! — смеясь, отвечал тот, ведя за собой толпу детей.

— А в вышибалы будете с нами играть? — вскрикнула девочка, не отходящая от своего учителя ни на шаг.

Николай Николаевич посмотрел на нее веселым взглядом и согласно кивнул.

— Сегодня вы сами выбираете занятие. Постараемся успеть все, — пообещал он, и дети, радостно шушукаясь, отлипли от Николая и зашуршали пакетами со второй обувью.

Заметив меня, физрук приветливо улыбнулся и скинул с плеч спортивный рюкзак, из которого достал пакет с кроссовками.

— Что, Надежда Львовна, опять оставила вторую обувь дома? — по-доброму усмехнулся он, и я с трудом заставила себя нахмуриться. Как оказалось, долго злиться на этого человека в кошмарных ярких толстовках выходит сложно.

— Я не собираюсь носить сменку из-за одного урока, — фыркнула я.

— Это же для чистоты в школе, — возразил парень, убирая грязную обувь в пакет, — Или ты и дома ходишь в этих чудесных ботиночках?

Я выставила вперед руку и слегка потрясла пальцем:

— Эти чудесные ботиночки стоят как твоя машина, между прочим!

— Правда? — ничуть не обидевшись, физрук присел, чтобы завязать шнурки, — На моей машине, кстати, нет царапин. Чего не скажешь о твоих ботиночках.

Парень задумчиво хмыкнул и поднялся, снова возвысившись надо мной.

— Что? Какие царапины? — я громко сглотнула и, вытянув вперед одну ногу, внимательно осмотрела ботинок.

— На другой ноге с внешней стороны, — пояснил Николай, с любопытством наблюдая за тем, как бледнеет мое лицо.

Я перевела глаза на вторую ногу и увидела, как на черной коже буквально светится белая царапина, будто я пропорола ногой чертов айсберг и вот-вот уйду под воду от досады.

— Это все ваши отвратительные дороги! — вскрикнула я, протянув руку к покалеченному ботинку и сразу отдернув ее. Не могу коснуться этого ужаса!

— Я мог бы подвозить тебя утром, — предложил Николай, — Мне несложно делать

небольшой круг один раз в неделю.

— Я в твою машину больше не сяду! — пробурчала я, чувствуя, как начинаю закипать, но Николая это, казалось, совсем не смущало. Он продолжал улыбаться, глядя на меня, как на взбалмошного ребенка.

— Ну нет, я не езжу на работу на машине, пока не выпадет снег, — он пожал плечами, — У меня есть велосипед. И место на багажнике еще свободно.

Парень подмигнул, а я чуть не поперхнулась от негодования. Велосипед?! Как он мог такое предложить мне — дизайнеру, привыкшему к роскошным автомобилям и личным водителям.

— Надежда Львовна, доброе утро! — робкий девичий голосок заставил меня на время забыть про шутника физрука и обернуться.

Напротив меня стояла Вера — та самая скромница с косичками, которая предложила повязать крючком и этим спровоцировала драку посреди урока.

— Доброе, — пробурчала я недовольно, а девочка в ответ протянула мне шоколадку, к которой джутовой веревкой был привязан букетик из осенних листьев. — Что это?

— С днем учителя! — воскликнула девчонка, нерешительно поглядывая на меня в ожидании того, что я приму подарок.

— Я не ем шоколад, — я помотала головой, — И я не учитель вовсе. Я дизайнер. Ясно? Взгляд Веры потух, и девочка, кивнув, развернулась и побрела по коридору, крепко сжимая в руках дешевую шоколадку.

Цокнув языком, я повернулась к Муромцеву — тот, кажется, впервые смотрел на меня абсолютно серьезно, без единой смешинки во взгляде.

— Ты правда такая? Я думал, ты просто играешь, — разочарованно произнес он.

— Какая? — я нахмурилась, предвкушая нелестную характеристику.

— Капризная. Высокомерная. Будто вокруг тебя не люди, а плебеи, недостойные твоего внимания, — жестко ответил он и, одарив меня холодным взглядом, развернулся и ушел в сторону спортзала.

А я осталась одна, и только непонятное дурацкое чувство зашевелилось где-то глубоко внутри меня. Стыд? Непонимание? Желание остановить парня, вцепившись в его рукав, и крикнуть: «Я не такая!»?

А я правда не такая?

Антон отправил меня в этот гадкий Булкин, потому что посчитал, что работа в школе поможет мне справиться с шероховатостями характера. Только он не знает, что эти шероховатости я годами оттачивала самолично, чтобы ни один окружающий меня «плебей» не увидел, какая я на самом деле за всеми этими зазубринами.

Прозвенел звонок, приглашающий учеников и учителей на урок, и только я все еще стояла в холле, так и не решив, как обмануть Мойдодыршу со шваброй.

— Отойдите, а! — прикрикнул все тот же рабочий, которому никак не давала покоя моя скромная фигура.

Я обернулась на его голос и заметила, что в паре с другим грузчиком они несли в коридор большой и грязный лист гипсокартона. Воспользовавшись случаем, я спряталась за эту ширму на двух рабочих и прошмыгнула к лестнице мимо ничего не заметившей уборщицы. А я хороша!

Около кабинета меня уже ждали девочки, смерившие меня недовольными взглядами. Вера и вовсе на меня не посмотрела. В руках Любы была раскрытая и надкусанная

шоколадка, от которой я ранее отказалась.

— Когда доедите — можете заходить, — равнодушно произнесла я, заходя в кабинет.

Затхлый аромат старых машинок неприятно ударил в нос, и я поморщилась. День становился хуже с каждой минутой. Осталось дожидаться приезда Антона, и все снова встанет на свои места.

В сумочке завибрировал телефон, и я, расплывшись в широкой улыбке, полезла за гаджетом. На дисплее высветилось имя моей лучшей подруги — топовой модели Крисси Бонд.

— Надин! Куколка моя! — пропела девушка в микрофон айфона, — Поздравляю тебя с днем рождения! И с предстоящей помолвкой, кисонька!

— Подожди, Крис, — не поняла я, — Какая помолвка?

— Ох, детка, я не должна портить тебе сюрприз, но я вчера видела твоего папика в ювелирном, — забавно чеканя слова, ответила подруга.

— Что? Антон был в ювелирном? — сердце в груди замерло от предвкушения лучшей жизни. Жизни, которой я всегда заслуживала. — Думаешь, он сделает мне предложение сегодня?

— Конечно! — отозвалась подруга, — Такие основательные дядьки вспоминают о своих кисулях только в большие праздники — день рождения, Новый год, Восьмое марта. В другие дни у них работа на первом месте.

— Ты права! Ты права, Крисси! — ликуя, я подпрыгнула на месте. Из мерзкого день стал просто фантастическим, и мне хотелось скорее позвонить Антону, чтобы узнать, где он и когда уже доедет до Булкина с огромным букетом цветов и колечком, от тяжести которого у меня будет болеть палец.

— Так что, малышка, надень свои лучшие трусики и жди папика с подарком, — в своей пошловатой манере посоветовала Крис, и я только рассмеялась ей в ответ, — Ну все, Надин, у меня съемка. В ноябре я опять буду в Москве, и мы обязательно пересечемся.

— Ох, Крисси, я в Булкине! — заныла я, не давая подруге сбросить вызов.

— Надин, какие булки? Булки идут в целлюлит, ты же знаешь!

— Лучше бы у меня был целлюлит, но в Москве, чем гладкая задница в Булкине, — проблеяла я, радуясь, что хоть кому-то могу рассказать о своих проблемах.

— Где это вообще? Что ты там делаешь? — не понимала модель. И куда ей? С высоты ее карьеры заметить Булкин на карте России практически невозможно.

— Долгая история. Антон хочет, чтобы я год поработала в местной отвратительной школе! Представляешь, я трудовиха! Веду уроки у гадких детишек! — жаловалась я, картинно вздыхая и вскидывая руки к небу, словно взывая к помощи высших сил.

— А не пойти бы вам на хрен?! — грубо вскрикнула Люба за моей спиной.

Забыв про телефон и подругу, я обернулась и увидела, как в дверях класса стоят ученицы и смотрят на меня глазами, полными обиды и ненависти.

— Я...., — глупо протянула я, не зная, что сказать.

Все получилось не так, как я хотела. Услышав понимание со стороны Крис, я напрочь забыла, где нахожусь, и кинулась плакаться ей, совершенно не подумав, что ученицы могут услышать, что я на самом деле о них думаю.

— Пойдемте, девочки, — скомандовала Люба, уводя одноклассниц за собой, — Пилить табуретки мне нравилось больше.

Молча я наблюдала за тем, как пятеро учениц уходят прочь, унося с собой мои мечты о

замужестве. Что, если они все расскажут директору, и та отправит меня к Антону с такой характеристикой, что он, разочарованно цокнув языком, выставит меня из своей жизни? И я снова стану всего лишь Надей Валенкиной из глухой тьмутаракани...

Молча я наблюдала за тем, как пятеро учениц уходят прочь, унося с собой мои мечты о замужестве. Что, если они все расскажут директору, и та отправит меня к Антону с такой характеристикой, что он, разочарованно цокнув языком, выставит меня из своей жизни? И я снова стану всего лишь Надей Валенкиной — очередной пустышкой из тьмутаракани...

— Девочки, постойте! — вскрикнула я, выбегая из кабинета. Мой голос и глухой стук каблуков эхом разнеслись по пустому коридору.

Обиженные ученицы замерли у лестницы. Наверняка, они собирались спуститься к директору и в красках рассказать, какая отвратительная трудовиха им попалась.

Люба вышла вперед, словно представляя интересы их маленькой группки — разрозненной внутренними обидами, но теперь объединенной общей проблемой.

Скрестив руки на груди, девушка наглово осмотрела меня, будто оценивая. В совокупности с пробудившимся внутри чувством вины ее взгляд возымел действие, и мне стало еще неприятнее.

— Вы что-то недоговорили? — грубо спросила девчонка, — Хотите подробнее рассказать, какие мы недостойные лохушки?

Я крепко сжала ладони, настраивая себя на миролюбивый лад.

— Я неправильно выразилась, — мягко начала я, но тут меня перебила Леночка в очередном вульгарно-коротком платье.

— Так и скажите, что хотели выехать на нашем фоне! — кинула она, оттопыривая покрашенные блеском губки, — Приехали из Москвы — просто само совершенство! Светите брендами направо-налево. А саму мужик богатенький кинул и в Булкин отправил, — язвительно заявила она, и я, не сдержавшись, угрожающе вскинула палец.

Ровно в этот момент с лестницы появилась фигура Людмилы Сергеевны. Удивленно осмотрев собравшуюся компанию, она обратилась ко мне:

— Надежда Львовна, что это у вас тут происходит? — спросила она, сдвинув брови к переносице.

Я ощутила, как по спине пробежался холодок. Нервно сглотнув, я перевела взгляд на девочек, все так же обиженно смотрящих в мою сторону. Что я скажу? Что назвала их гадкими подростками? Что я плевать хотела на уроки труда и будущее этих девочек? Что меня тошнит от Булкина? Что я все еще здесь только ради кольца на пальце?

Вера набрала в грудь воздух, чтобы что-то сказать. Я могу уже и не пытаться как-то выкрутиться. Стоит подумать о том, как собрать вещи и вернуться в Москву, чтобы в назначенный день, когда у Антона будет небольшое окошко в его плотном графике, обсудить детали нашего расставания.

— Людмила Сергеевна, — начала Вера ровным голосом, — Мы просто обсуждали детали проекта, который будем готовить на уроках труда.

Затаив дыхание, я посмотрела на девочку, теребящую кончик косички.

— В коридоре? — усомнилась директрисса, и тогда подключилась кже Люба и с присущей ей грубоватой уверенностью добавила:

— Мы ищем вдохновение.

— Ааах, вон оно что, — лицо Людмилы Сергеевны посветлело, и она дружелюбно улыбнулась нам, — Это дело хорошее. Сходите на улицу, пока солнышко вышло.

Кивнув, девочки направились вниз в раздевалку, и я собралась идти за ними, чтобы поговорить, но директрисса придержала меня за локоть.

— Надежда Львовна, спасибо за ваше влияние. Девочкам, которые растут в маленьком городке, так нужно вдохновение. Будьте глотком свежего воздуха для них, — с глубокой нежностью в голосе произнесла она и, отпустив меня, направилась по своим делам.

А мне понадобилась еще пара минут, чтобы перевернуть слова, которые она мне сказала.

***

Искать девочек долго не пришлось — они сидели на скамейке около новенькой спортивной площадки во дворе школы. Хотелось бы похвастать, что финансированием ремонта и всей пришкольной территории занимается богатенький мужик, который кинул меня и отправил в Булкин, но мы договорились, что я не буду распространяться о своих отношениях с Антоном.

Отношения, которые все еще реальны только благодаря ученицам, сумевшим удержать обиду только между нами.

Я осторожно обошла скамью, чтобы встать перед девочками. Избегая смотреть на меня, они уставились на мальчишек, гоняющих мяч по полю.

— Не знаю, что сказать, — проямлила я, потупив глаза.

— Попробуйте сказать спасибо, — буркнула в ответ Леночка.

Глубоко вдохнув прохладный осенний воздух, я медленно выдохнула и, переборов гордость, тихо произнесла:

— Спасибо. — немного помолчав, я искренне добавила: И простите. Я не должна была так говорить. Я не считаю вас гадкими, и дело вообще не в вас, а в том, что я должна находиться в другом месте и заниматься другим делом, а вынуждена...Быть тут.

Вера первой подняла на меня глаза.

— Вы останетесь с нами? — робко спросила она.

— Зачем я вам нужна?

— Посидите сорок пять минут в кабинете с Василием Михалычем и его кошмарными шутками и поймете, почему мы не сдали вас директору, — хмуро произнесла Люба, а я благодарно улыбнулась.

— Василий Михайлович — первый, кого я встретила в Булкине, — призналась я, присаживаясь на край скамьи рядом с Верой, — И мне показалось, что он маньяк, который хочет меня убить.

— Он убивает шутками, — на полном серьезе ответила Маша, которая убивала меня видом своего некорректно скроенного жилета. Благо сейчас был скрыт под легким пальто.

За нашими спинами послышался шум. Обернувшись, мы увидели, как около школы остановилась газель. Водитель раскрыл заднюю дверь и стал выгружать на крыльцо школы коробки с заветными швейными машинками.

— Что-то привезли, — с любопытством в голосе протянула Лена.

— Это мой подарок, — ответила я, загадочно улыбаясь, — Нам нужно выбрать, что вы будете шить. Людмила Сергеевна ждет плоды нашего вдохновения.

Вера глянула на меня с неприкрытым восхищением.

— Вы же дизайнер. Что вы посоветуете?

Я польщенно похлопала ресницами, краем глаза заметив, как к нам с футбольного поля приближается краснощекий Муромцев.

— Как дизайнер я совершенно не хочу тратить потенциал на фартуки, — призналась я.

— Давайте придумаем что-то свое! — воскликнула Леночка, — Я хочу костюмчик в стиле Барби. Знаете? Такие сейчас в моде.

— Только черный. Только хардкор. — встряла Люба.

— А я не знаю, что хочу, — Маша пожала плечами, — Но я готова экспериментировать.

Тихо рассмеявшись, я ответила:

— Начнем с твоего жилета. Его нужно перешить. Срочно!

— Заметно, да? — девочка расстроено опустила глаза, — Это был последний. Даже скидку дали. Мама сказала, что никто не заметит.

— Никто, может, и не заметит, — я покачала головой, — А я смотреть на этот ужас не могу. Но мы все исправим. И еще: кто может найти мне Сметанину? Мне нужна ее юбка. Ее тоже нужно перешить.

Пока мы обсуждали недостатки одежды девочек, Вера молчала, но, стоило нам закрыть рты, как девочка просияла:

— Я придумала! Мы займемся переделкой устаревших вещей и в конце года покажем Людмиле Сергеевне, чего нам удалось добиться.

— Точно! — согласилась Лена, — В этом есть экологичный вайб.* Вторичное использование и всякое такое.

Я выслушала идеи девочек и вспомнила о своей коллекции. И тут в мою голову тоже пришла гениальная мысль.

— А знаете, что? Мы сделаем с вами свою коллекцию перешитой одежды и представим ее всей школе! — девочки радостно заулыбались, — Только коллекции нужна связующая нить. Подумайте до следующей недели, что может вас объединять. И подберите одежду, которую хотели бы переделать.

Ученицы засобирались домой, шушукаясь и обсуждая детали будущей коллекции, а я так радовалась тому, что мне удалось не только помириться с классом, но и объединить скучную работу трудовики с любимым делом, что не заметила, как неподалеку от нашей скамьи с ноги на ногу переминается физрук.

— Кажется, на вас кто-то запал, — усмехнувшись, протянула Люба.

— Очевидно, — кивнула Лена.

— Девчонки, он классный, — поддакнула Маша, и только Вера снова скромно промолчала.

— Так, все! Бегите домой! — я махнула руками, отгоняя любопытных подростков.

Смеясь и постоянно оглядываясь, они двинулись по домам. Как только девочки скрылись за поворотом, за спиной послышался приятный голос Николая Николаевича:

— Смотрю, тебе удалось найти с ними общий язык, — весело заметил он.

— Я думала, ты обиделся на меня утром, — заметила я, но парень в ответ покачал головой.

— Я не обидчивый.

Не выдержав его долгого пронзительно-голубого взгляда, я перевела глаза в сторону и сбивчиво забормотала, кажется, впервые по-настоящему смущаясь мужского внимания:

— Странно, девочек вроде должно быть пять, — протянула я, действительно вспомнив, что одной ученицы не было на уроке.

— Константинова переходит в новый лицей, — пояснил физрук, и я снова посмотрела на него — слегка вспотевшего от активного футбола с мальчишками, но все равно чертовски привлекательного какой-то светлой легкой красотой.

— Здесь есть что-то новое? — ухмыльнулась я, стараясь подавить желание внимательнее изучить молодого пышущего силой собеседника.

Его сила и физическая выносливость казались такими свежими после двух лет отношений с женщиной на двадцать три года старше. Правильно мне говорила Крисси: «Ходи в спортзал, детка, смотри на молодых и ублажай свои глазки. Хотя бы глазки».

— Лицей на том конце города, — Николай махнул рукой в сторону, и я лизнула взглядом его рельефный бицепс и выпуклые вены, оплетающие предплечье, — Его построили для богатеньких в основном. Под Булкиным большой коттеджный поселок отстроили в том году.

— Удивительно, — пробормотала я, слегка сетуя на то, что меня отправили не в новый лицей.

Поняв, что тема лица себя исчерпала, Николай смущенно оглянулся и, почесав светлый затылок, спросил:

— Я хотел спросить, придешь ли ты на день учителя? Мы собираемся сегодня на небольшой праздник в спортзале, — парень облизнул пересохшие от волнения губы и посмотрел на меня в ожидании.

— Вообще-то у меня планы на вечер, — неуверенно протянула я.

Антон все еще не позвонил, и я не знала, когда он придет, чтобы вручить подарок ко дню рождения своей невесты.

— Это ненадолго, — поспешил добавить Муромцев, — Тебе нужно вливаться в коллектив.

Я посмотрела по сторонам, будто ожидая, что сам Булкин подаст мне знак, а потом перевела взгляд на сияющие глаза Николая и не смогла отказать.

— Хорошо. Но только ненадолго.

— Отлично, — просиял парень, — Жду тебя в пять в спортзале!

Он одарил меня еще одной широкой улыбкой и, развернувшись, побежал к своему классу.

Ох, Надин, на что ты подписалась?

Глава 6

Время шло, а мой телефон, разрываемый уведомлениями из соцсетей, так и не звонил. Плюнув на гордость, я пару раз сама набрала Антона, но его номер оказался не в сети. Тот же фокус с телефоном Гелы Микаэловны. Еще спустя час ожидания я пала на самое дно собственного достоинства и сама позвонила Матвею.

— Добрый вечер, — весело отозвался парень, и я поймала себя на мысли, что даже скучала по его голосу.

— Маттео! — воскликнула я радостно и, тут же одернув себя, вернула голосу ровное звучание, — Не знаешь, где Антон Игоревич? Не могу дозвониться до него.

На мгновение на том конце повисла пауза, словно водитель подбирал правильные слова. Наконец, вздохнув, Маттео загадочно ответил:

— Это сюрприз, Надин Львовна.

От сердца сразу отлегло. Я сделала вид, будто мне ничего неизвестно о кольце, которое Антон покупал для меня в ювелирном.

— Сюрприз? — фальшиво удивляясь, переспросила я, — Надеюсь, приятный.

— Эээ, и да, и нет, — растерянно протянул Маттео.

— В смысле?

— Надин Львовна, дождитесь вечера, и сами все увидите, — вывернулся парень и, не дождавшись, когда я сама закончу разговор, сбросил вызов. Все-таки он жутко невоспитанный!

Как предложение руки и сердца может быть неприятным сюрпризом? Что Маттео имел в виду? Потерев виски пальцами, я присела на диван и постаралась выбросить из головы тревожные мысли. Все идет по плану. Все будет так, как я хочу. Я стану женой Антона и избавлюсь от фамилии, которая тянет меня ко дну.

Надо же.

Я так рьяно стремилась выйти за Антона, чтобы стереть любое упоминание о своем истинном происхождении, что никогда не задумывалась о том, кем стану после смены фамилии.

Лаптева Надин Львовна.

Сменю валенки на лапти. Как это нелепо и смешно!

Хорошо, мне нужно отвлечься. Может, сходить на день учителя в школу — не такая уж плохая идея. Хотя, кого я обманываю? Как я вообще могла на это согласиться? Засмотрелась на голубые глазки физрука и ляпнула «да». Веду себя как девчонка!

Я потрясла головой, сбрасывая наваждение. Последний раз такое странное волнение я ощущала, наверное, классе в восьмом, когда Никита Баранов из параллельного класса подошел ко мне на осеннем балу в актовом зале. Я так хотела, чтобы он позвал меня танцевать. Чтобы он смотрел на меня с таким же восхищением, с каким смотрел на моих более успешных одноклассниц. И в тот самый момент, когда он шел ко мне через весь зал, который на самом деле был небольшим, но мне тогда казался просто бесконечным, я дрожала от внутреннего напряжения. Возможно, если бы он на самом деле пригласил меня на танец, я просто рухнула бы в обморок от счастья.

Но Никита подошел, чтобы спросить, куда отлучилась Светка Игнатьева, которая стояла рядом со мной и отошла в туалет, не дождавшись красавчика Баранова. Кажется, именно в

тот момент я решила сделать все, что в моих силах, чтобы перестать быть той Надькой Валенкиной, с которой никто не считался. Которая ничего не стоила.

Теперь я совершенно другая. И не должна бояться идти на вечер в спортзале. Мне не нужно кому-то что-то доказывать. Не нужно бояться, что меня не позовут танцевать.

Я нанесла вечерний макияж в теплых коричневых тонах, подчеркнула губы помадой естественного оттенка, уложила длинные светлые волосы в аккуратный пучок. Надела облегающее черное платье-футляр и подобрала к нему жемчужные серьги и пару очаровательных туфелек цвета грозовой тучи с перламутровыми бусинами, акцентирующими изящный подъем стопы. Ох, с Джимми Чу на ногах стало куда легче!

Ну, старейшая школа города Булкин, готовься встречать королеву бала.

***

В школе было подозрительно тихо. Ни музыки, ни звука голосов. На какой-то короткий миг мне даже показалось, что празднование дня учителя — было лишь поводом притащить меня на свидание в спортзал. Если это действительно так, мне придется жестче напомнить физируку, что мы с ним из разных слоев общества.

Звонко отстукивая каблуками по плитке, я прошла в спортзал. Сам зал оказался пуст — только один большой стол был накрыт в дальнем углу. В остальном все выглядело уныло, обыденно и слишком... физкультурно. Корзина с баскетбольными и волейбольными мячами, аккуратно составленные у стены маты, канат, свисающий с потолка.

Я уже хотела развернуться и пойти прочь, пока меня никто не заметил, как из приоткрытой в самом конце зала двери показался Василий Михайлович с охапкой шампуров, на которых дымился только что снятый с огня шашлык.

— О! Надежда Львовна! — восхищенно воскликнул он, хамовато осматривая меня с ног до головы. Не могу поверить, что в поезде он показался мне джентльменом.

— Я уже ухожу. — быстро кинула я и, развернувшись на каблуках, врезалась в крепкую грудь Николая Николаевича.

От неожиданности он выронил из рук пакет, из которого по спортзалу покатались рыжие апельсины, но физирука это, кажется, не расстроило. Он осторожно обхватил ладонями мои плечи, от чего я заметно вздрогнула, и мягко спросил:

— Надя, с тобой все в порядке? Ты не ударилась? — я отвела глаза, ругая себя за то, что не могу долго выдерживать его лучезарный взгляд.

— Да, отпусти меня, — неуверенно фыркнула я, выпутываясь из хватки: Ты что, подкрадывался ко мне?

— Нет, — парень улыбнулся и присел на корточки, чтобы собрать в пакет фрукты, — Ты неожиданно резко развернулась.

— Какой же ты физирук, раз не смог вовремя среагировать, — проворчала я и, заметив на губах Муромцева лукавую улыбку, поняла, что он мог среагировать вовремя и уйти с моего пути, но не стал этого делать.

С ума сойти! Он хотел, чтобы я в него врезалась. Хотел, чтобы у него появился повод меня коснуться. А этот физирук куда навязчивее, чем я думала.

— Кстати, выглядишь здорово, — как бы между прочим сказал он, когда все апельсины были возвращены в пакет.

Я слегка надула губы, ожидая более бурной реакции на свой образ, но с моей стороны глупо ждать, что такой деревенщина сможет по достоинству оценить стильный лук. *

— Только очень уж нарядно, — добавил парень с улыбкой на лице, — Но это моя вина.

Стоило уточнить, что мы собираемся в неформальной обстановке.

Очень уж нарядно?! Тоже мне эксперт моды. Плотно сжав губы, я обернулась и увидела, как Василий машет мне пустыми шампурками.

— Пойдем, Надежда Львовна, поможешь мясо насаживать, — громко крикнул он, а я лишь перевела взгляд на виновато улыбающегося Николая.

Теперь все выглядело так, будто я собиралась на свидание, а попала на сельскую дискотеку, где я нужна для того, чтобы насаживать сырое мясо на гнутые шампуры. В маленьком черном платье и туфлях от Джимми Чу.

Пока мы с физруком обменивались эмоциями через взгляды, Василий вышел на улицу, и оттуда послышались поповские мотивы.

— А вот и радио, — весело заметил Николай и, поставив пакет на скамью у стола, снова поднял на меня практически умоляющий взгляд.

— Останься, — практически прошептал он, но я все равно услышала, то ли благодаря акустике в зале, то ли от того, что Коля сказал именно то, что мне хотелось услышать. Как бы я ни противилась признаваться в этом.

— Хорошо, — выдохнула я и, глядя прямо в глаза парня, добавила строгим голосом: Но это ничего не поменяет.

И, даже несмотря на то, что я не пояснила, что именно имею в виду, уверена — Николай прекрасно понял, что речь идет о моем отношении к его симпатии. В подтверждение этому парень понимающе кивнул и, не спуская с меня сияющих голубых глаз, ответил с улыбкой:

— Как знать, Надежда Валенкина, как знать.

— Надюха пришла! — воскликнула Анжела Викторовна, застывшая в дверях со стопкой пластиковых тарелок. — А чего так причепурилась?

Я закатила глаза так, чтобы это было видно только Николаю, и он тихо рассмеялся, но ничего не сказал. Неужели пройдет время, и я тоже привыкну к тому, как выражается эта учительница русского языка и литературы? И к тому, как кошмарно звучит имя «Надюха»? Чувствую, как горит внутри тихая ярость, которая однажды вспыхнет так, что спалит все в радиусе километра. А то и весь Булкин сотрет с лица земли.

— Добрый вечер, — с натянутой улыбкой процедила я, кивая Анжеле Викторовне.

По ней и не скажешь, что она как-то готовилась к празднику. Спортивные штаны, плотная водолазка и кофта на замке, повязанная на талии. Я обозначила бы ее наряд одним лаконичным словом — «шашлындос», и мне до такого уровня безразличия к собственному внешнему виду так далеко, что, наверное, даже недостижимо.

Николай подмигнул мне и, подхватив со стола тарелку с сырыми шампиньонами, вышел на улицу, а я, оставшись один на один с Анжелой, почувствовала себя крайне неудобно.

Она прищурила глаза и бегло осмотрела меня. После этого приблизилась и повела носом, вдыхая аромат духов, купленных в Париже. Мне даже показалось, что в этот момент в тяжелом теле Анжелы Викторовны мелькнула неожиданная грация, но тут женщина отшатнулась от меня и предостерегающе покачала головой.

— Что случилось? — не поняла я.

— Даже не вздумай морочить Коле голову, — в прежде смешливых глазах мелькнула серьезная угроза, и я невольно посторонилась.

— Я и не собиралась, — неуверенно кинула я, — Ваш Коля не мой уровень.

Анжела усмехнулась.

— Тогда не пуши перед ним хвост, ясно? — еще раз предупредила она, и мне стоило

огромных актерских усилий натянуть на свое лицо равнодушное выражение.

— Физрук мне не нужен. У меня вообще жених есть, — я скрестила руки на груди, вставая в оборонительную позу.

— Вот и сидела бы около своего жениха, — уже смягчившись, посоветовала Анжела, и только теперь по ее глазам я поняла, что ее угрозы не были проявлением враждебности по отношению ко мне. Тогда что? Неужели ревность из-за того, что Коля обратил внимание на меня, а не на нее?

— Я..., — как-то нелепо протянула я, желая то ли защититься, то ли как-то возвысить чувство собственного достоинства, но, заметив мое смятение, Анжела перебила.

— Оставим этот разговор между нами, — коротко заключила она и резко снова повеселела, — А теперь пойдём к остальным.

Фамильярно приобняв меня, Анжела буквально вывела меня на задний двор школы через маленькую дверь в углу спортзала. У небольшого дымящегося мангала собралась целая компания учителей — в основном женщин, конечно. Кроме уже знакомых мне, там присутствовали и те, кого я знала лишь по именам.

Анжела быстро ввела меня в компанию, где я только успевала фальшиво улыбаться и кивать, выслушивая приветствия и пожелания хорошо влиться в учебный процесс.

Минут через двадцать пустого щебетания на тему оценок, ведения журналов и плохого поведения девятого «бэ» я незаметно вышла из кружка преподавателей и отошла в сторону, жалея, что не прихватила тонкое пальто.

Город накрыло бабье лето, и лучи обманчиво жаркого солнца ласково целовали открытую кожу, но, стоило солнцу спрятаться за пушистыми облаками, как шея и плечи покрывались мелкими мурашками под легким, но все же прохладным осенним ветерком.

Неожиданно на плечи легла мягкая теплая ткань, и я увидела, как на мою грудь легли ярко-оранжевые рукава толстовки. Обернувшись, я встретилась взглядами с вечно улыбающимся физруком.

— Что это? — глуповато спросила я.

— Кофта, — парень пожал плечами и улыбнулся еще шире, — Не могу смотреть, как мерзнут твои плечи.

— Так не смотри, — фыркнула я, оставив толстовку себе, взглядом выискивая Анжелу, которой явно не понравится щедрый жест Николая.

Муромцев помолчал, но, как только мои глаза снова вернулись к нему, он на полном серьезе шепнул:

— Не могу.

И было в его прозрачно-голубых глазах нечто, что на короткий миг вернуло меня в то далекое время, когда я еще чувствовала себя защищенной. Боже, я и забыла, что когда-то знала это чувство. Как много изменилось. Отчужденность, сепарация, расчет, жесткая дисциплина — вот, что держит меня сейчас, и как странно осознавать, но ничего не делать со всей этой тяжестью, заполняющей грудную клетку.

— У тебя глаза цвета спелого каштана, — тихо произнес Коля, и я вернулась в реальность.

Странный комплимент заставил меня улыбнуться, но, придерживаясь прежней тактики сохранения дистанции, я вернула на лицо строгую маску, только глаза Николая все еще горели озорством, словно он праздновал победу от того, что смог расколоть твердый орешек.

— Какое глупое сравнение, — соврала я, и парень, покачав головой, опустил взгляд в

землю, густо усыпанную золотистыми листьями.

— Сейчас покажу, — предупредил он, и отошел в сторону, ногами расчищая листву.

Удача быстро улыбнулась физику, и, наклонившись, он выудил из-под шуршащих листьев нечто мелкое. Вернувшись ко мне, Коля раскрыл ладонь, на которой лежали два влажных от дождя каштана. Я уже хотела вздернуть вверх палец и сказать, что ничего особенного в этих коричневых камушках нет, как из-за тучи выглянуло солнце и уронило робкий лучик на мужскую ладонь.

Капли влаги пустили по каштану переливчатый рыжевато-коричневый блик, и воображение разыгралось настолько, что от одного этого глубокого насыщенного цвета вспомнилась и горбушка свежее испеченного ржаного хлеба, и шоколад на пальцах от растаявшей новогодней конфеты, и ароматные рыжие бархотки на клумбе перед дедушкиным домом, и даже мелкие пятна ржавчины на колесах любимого велосипеда — все это было уже не просто про цвет. Это были воспоминания.

Каким-то невероятным образом булкинский физрук Коля вернул меня в далекое детство, которое я старательно выжигала из своей памяти все эти годы. И странно, ведь от этих воспоминаний мне не было больно, хоть слезы и наворачивались на глаза, угрожая подпортить макияж.

Я совсем забыла дедушку, пока старательно завоевывала себе новое имя и право на новую жизнь. И, кажется, в цвете этого глупого каштана в руке Коли затаился цвет моего деда, цвет моего детства.

— Красиво? — затаив дыхание, Коля смотрел на меня в ожидании ответа.

Неужели мои глаза действительно такие? Или он — провинциальный физрук, лишенный амбиций, — обладает особым даром видеть красоту там, куда обыватель и не взглянет?

— А ты, оказывается, романтик, — усмехнулась я, украдкой утерев пальцем уголок глаза. Не хватало еще, чтобы он думал, что смог заставить меня расплакаться, показав мокрый каштан.

Солнце снова скрылось за тучами, и магия испарилась, но осталось понимание — я больше никогда не смогу смотреть на свое отражение так же, как до этого момента. Теперь в своих глазах я буду видеть деда, на которого на самом деле очень похожа.

— Да, я романтик, — Коля ухмыльнулся и собрался сказать еще что-то, как сзади к нам подошел Василий и крепко обнял нас обоих за плечи.

— А чего это вы тут воркуете? — заговорщицки произнес он, и, не успела я возмутиться тому, что наглый трудовик меня коснулся, как Коля сам снял руку своего друга с моего плеча, ясно давая понять, что мне это не нравится. Что *ему* это не нравится.

Поджав губы, Василий перевел тему:

— Идемте в зал, дождь собирается, — еще раз кинув на нас подозрительный взгляд, он развернулся и пошагал ко входу в зал, где уже собрались остальные учителя.

Молча, словно боясь нарушить еще витающее между нами чувство глубокого понимания, мы с Николаем двинулись следом.

Застолье проходило на удивление весело, и я поймала себя на том, что несколько раз за вечер мне приходилось напоминать самой себе напоминать возвращать на лицо холодную маску, чтобы эти люди не подумали, будто мы можем подружиться.

Василий Михайлович рассказывал лишние всякого смысла анекдоты, и я поняла, почему девочки из моего класса сказали, что юмор — это его оружие. К счастью, Анжела

Викторовна спасала ситуацию и отвлекала Василия на тосты и еду, делая его тем самым безоружным.

— Уже четырнадцать, — склонившись ближе, произнес Николай.

Я перевела на него недоумевающий взгляд. Вернувшись с улицы, мы сели с краю скамьи, практически прижавшись плечами друг к другу, от чего тут же удостоились подозрительных взглядов, однако скоро все вернулись к болтовне и напрочь забыли о нас. Даже Анжела настолько увлеклась байками из своего педагогического опыта, что ни разу не бросила на меня угрожающего взгляда.

— Четырнадцать? — переспросила я, и Коля кивнул на дисплей моего телефона, лежащего на столе.

На экране шел вызов от абонента, подписанного «мама».

— Ну вот, теперь пятнадцать, — подытожил парень, когда звонок прекратился, и рядом с именем абонента высветилось количество пропущенных от него вызовов.

Вздохнув, я отвернулась от физрука. Я и так слишком сильно открылась перед ним сегодня, когда он пытался удивить меня каштанами. Не хватало еще пуститься в объяснения, почему я с самого утра игнорирую звонки мамы.

— Давай потанцуем? — вдруг предложил Коля, надеясь поднять мне настроение.

Я покосилась на старенький музыкальный центр, тихо играющий незамысловатые песенки с одной из радиостанций.

— Под это? — хмыкнула я, кивая на похрипывающие колонки.

— Мм, у Васи в кабинете есть флешка с хитами девяностых, — понизив голос, протянул Коля, и я прыснула от смеха.

— Я не пойду с тобой в кабинет Васи, — ответила я, высокомерно задрав голову.

В этот момент на радио заиграла приятная лирическая композиция с чувственной восточной мелодикой. Усатый физик вытащил Анжелу Викторовну в центр спортзала и, смеясь, они стали легко покачиваться в такт музыке. Еще пара учителей присоединилась к ним в одиночном танце. И кто я такая, чтобы отказываться от самого привлекательного партнера в этом городе?

Увидев согласие в моем взгляде, Коля взял меня за руку и потянул к танцующим.

— Не отдави мне туфли, физрук, — предупредила я, осторожно укладывая руки на сильные мужские плечи.

— Они стоят так же дорого, как моя машина? — усмехнулся он, обхватывая ладонями мою талию, но сохраняя между нами приличную дистанцию.

— Придется еще добавить, — фыркнула я, стараясь не попадать под чары Колиных глаз, которые в полумраке зала стали казаться глубоко-синими.

— Меня немного смущает, что ты измеряешь ценность вещей моей машиной, — парень хрипло рассмеялся, и я вместе с ним, снова напрочь забыв о том, что должна оставаться резкой и холодной, чтобы Муромцеву ни на миг не показалось, будто у него есть шанс.

Мужские ладони обжигали кожу через платье, и я ощущала, как внутри нарастает волнение, будто я танцую свой первый танец с самым симпатичным мальчиком школы. И в то же время я осознавала, что рядом со мной взрослый мужчина, от которого так и веет силой и готовностью оберегать, и от одной этой близости дурманило разум.

Я позабыла об Антоне, о своих амбициях, о незаконченной коллекции, о ненависти к Булкину, о жалости к самой себе и просто наслаждалась приятным теплом, растекающимся по венам от того самого места, где ладони Николая касаются моего тела.

Прикрыв глаза, я погрузилась в это сладкое тягучее ощущение предвкушения чего-то большего — дальше, крепче, глубже и ближе. Блииииже. Как же хочется ближе.

— Я поцелую тебя, если ты не прекратишь, — шепнул Николай над самым моим ртом, и, резко вынырнув из растущего возбуждения, я отдернула руки парня, будто по ним он пускал в мое тело одурманивающий яд.

Широко распахнув глаза, я попятилась назад, но чертов тоненький каблук запнулся за неровный пол. Взмахнув руками, я полетела на пол под неприятный хруст, и упала бы, если бы Николай не подхватил меня за руку.

— Надя! — всполохнулся он, помогая мне встать на ноги, — Ты в порядке?

Вокруг нас собрались все участники мероприятия, и я почувствовала, как к щекам приливает кровь. Как же стыдно! Я где-то на окраине мира танцевала с невероятно притягательным мужчиной, позабыв про Антона, про огромный дом и обеспеченную жизнь. И за это я была наказана.

— Каблук сломала, — тихо произнесла я, приподнимая ногу и глядя на болтающийся каблук.

Булкин рушит мою жизнь. И сломанный каблук Джимми Чу тому прямое подтверждение.

— Хорошо, что не ногу, — весело заметила англичанка Оля.

Убедившись в том, что со мной все в порядке, преподаватели разошлись, оставив нас с Николаем в центре зала.

— Все, хрустальная туфелька сломана. — пробурчала я, — Мне пора домой.

— Я тебя отвезу, — серьезно произнес Николай, и я не стала сопротивляться.

Уж лучше ехать на Весте, чем плестись по мокрым улицам с оторванным каблуком.

Попрощавшись со всеми, мы вышли на улицу. Я осмотрелась, ища глазами машину и только потом заметила, как Николай снимает замок с велосипеда.

— Скажи, что ты шутишь! — взмолилась я, но Коля покачал головой. — Я не поеду на велосипеде.

Осмотрев меня оценивающим взглядом, парень на полном серьезе предложил:

— Я могу донести тебя на руках.

— Ну уж нет! — вскрикнула я.

Если от одного медленного танца у меня так повело крышу, что будет, если я заберусь к нему на руки? Даже думать об этом не хочу!

— Тогда велосипед, — Коля подкатил к моим ногам железного коня, и, недовольно фыркнув пару раз, я слегка приподняла платье и перекинула ногу через раму.

— Как это унизительно, — пробормотала я себе под нос.

Ситуация стала еще противнее, когда Коля сверху надел на меня свою рыжую толстовку. Конечно, я могла бы скинуть ее, оттолкнуть велосипед и, гордо задрав нос, пойти навстречу простуде, а то и пневмонии, но оставаться в строю на тот момент было важнее гордости. Так что, проглотив униженное эго, я продела руки в широкие рукава и буквально утонула в толстовке. Молча Коля накинул на мою голову капюшон и с беспокойством спросил:

— Управлять умеешь?

— Не хуже тебя, — буркнула я, не сразу попав ногами по педалям.

Когда-то я действительно здорово гоняла на велике по проселочным дорогам, но это было так далеко, что, кажется, даже не в моей жизни.

К счастью, тело помнит куда больше, так что уже через пару минут я смогла

приноровиться и поехать по влажной дороге.

Коля шел за мной уверенным шагом, и я время от времени оборачивалась, чтобы проверить, все ли с ним хорошо. В конце концов, что вообще могло с ним случиться? Растает он от дождя, что ли? Ему и в футболке не холодно.

— Прости за то, что я ляпнул про поцелуй, — донеслось сзади, и я сбавила темп, позволяя Коле нагнать меня. — Я перегнул палку.

Ничего не говоря, я глянула в его глаза, сверкающие в желтом свете уличного фонаря. Короткие светлые волосы парня намокли, а по рукам стекали дождевые капли. На удивление он даже не выглядел замерзшим.

— Ты вскружила мне голову, — тихо произнес он, а я замерла, глядя, как капли воды стекают с его волос по лицу и срываются вниз. — Ты закрыла глаза, и твои губы..., — парень замялся, подбирая слова, — Да я в жизни не видел ничего красивее твоих губ! Понимаешь?

Коля развел руками, демонстрируя свою открытость передо мной.

Но я ничего не ответила и только сурово покачала головой. Это всего лишь очередной поклонник, и я не могу позволить ему разрушить мои планы. Надавив на педаль, я поехала вперед.

— Надя! — крикнул Коля, и я обернувшись крикнула в ответ.

— Я замуж выхожу, ясно?

Муромцев рассмеялся, не веря моим словам. Он нагнал велосипед в пару прыжков и заставил меня остановиться. Его ладонь легла на мою окоченевшую руку, и я ахнула от того, какой горячей была его кожа.

— Я же вижу..., — начал он, лихорадочно подбирая слова, но тут впереди нас сверкнули фары и раздался сигнал автомобиля.

Еще через минуту из машины вышел человек, за встречу с которым еще утром я отдала бы все свои туфли. Но сейчас... Как же это было не вовремя!

Я прищурилась, всматриваясь в знакомый силуэт. Рука Николая все еще хозяйски сжимала мою ладонь, так что во избежание долгих объяснений, что все это значит, я оттолкнула физрука свободной рукой. Тот отошел всего на шаг, пристально наблюдая за приближающимся мужчиной.

— Надин Львовна, все в порядке? — спросил подошедший Маттео, косясь на Николая. Водитель распахнул зонт над своей головой. Ну конечно, не о даме же думать.

— Да, просто мелкое недоразумение, — отмахнулась я, слезая с велосипеда.

Не спуская глаз с моего водителя, Коля подал мне руку. Хотелось бы проигнорировать этот жест, но сломанный каблук, мокрая дорога и тяжелый велосипед не оставили моему чувству равновесия ни единого шанса, так что мне буквально пришлось вцепиться в ладонь физрука, чтобы не свалиться в грязь.

— А вы кто? — холодно поинтересовался Маттео, наблюдая за тем, как промокший до нитки Муромцев помогает мне встать ровно.

Я передала в его руки велосипед и отскочила под зонт. Пока Коля не ляпнул чего-то лишнего, я быстро ответила за него.

— Добрый самаритянин, — я глупо хихикнула, посылая Николаю долгий умоляющий взгляд, — Просто помог в непогоду добраться до дома.

— Вот уж не думал, что когда-нибудь увижу вас на велосипеде, — Маттео рассмеялся и, расслабившись, протянул руку Николаю.

Тот, подозрительно рассматривая водителя, все же ответил на рукопожатие.

— А ты морж, да? — усмехнулся Маттео.

— Да, редкостный морж, — хмуро ответил парень.

— Ой, да он просто мне кофту отдал, — я снова неестественно хихикнула, стараясь разрядить обстановку.

— А вы? — спросил Муромцев, обращаясь к Маттео.

— Это Матвей. Он водитель моего любимого мужчины, — бегло проговорила я, почему-то избегая смотреть на физрука, — Кстати, Маттео, а где Антон Игоревич?

Водитель почесал вихрастый затылок и, вздохнув, ответил:

— Помните, я говорил, что сюрприз как бы одновременно приятный и неприятный?

— Какого черта, Матвей? Где Антон? — вспыхнула я.

— Он в Швейцарии, но у меня есть от него письмо, — водитель стал рыться во внутренних карманах жакета.

— Ты приехал только ради письма?

— Нет, я привез вам подарок ко дню рождения, — Маттео загадочно улыбнулся и, обернувшись, кивнул на автомобиль.

Из-за слепящего света фар разобрать вид машины было практически невозможно. Мне пришлось выхватить из рук водителя зонтик и подойти ближе, чтобы ахнуть от удивления при виде новенького покрытого дождевыми каплями Мини Купера. Лаконичный черный с серыми вставками по капоту и с чудной крылатой эмблемой MINI.

— Это мне? — тихо произнесла я.

— Да, подарок Антона Игоревича. — в голосе Матвея звучала такая гордость, будто это он дарил мне Мини Купер, а не Антон.

С широкой улыбкой на лице я приподняла зонт, чтобы пошутить Николаю про то скольких его машин стоит один мой Мини Купер, но физрука не было на месте. Ни его самого, ни велосипеда. И отчего-то внутри зашелестело давно забытое неприятное чувство.

— Письмо, — Матвей протянул мне конверт и отошел, чтобы я могла прочесть послание Антона в одиночестве.

«Дорогая Надин,

Мне очень жаль, что в этот день мне не удалось быть рядом. Партнеры сместили сроки, и мне пришлось срочно улететь в Цюрих для согласования крупного контракта. В горах будут проблемы со связью, и я не смогу позвонить, но надеюсь, Матвей доставит подарок вовремя в целости и сохранности.

С днем рождения, моя девочка.»

От нахлынувшей досады мне хотелось осесть на землю рядом с блестящей машинкой. Связывая свою жизнь с вечно занятым мужчиной, я никогда не думала, что в какой-то момент буду испытывать недостаток внимания. Мне казалось, что финансовая безопасность перекроет любой дефицит внимания. К тому же, я уже взрослая девочка, и мне не нужна вся эта романтика. Ведь не нужна же?

И почему-то было горько и обидно, что в мой день рождения Антон не смог найти шанса приехать. Или хотя бы позвонить. И уж на худой конец он мог бы сам написать письмо. В том, что эти слова на бумаге выведены размашистым почерком Гелы, не было никаких сомнений.

— С кем уехал Антон Игоревич? — крикнула я Матвею, который отошел к кустам покурить.

— С Гелой Микаэловной, — отозвался он и, увидев, как изменилось мое лицо, усмехнулся.

Разумеется, Гела сопровождала Антона во всех поездках и лично курировала все финансовые сделки. Как кость в горле! Да только Антон в ней души не чает и доверяет ей беспрекословно. Иногда в моей голове крутились шальные мысли: вот бы Гела обманула, предала Антона и сбежала к конкурентам, чтобы он мог освободиться от ее пут, но мегера, похоже, сбежать с насиженного места не планировала.

Маттео докурил и вернулся ко мне, оставаясь на расстоянии пары шагов. Парень знает, что я не выношу сигаретный дым, и после пары моих истерик и имитации судорожного кашля, он перестал приближаться ко мне после того, как сделает хоть одну затяжку.

— Машина — это единственный подарок? — на всякий случай уточнила я. Вряд ли Антон и кольцо передал через водителя. Было бы странно, если бы Маттео сейчас опустился на одно колено и протянул мне красную коробочку Картье.

Матвей глянул на меня с недоумением. В его взгляде ясно читалось нечто вроде: «Единственный подарок? Тебе что, машины каждый день дарят?».

— Хорошо, я спрошу по-другому, — сдалась я, — Не знаешь, зачем Антон Игоревич ездил в ювелирный на днях?

В глазах водителя сверкнуло понимание и тут же насмешка. Он понял, что я ждала кольцо, и потому Мини Купер, каким бы прекрасным он ни был, меня не впечатлил.

— Антон Игоревич покупал подарок Ванессе, — подавив смехок, ответил он.

Ванесса. Вот оно имя, в звучании которого есть статус. Не Надька, не Надюха, а Ванесса. Но, черт тебя подери, Ванесса, кто ты такая?

— Дочка Гелы Микаэловны, — с некоторым наслаждением в голосе пояснил

водитель, — У нее тоже сегодня день рождения.

— У нее есть дочь? — пробормотала я, хмурясь все сильнее, — И она со своей мамочкой в Швейцарии, да?

— Ну конечно, — парень неприятно улыбнулся, явно получая удовольствие от того, каким глупым становилось мое положение с каждым новым словом.

Поверить не могу. Гела так и старается подлезть к Антону поближе, чтобы дать своей дочке богатенького папочку. Она сильно ошибается, если думает, что я позволю ей и ее маленькой дочурке вычеркнуть меня из жизни Антона.

— Когда они возвращаются? — жестко спросила я, пряча уязвимое эго поглубже.

— Завтра вечером, — отозвался водитель.

Кивнув, я развернулась и пошла к подъезду, оставив Матвея и новенькую машину позади.

— Надин Львовна, мне бы переночевать! — жалобно крикнул парень, — Поезд до Москвы только утром.

— Ищи гостиницу, Маттео, — равнодушно кинула я, даже не оборачиваясь и, готова поклясться, что ветерок донес до моих ушей пару нелестных слов, брошенных в мой адрес.

Уже перед самым сном, борясь с навязчивой мыслью, я зашла в соцсети и под фальшивым аккаунтом зашла на страницу Гелы. На последней фотографии она позирует на снежном склоне со сноубордом в руках, а рядышком с ней стоит молодая красивая девчонка со жгуче-черными косами.

«Моей девочке двадцать лет!» — так Гела подписала фото.

По отметке в посте я перешла на страницу самой «девочки» и чуть не выматерилась впервые в жизни, ведь на ее последней фотографии она обнимала Антона — **моего Антона!** — а в руках у нее была зажата красная брендовая коробочка. На следующей фотографии эта воровка Ванесса позирует моему мужчине в новеньких сережках с бриллиантами, а я лежу на скрипучем диване во всеми забытом Булкине и стараюсь не расплакаться.

Ну Гела... Себя Антону не пропихнет, так хоть дочку свою подсунет!

Уснуть в таких условиях я уже не могла. Не теряя ни минуты, я кинулась к шкафу и, раскрыв его настежь, стала скидывать на постель аккуратно развешенные платья и костюмы. Освободив шкаф, опустила на колени и вытянула из-под дивана огромный чемодан.

Я не собираюсь мирно коротать в Булкине, возможно, самый важный год своей жизни, пока где-то в Альпах моего мужчину пытается охмурить мерзкая девчонка и ее наглая мамаша!

С трудом выставив за дверь квартиры тяжелый чемодан, я еще раз глянула на опустевшее жилище и поймала себя на мысли, что испытываю нечто странное. Сомнение? Да, верно. Поверить не могу, неужели я начала привыкать к этому жуткому месту? Ну уж нет!

Я с силой захлопнула дверь и, заперев квартиру на ключ, покатила чемодан к лифту. На первом этаже меня встретил все тот же заспанный вахтер, имени которого я не запомнила. Ничего не ответив на его вопросительный взгляд, я вышла из подъезда и, тяжело толкая чемодан, направилась к Мини Куперу.

Конечно, Маттео никуда не ушел. Он неловко расположился на сиденье, стараясь уснуть. Увидев меня за окошком, он сначала обрадовался, вероятно, предположив, что я сжалилась и пришла, чтобы забрать его спать к себе, но, заметив собранный чемодан, парень

нахмурился и беззвучно выматерился.

— Что это значит? — спросил он, вылезая из машины.

— Убери чемодан в багажник. Мы едем в Москву. — скомандовала я, присаживаясь на заднее сиденье.

Проигнорировав мой приказ, Маттео раскрыл заднюю дверь и уставился на меня широко распахнутыми глазами. Какой же у него глупый вид!

— Как в Москву? — переспросил он, — Я же только что оттуда!

— Я возвращаюсь домой, — фыркнула я, отворачиваясь от водителя.

— Но мне нужно поспать, — промычал он, — И дождь ведь...

— Хватит ныть, Маттео! — взмолилась я, — Поехали уже!

Не сдержавшись, Маттео рыкнул и с шумом хлопнул дверью. Если бы он не был так зол, я пригрозила бы ему лишением премии за то, как неаккуратно он обращается с моей машиной. Закинув чемодан в багажник, Маттео сел за руль и, ничего не говоря, тронул машину с места.

Мне дико хотелось расспросить его о Ванессе, ведь Маттео, тесно общающийся с водителем Антона, точно слышал самые горячие сплетни. Но начать этот разговор — означало показать ему свою слабость и неуверенность. А это я допустить не могу. Маттео и так знатно посмеялся надо мной, когда понял, что я не получила ожидаемого кольца.

Булкин со его отвратительной погодой и отсутствующим асфальтом медленно таял в темноте за окном. Я закрыла глаза и откинула голову назад, представляя, что расскажу о последнем месяце своему психологу. О старой школе, о потертых партах, о запахе котлет из школьной столовой, о громкой Анжеле Викторовне, о тихоне Ольге Александровне, о Василии Михайловиче и его специфическом юморе, о девочках — таких разных и в то же время одинаково счастливых от идеи разработать свою коллекцию переработанной одежды, о Николае Николаевиче...и его сверкающих голубых глазах, об улыбке, что никогда не покидает его губ, о сильных руках, о тяге к ярким толстовкам, о скрипучем велосипеде, о теплых ладонях на моей талии...

«Я поцелую тебя, если ты не прекратишь».

Об этом я психологу не расскажу. Никому не расскажу. Это останется только для меня.

С мыслями о физруке я провалилась в сон и не заметила, как мы проехали большую часть пути. Проснулась я от того, что кто-то протяжно просигналил, а нашу машину неприятно качало из стороны в сторону.

Тряхнув головой, я привстала и глянула в сторону Маттео. Тот лежал головой на руле. Его глаза были закрыты, и одному Богу известно, как Мини Купер все еще оставался на дороге.

— Маттео! А ну проснись! — крикнула я, пихнув водителя в плечо.

Неопределенно хрюкнув, он скатился с руля, и машину дернуло влево. Какой-то короткий миг, и новенький Мини Купер вылетает с дороги на обочину.

Время застыло в этом моменте. Словно в кино я видела, как переворачивается земля за окном, как ремень безопасности до боли врезается в мое тело, как рот раскрывается в немом крике, а дальше — хлопок и темнота.

***

Раскрыв глаза, я увидела идеально белый потолок. Мне даже показалось, что это не потолок, а полоса густого тумана, а я лежу в теплой воде, и осталась от меня только душа — очищенная и свободная.

— Я умерла? — шепнула я, с трудом разлепляя пересохшие губы.

— К счастью, нет, — ответил знакомый голос, и я распахнула глаза шире, окончательно возвращаясь к реальности.

Слегка присев, я поняла, что нахожусь в больнице — в отдельной хорошо обставленной палате, и то, что мне показалось теплой водой, на самом деле было кроватью с очень хорошим матрасом. За месяц в булкинской квартире я позабыла, каково это — спать на дорогом матрасе.

— Как ты? — ровным, почти холодным тоном спросил Антон, сидящий в кресле чуть в стороне от моей кровати.

По лицу мужчины можно было бы предположить, что ему глубоко плевать на то, что произошло. Но я-то знала, что эта сдержанность — маска, скрывающая настоящие эмоции, и, скорее всего, внутри Антон очень беспокоится. И злится на Матвея за безалаберность на дороге.

— Злишься? — спросила я, поджав губы.

— Злюсь. — коротко ответил Антон.

— Не увольняй его, — попросила я, жалея Маттео.

На губах мужчины мелькнула жесткая ухмылка.

— Я злюсь на тебя, Надин. Как ты могла выгнать Матвея в дорогу посреди ночи и в такую погоду? — по словам отчеканил Антон, и только тут я поняла, что он не просто злится — он в ярости. И причина этому — я.

— Но..., — я вскинула палец, чтобы возразить, только слова упрямо не шли в голову.

Разве я виновата в том, что случилось? Разве не мог Маттео быть осторожнее? Разве водить машину — не его работа?

Голова разболелась, и в памяти обрывками стали всплывать куски недавнего прошлого. Вот Матвей жалуется, что ему негде спать. Если бы я уделила ему чуть больше внимания, то заметила бы, какие тяжелые фиолетовые круги пролегли под его глазами. Если бы мне было дело до кого-то, кроме себя, я не оставила бы уставшего человека спать в машине в скрюченном состоянии. И уж тем более не погнала бы его в дальнюю дорогу посреди ночи под проливным дождем.

— Матвей в порядке? — с замиранием сердца спросила я.

Антон кивнул, слегка смягчившись.

— Перелом руки и пара синяков. Чудо, что вы остались живы, — мужчина нервно выдохнул, с трудом удерживая холодную маску на лице, — Зачем ты вообще сорвалась в Москву?

Что я ему скажу? Что приревновала его к девчонке Гелы? Что не собираюсь никому уступать свое место?

— Вчера был мой день рождения. Я хотела, чтобы ты был рядом, — честно призналась я, — А ты был в горах с молоденькой финтифлюшкой.

Я осторожно подняла глаза на Антона, не зная, что ожидать от него. Вздохнув, он поднялся с кресла и, сунув руки в карманы брюк, отошел к окну.

— Надин, я уже не мальчик и не потерплю сцен ревности, — сухо ответил он.

— Так у тебя с ней что-то есть? — от обиды мой голос задрожал, — С Ванессой?

Мужчина рассмеялся, даже не поворачиваясь ко мне.

— С Ванькой? Я знаю ее с пяти лет! — сквозь смех произнес Антон, — Как такое могло прийти тебе в голову? Гела была права, когда говорила, что ты не готова.

Я вспыхнула от одного упоминания этой мегеры. Скинув одеяло с ног, я вскочила с кровати, но тут же села обратно, ощутив, как земля под ногами покачнулась.

— К чему не готова? — процедила я сквозь зубы.

— К семье, — тихо ответил Антон, возвращаясь к моей постели.

Он подвинул кресло к моим ногам и сел передо мной. Его мягкие ладони легли на мои колени, и я вздрогнула от этой неожиданной ласки.

— Я отправил тебя в Булкин, чтобы ты могла пожить простой жизнью, — сказал он, даже не догадываясь, что я не понаслышке знаю такую жизнь, — Чтобы ты научилась ценить все, что тебе дается. Чтобы ты начала уважать людей — всех, независимо от их финансового статуса. Чтобы ты успокоилась, остепенилась. Надин, мне пятьдесят, у меня три брака за плечами, я не хочу совершать очередную ошибку.

Я хлюпнула носом, с трудом удерживая слезы.

— Почему-то же ты выбрал меня, — шепнула я, не поднимая на Антона глаз.

— Надин, — ласково позвал он, погладив меня по щеке, — Ты красива — просто украшение любого мужчины! И ты воспитана, сдержанна, дисциплинирована. Мне не нужно бояться, что ты сделаешь что-то, что мне не понравится.

— Например, спровоцирую аварию? — подсказала я, криво усмехнувшись.

— Да, верно. Это мне не понравилось. Я слишком стар для таких сюрпризов.

— Прости, — шепнула я, поднимая на Антона мокрые от слез глаза, — Я больше не буду совершать глупости. Не знаю, что на меня нашло.

Булкин плохо влияет на меня. Я так долго оттачивала мастерство контроля над эмоциями, и какой-то жалкий месяц в этом городе почти вернул меня к той взбалмошной девчонке, которая пела караоке у подружки дома, красила ногти розовым цветом, писала мысли в личный дневник и заслушивала до дыр песни Бритни Спирс.

И только сильная мотивация стать успешной сделала меня совершенно другим человеком. Теперь я всегда строга, лаконична, слушаю классику и веду планер задач, вместо дневника с замочком на обложке.

Антон снова вздохнул, недовольный тем, что я расплакалась. Я уже ощутила, как меня накрывает волной стыда, когда мужчина вытащил из кармана брюк красную коробочку — ту самую, которую я так ждала еще вчера.

— Что это? — шепотом спросила я, испуганно глядя на Антона.

Я ждала от него предложения с того самого дня, когда он сбил меня на машине. Какая девочка не хочет, чтобы именно ее история оказалась достойна финала как у Золушки? И, хоть я все два года репетировала, как скажу ему «да», сейчас мое сердце предательски замерло, и воздух в легких неожиданно закончился.

— Это кольцо, — спокойно ответил Антон, раскрывая коробочку и демонстрируя мне изящное платиновое колечко со здоровым сияющим камнем по центру и россыпью бриллиантов по краю. — Я хочу, чтобы ты стала моей женой, Надин.

Я неуверенно кивнула и протянула руку к коробочке, но Антон отвел ее назад и серьезно проговорил:

— У меня есть одно условие, моя девочка.

Я уезжала из Москвы в смешанных чувствах. Меня окрыляла мысль о том, что Антон все же сделал предложение и много-много раз повторил, как сильно он хочет, чтобы я стала его женой. Но в то же время он не позволил мне остаться, поставив дурацкое условие — закончить эксперимент с Булкиным.

Кажется, я даже могла бы послать к черту всю эту затею и отказаться от наследия Лаптева, но бриллианты так поблескивали с кольца, словно подмигивая мне, что я не смогла сказать «нет». В конце концов, я как-то прожила в Булкине месяц, а, значит, и до лета дотяну.

Гела сильно ошибается, если думает, что я сдамся. Она даже не представляет, из какой дыры я выкарабкалась. Булкиным меня сломать!

Настроенная на решительный лад, я отправилась в школу, чтобы преподать местным девочкам урок красоты. Да, верно. Урок красоты — более точное определение, нежели урок труда.

— Доброе утро! — первой в кабинет вошла Вера.

Следом за ней появились и другие девочки. Я мысленно досчитала до трех и услышала восхищенные возгласы.

— А что это такое? — рыжая Маша подскочила к парте, с любопытством осматривая новенькую швейную машинку — подарок Антона школе.

На остальных партах стояло еще четыре машинки, а в небольшом закутке кабинета были аккуратно составлены манекены, портновские колодки, ножницы, нитки и мелкая фурнитура для создания собственной линии одежды.

Девочки заметно обрадовались обновкам, и я ощутила некоторое воодушевление от того, что смогла их удивить. Кроме того, я и сама планировала заняться коллекцией в этом кабинете в свободное от уроков время. Конкурс уже весной, а я так и не разобралась, как сделать свой бренд особенным.

«*Это все?*» — вот что сказала мне Крисси, когда я показала ей первые отшитые модели.

У Крис огромный опыт и тонкая чуйка, так что ее «*это все?*» звучало для моей коллекции как неутешительный приговор. Я соврала, ответив, что показала ей сырые черновики, которым еще только предстоит заслужить свое место в коллекции.

Но что же было не так?

Я отрисовала несколько строгих и закрытых платьев, идеально сидящих на фигуре, пару брючных костюмов с широкими жакетами на широких поясах — все в моей коллекции было лаконично и элегантно.

«*И скучно*» — добавила Крисси, когда знакомилась с моей работой на стадии эскизов.

С тех пор прошло четыре месяца, а я так и не поняла, как все исправить.

— Я принесла юбку Сметаниной, — Леночка достала сверток из бумажного пакета и положила его мне на стол.

— Отлично, — я довольно потерла руками, — Мария, давай свой жилет. Сейчас я буду показывать вам фокусы.

Рыженькая расстегнула пуговицы и, сняв жилет, протянула его мне. С самодовольным выражением на лице я склонилась над партой, позволив девочкам окружить меня.

— Посмотрите на этот кривой шов, — я расстелила на поверхности стола жилетку и

провела рукой по неправильно сшитым деталям, — Нужно аккуратно отпороть, отрезать лишнее и заново пришить.

— Лишнее? — испуганно пробормотала Маша.

— Да, нужно сделать твой жилет более приталенным, так мы сможем подчеркнуть твои красивые изгибы, — со знанием дела произнесла я, а Маша зарделась.

— Где там изгибы-то? — встряла Лена, — Квадратная Маша.

Эта девочка абсолютно очевидно любила быть в центре внимания и добивалась своей минуты славы любыми возможными способами.

— Не то что ты, — согласилась Люба, — Бочка!

— Знаешь что?! — вспыхнула Лена, и я угрожающе щелкнула ножницами.

— Все разборки после урока! — пригрозила я и, когда девочки поутихли, добавила: Что за взаимная ненависть у вас?

Расфуфыренная Леночка и хмурая Люба отвернулись друг от друга, а Маша, цокнув языком, ответила:

— Вообще-то они были лучшими подругами.

— Тебя забыли спросить, — огрызнулась Лена, — Любка кинула меня ради Андрюши.

— Ха-ха, — язвительно отчеканила Люба, — Может, это ты променяла меня на подружек из нового лица?

За моей спиной снова разразилась перепалка обиженных подростков.

— Вы обе сделали свой выбор, — встряла я, — Прекратите дуться друг на друга и наслаждайтесь новыми друзьями.

Девочки посмотрели на меня, потом на друг на друга и снова отвернулись. Закатив глаза, я подняла вверх неправильную деталь жилета, желая этим привлечь внимание подростков к процессу преобразования вещи. Достигнув желаемого, я снова положила деталь на стол и аккуратно отрезала лишнее. Затем я включила машинку и пристрочила деталь на место. Действуя быстро и, что немаловажно, молча, я повторила эти же манипуляции с деталью с другой стороны, и уже через пятнадцать минут в моих руках был готовый жилет, от одного вида которого больше не хотелось плакать.

— Оо, как у вас здорово получилось! — воскликнула Маша прямо над моим ухом.

— Отгладь и примерь, — скомандовала я, кивая на гладильную доску и утюг, ожидающие своего часа в закутке. — И давайте сюда отвратительную юбку Сметаниной!

До конца урока мы успели сделать из длинной и широкой юбки-годе стильную легкую юбочку с игривыми воланами. И, клянусь, я лично надеру Сметаниной уши, если снова увижу, как она надевает юбку на спортивные штаны!

Мы как раз закончили обсуждать, кто какое старье принесет на переделку, когда прозвенел звонок. Девочки попрощались со мной и двинулись к выходу. Я же, подхватив журнал, направилась в учительскую.

Внутри неприятно подергивало, и я связала это волнение с тем, что при последней встрече с преподавателями я танцевала медляк с Николаем и, возможно, позволила этому всему выглядеть слишком романтично. Что скажут мне коллеги? Анжела Викторовна, которая явно положила глаз на физрука, наверное, и вовсе прижмет меня к стеночке всем своим авторитетом.

А сам Николай Николаевич? Наш последний разговор был чересчур эмоциональным. Конечно, я понимала, что нравлюсь ему, но не думала, что он окажется таким настойчивым. Таким страстным в своем стремлении получить желаемое. И как же от него избавиться?

Лишние эмоции мне сейчас ни к чему.

— Всем привет, — произнесла я, входя в учительскую, где, кроме меня, уже сидела Анжела и англичанка Ольга.

— Доброе утро, — отозвалась Оля.

Анжела подняла на меня хмурый взгляд и молча отвернулась. Все понятно — обиделась! И пусть. Это не мое дело. Муромцев сам ко мне лезет.

— Я так больше не могу! — с возмущением в кабинет влетела математичка Берта Андреевна — с ней я познакомилась на праздновании дня учителя.

— Девятый «бэ»? — понимающе уточнила Ольга, и уже пожилая математичка кивнула.

— Когда вернется Николай? Девятому «бэ» нужна физкультура перед моим уроком. Там они хоть немного сбрасывают свою дурь! — Берта Андреевна присела на диванчик и стала обмахивать себя классным журналом.

— А где Николай Николаевич? — вырвалось у меня, и я тут же прикусила язык, ругая себя за излишнее любопытство.

— На больничном уже целую неделю, — пояснила Ольга, — Нам всем не хватает его уроков физкультуры. Детям нужно сбрасывать энергию.

— А что с ним? — спросила я, присаживаясь рядом с Бертой Андреевной.

— Пневмония, милочка, — буркнула Анжела, наводя на меня испепеляющий взгляд.

Ну конечно, она считает меня виноватой, ведь это я ехала домой на велосипеде в теплой толстовке, пока Коля плелся рядом в одной футболке и активно делал вид, что непогода ему нипочем.

Хотя, надо признаться, и во мне самой пробудилось чувство вины и даже сожаление. Николай поплатился за то, что пытался быть джентльменом. Я вспомнила, как он схватил меня за руку, и его кожа показалась мне необычайно горячей. Видимо, уже тогда его начало лихорадить.

Хватит! Совесть, заткнись! Он сам виноват. Никто не заставлял его провожать меня. Я прекрасно справилась бы и сама.

И сама сейчас лежала бы в больнице с воспалением легких.

— Он в больнице? — спросила я, уговаривая себя не совершать глупости и не идти к нему.

— Вчера выписали, — ответила Ольга, отвлекаясь от бумаг.

— Знаете, девочки, надо как-то его порадовать, — встряла Берта Андреевна, — Супчик сварить или пирожков настряпать. Чтобы быстрее возвращался. А то, ей Богу, девятый «бэ» нас всех со свету сживет!

— Давайте адрес, я зайду. Все равно у меня нет уроков, — ляпнула я и сразу пожалела о своих словах.

Я что, в самом деле решила пойти в гости к физруку? Чтобы навестить его? Чтобы еще раз доказать самой себе, как мне плевать на него?

***

Чувствую себя полнейшей дурой. Стою у запертой двери, в руках целлофановый пакет с пирожками из местного магазинчика, который попался мне на пути к дому Николая Николаевича. Раз десять я уже поднимала руку, чтобы постучать или позвонить в звонок, но, не решившись, опускала снова. Будто мне нужно было чуть больше времени, чтобы отрепетировать, что я скажу болеющему физруку. Или больше времени на то, чтобы спрятать поглубже рвущееся наружу волнение. И больше времени на то, чтобы с щек сошел румянец.

И почему я вообще волнуюсь, как девчонка? Никогда такого не испытывала с Антоном. С ним всегда было легко и просто. Никаких сомнений. А сейчас сердце внутри трепещет, и все тело потряхивает от страха, что я поступаю неправильно. Делаю шаг в бездну, которая меня поглотит. Можно подумать, физрук схватит меня в охапку и никогда не выпустит из квартиры. От одной этой мысли я не сдержалась и нервно хихикнула.

Внезапно тишину на лестничной площадке прервал звук открывающегося замка. Невольно я отскочила подальше от двери, но уже спустя мгновение расслабилась, поняв, что открывается соседская дверь. И вовсе это не очаровательный физрук.

Из-за двери показалась невысокая круглощекая женщина лет шестидесяти. Она выставила за порог пакет с мусором и, вставив в скважину ключ, заперла дверь. Обернувшись, она наконец заметила меня у лестницы и дернулась от неожиданности.

— Ой, напугали! — отмахнулась она, — У меня же сердце. Нельзя так подкрадываться.

— Я не подкрадывалась, — оправдалась я, — Я пришла к коллеге.

Я кивнула на дверь, за которой, возможно, уже стоит Николай и посмеивается, наблюдая за мной в глазок.

— К Коленьке, что ли? — губы женщины растянулись в улыбке, — Давненько к нему девочки не ходили.

Я сморщила нос и поспешила откреститься от слащавых домыслов:

— Я не его девочка. Мы просто вместе работаем.

Желая скорее спрятаться от любопытной соседки, я собралась с духом и постучала в дверь.

— Ты, красавица, не шуми напрасно. Коленька ушел еще с час назад, — предупредила соседка, спускаясь по лестнице.

— Как ушел? — пробубнила я себе под нос.

Растерянность постепенно сменялась растущим негодованием. Пробурчав невинное ругательство, я собралась пнуть дверь физрука носком обуви, но вовремя одернула себя и, полюбовавшись своими кожаными ботильонами, направилась вниз по лестнице.

Теперь важно как можно скорее убраться из этого района, чтобы не столкнуться с Колей где-то на улице. Что я ему скажу? Что гуляла по городу с пирожками в пакете? Не стану же я признаваться, что полчаса стояла под его дверью, собираясь с мыслями.

И что я стану делать, когда...

Задумавшись, я совершенно не заметила, как кто-то пошел в подъезд и начал стремительно подниматься навстречу мне. И мы спокойно разошлись бы с этим человеком, вжавшись каждый в свою сторону узкой лестницы, если бы он не был в наушниках и не двигался бы так быстро.

Но все случилось, как случилось, и я не заметила, как врезалась в грудь молодого человека и от неожиданности, чтобы не потерять равновесие, вцепилась руками в его плечи.

— Надя? — удивленно спросил Коля прямо над моим ухом.

Его руки осторожно легли на мою талию, помогая моему телу найти устойчивое положение. Я медленно подняла глаза на физрука и пересохшими от волнения губами произнесла:

— Привет.

Ругая себя за то, что продолжаю держаться за плечи молодого человека, я только помышляла о том, чтобы оттолкнуть его и отойти подальше, но была в прикосновениях Муромцева какая-то особая магия, которая разрушала связь между моим телом и мозгом. И

потому я продолжала, как кукла, висеть на плечах физрука — такого высокого, сильного, довольно улыбающегося и совершенно не больного.

Не больного!

— А ты где вообще был? — я выпуталась из крепкой хватки парня и поднялась на пару ступеней выше, чтобы иметь возможность смотреть на него свысока.

— Бегал, — честно признался Коля, стягивая с головы рыжую шапочку.

— Ну конечно, чем еще заняться физруку, — язвительно пробормотала я. — Я-то думала, ты валяешься в постели!

На губах Коли засияла еще более широкая улыбка, чем обычно. Слегка опустив лицо, он глянул на меня хитрым взглядом:

— Хотела застать меня в постели?

— Что за пошлые шутки? — вскинулась я, размахивая пакетом с пирожками, — Какое ребячество! И безответственность! Как можно бегать с пневмонией?!

Коля рассмеялся и, протиснувшись намеренно близко ко мне, пошел вверх по лестнице.

— У меня была обычная простуда, — донеслось сверху, — Идем пить чай с твоими пирогами.

Я закатила глаза, но все же последовала за парнем.

Меня раздирало на два противоборствующих лагеря: одна моя половина хотела отчитать расслабленного и слишком уж счастливого физрука и красиво уйти, бросив на прощание пирожки. Другая половина, как привязанная, тянулась за парнем и сгорала от желания посмотреть, как он живет. Что, если у него в квартире стены такие же яркие, как толстовки? И, может, целый зверинец, ведь такие люди, как Коля, явно сходят с ума по милым кошачье-собачьим мордочкам.

Но квартира, в которой я оказалась, не оправдала моих ожиданий. В прихожей были поклеены обычные светлые обои с незатейливым цветочным узором. Одна комната прямо напротив входа оказалась раскрыта, и, прежде чем Коля успел ее закрыть, я увидела заправленную кровать, письменный стол, медальки на стене и пару разборных гантелей, аккуратно уложенных на коврик у стены.

В квартире была еще одна комната, но дверь в нее была заперта. Коля помог мне снять пальто и кивнул в сторону ванной.

— Руки можешь помыть здесь. Полотенце чистое, не переживай, — парень усмехнулся и, проследив, что я зашла в ванну, зашел буквально на пару секунд в запертую комнату, осмотрелся и вышел, снова закрыв двери.

Я же заперлась в аккуратной чистенькой ванной и, включив воду, зависла над раковиной. Что я здесь делаю? Мне всего-то нужно было увидеть Колю, убедиться, что он не так сильно пострадал от того дождя и уйти со спокойной совестью. Остаться на чай совершенно не обязательно.

Когда с кухни послышался свист чайника, я вынырнула из размышлений и, поспешно помыв руки, вышла из ванной. На маленькой хрущевской кухне уже пахло свежесваренным чаем с примесью благоухающих трав. Коля смерил меня долгим взглядом и тихо произнес:

— Я даже немного напугался, что ты решила принять душ.

Парень выглядел смущенным, и мне вдруг захотелось рассмеяться этой глупой шутке.

— Ты единственный, кому тут действительно нужен душ, — сдерживая улыбку, ответила я.

— Ах, прости, — спохватился Коля, — Это все пробежка. Я сейчас быстро сполоснусь,

а ты пока разлей чай по чашкам.

Муромцев достал из шкафчика две белые чашечки, украшенные цветочным узором. Я ухмыльнулась сама себе, предположив, что ради меня он достал посуду из семейного сервиза.

— Справишься? — участливо спросил парень, замерев на полпути в ванную.

— Не стоит недооценивать меня, Николай Николаевич, — я уверенно ухватила за чайничек с заваркой, всем телом ощущая на себе взгляд физрука.

Наконец, убедившись в моей небезнадежности, он скрылся в душе, и я снова почувствовала нечто странное. Я разливаю ароматный травяной чай по чашкам, пока за стенкой Коля мылит свое сильное тело под горячим душем. Вот он резко переключает температуру, направляя на себя струю контрастно холодной воды, и по его светлой коже разбегаются мурашки — по сильным плечам, крепкой груди, по тугим мышцам рук и спины... От одной этой мысли по моему собственному телу побежали предательские мурашки.

Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение. В последнее время меня часто заносит в неприятное озабоченное состояние. И виной этому Муромцев Николай Николаевич — святая простота и мистер «сияющая улыбка». Нужно держать свои эмоции под контролем, но с каждым разом все сложнее и сложнее.

— Все в порядке? — я и не заметила, как на пороге замер Коля в белой футболке, маняще облегающей его рельефный торс — слегка влажный после душа.

Мои глаза задержались на Колином теле неприлично долго, так что, отводя взгляд, я даже не знала, что сказать в свое оправдание. К счастью, физрук сделал вид, что ничего не заметил.

— Так что ты тут делаешь, Надежда Львовна? — весело спросил парень, присаживаясь на стул с чашкой в руках.

— Все в школе очень переживают за тебя, — ответила я, не глядя на Колю, — И, как оказалось, зря. Ты совершенно не выглядишь больным.

— Я немного повалился в больничке с температурой, — признался он, сморщив лицо из-за неприятных воспоминаний, — Но, как только температура спала, я сбежал. Мне нужна активность, чтобы быть в строю. Лежкой лежать и плевать в потолок — это не про меня.

— Если бы ты направил свою жажду деятельности в правильное русло, может, добился бы чего-то большего, чем просто..., — пробормотала я, снова невольно зависнув взглядом на внушительных бицепсах парня.

— Чем что? — уточнил он, с издевкой глядя на меня.

— Чем уроки физкультуры в школе Булкина, — я закончила мысль и холодно посмотрела на Колю.

Муромцев понимающе кивнул, а потом вдруг несогласно покачал головой.

— Ты многого обо мне не знаешь, Надя, — тихо произнес он, но я перебила.

— Что бы ты ни сказал — будет лишь оправданием твоему бездействию, — серьезным тоном возразила я, в свое время прослушавшая множество лекций от именитых коучей, — Возможно, ты думаешь, что мне легко говорить, ведь я...

Не успела я договорить, как Коля, не спуская с меня серьезного взгляда, прервал:

— Удачно встретила богатенького дядю? — не без тени обвинения предположил он, и я мгновенно разозлилась.

— Ты ничего обо мне не знаешь! — прошипела я и уже собиралась с шумом поставить

чашку на стол и, гордо задрав голову, уйти, как Коля перехватил мою руку и осторожно опустил чашку на пробковую подставку.

— Не шуми, пожалуйста, — попросил он, облизав пересохшие от волнения губы, — Прости, я не хотел тебя обидеть. Просто...

— Ты ревнуешь, — догадалась я, высвобождая запястье от хватки физрука, — Я же сразу сказала, что между нами ничего не может быть.

Коля мягко улыбнулся и пожал плечами:

— Дай мне время, и ты сама удивишься, как сильно ошибалась, — уверенно произнес он, склонив голову на бок.

— Ты отвратительно самоуверенный, — фыркнула я, отвернувшись от улыбающегося парня. Но тот склонился над столом и осторожно коснулся пальцами моей ладони, и мне пришлось снова окунуться в голубое озеро его глаз.

— Дай мне время, — повторил он, — Ты поймешь, что настоящее, а что — нет.

— Хочешь сказать, что мой жених — это ненастоящее? — усмехнулась я, — А ты, наверное, — то, что нужно, да?

Коля помолчал, внимательно глядя на мои губы. От его взгляда — долгого, жаждущего — у меня перекрыло дыхание, и, едва Муромцев отвел глаза, я глубоко вдохнула.

— Ты не выглядела счастливой, когда тебе подарили машину, — начал он поучительным тоном, — Но ты улыбалась, когда я показал тебе каштаны.

Я вскинула брови в удивлении. Да как он смеет?! Хотелось возразить, вспыхнуть, разозлиться, но я не могла. Не могла, когда он смотрел на меня так ласково, понимающе... Будто тоже через все это проходил и знает, что происходит внутри меня.

— Если ты думаешь, что сможешь завоевать меня каштанами, — грубовато произнесла я, — Ты сильно ошибаешься.

Но на лице парня снова просияла широкая улыбка, словно я выдала именно ту реакцию, которой он ожидал. Принимая вызов, он снова произнес:

— Дай мне время, Надя. Дай мне время.

Я раскрыла рот, чтобы картинно рассмеяться, но тут из запертой комнаты раздался вздох, отчетливо похожий на женский. Коля встрепенулся, и подскочил с места.

— Ты не один? — удивилась я.

— Прости, Надя, — растерянно произнес он, — Думаю, тебе пора.

Что? Он выгоняет меня? Ради той, которую скрывает за закрытыми дверьми? Что здесь вообще происходит?!

После моего странного визита к Николаю Николаевичу прошло пару недель. Ни я, ни он при случайной встрече не возвращались к обсуждению произошедшего. Когда физрук нагло выдворил меня из дома, не объяснив ни слова, я поклялась себе, что больше не подпущу его к себе ближе чем формальное приветствие. Хватит с меня! Я и так позволила этому парнишке пробудить в себе слишком много забытых эмоций.

А эмоции только мешают. Отвлекают меня от главной цели. Я должна выиграть конкурс молодых дизайнеров и доказать себе, Антону и всему миру, что я — только я сама по себе — значу так много, что даже Лаптев больше не сможет упрекнуть меня капризами и зависимостью от брендов и станет смотреть на меня как на равного достойного партнера, а не как на очередную глупую овечку, что блеет около него и его денежного пастбища.

Я всего достигну, если не буду отвлекаться на эмоции.

— Надежда Львовна, я не понимаю, что из этого сделать, — промычала Леночка, критично осматривая старомодный джинсовый сарафан на манекене.

Каждая из девочек получила свой манекен, на котором должна представить два наряда из перешитой одежды. Мы решили, что будет любопытно усложнить эксперимент и сделать два образа — один повседневный и один праздничный.

— Укороченный топ и юбку-шорты, — посоветовала я, бегло глянув на сарафан, — В волосы повяжем платок, на руки сплетем фенечки и возьмем сумку из макраме или рафии. Добавим немного хиппи-настроения.

Лена округлила глаза и, представив образ у себя в голове, благодарно закивала.

— Супер! — восхитилась она.

— Попробуй нарисовать эскиз, — я ткнула пальцем в заранее нарисованные мной женские фигуры на листках бумаги. Начинаящим дизайнерам будет удобно рисовать свои эскизы, не тратя время на отрисовку фигуры.

— Я не очень хорошо рисую, — пожаловалась девочка, но я только ближе подвинула бумагу.

— Рисуй как можешь. Мне важно, чтобы ты попробовала.

Лена кивнула и, еще раз осмотрев сарафан, склонилась над рисунком. Я же перешла к Вере, которая уже всюю шприховала тени на эскизе своего наряда. Осмотрев длинную шерстяную юбку красивого коричневого оттенка и белую блузку с жабо, я ухмыльнулась и перевела взгляд на рисунок девочки.

— Ого, — удивленно протянула я, выхватывая эскиз из ее рук, — А у тебя здорово получается!

На нарисованной фигуре были надеты широкие кюлоты со строгой стрелкой и карманами и приталенная блуза с рукавами буфф. Жабо с кофты превратилось в рюшечную оборку на карманах брюк, что мило смягчало жесткость линий. Образ дополняли коричневые кожаные подтяжки, ботинки с носочками и сумка-почтальонка.

Я прикрыла глаза и представила, как в таком виде по Лондону времен Викторианской эпохи расхаживает девчонка-подросток, которая прячет светлые косички под кепочку и выдает себя за мальчика, раздающего газеты, но на самом деле эта малышка не так проста, потому что под этим прикрытием она собирает информацию о богачах и передает ее своему лидеру — такому же подростку-Робин Гуду.

— Это очень хорошая работа, — похвалила я, вернувшись в реальность, — В ней чувствуется история.

На мгновение я окунулась в собственные воспоминания, когда на каждой перемене и даже среди скучных уроков я постоянно рисовала костюмы к выдуманным персонажам. В какой же момент я перестала придумывать историю для каждого своего образа? Мои эскизы стали более техничными, модными, но они были лишь одеждой, соответствующей текущим трендам. Ни одна моя работа за последние годы не несла в себе характер того, для кого этот костюм был придуман. Может быть, моя ошибка именно в этом? Может, такое отношение к коллекции и делает ее скучной?

— Спасибо, Надежда Львовна, — Верочка зарделась и вернулась к рисунку, а я с задумчивым видом перешла к Маше.

С некоторой завистью девочка посматривала на Верины успехи. У самой Маши на столе лежало пару скомканных листов бумаги — символ творческого кризиса. Я присела на парту и, склонив голову, осмотрела манекен, на который был надет выдавший виды спортивный костюм из широких ярко-розовых штанов и такого же цвета ветровке.

— Ничего не получается, — расстроено пробормотала ученица, сложив руки на коленях.

Я посмотрела на другую кучу одежды, которая была приготовлена для праздничного образа, и заметила там любопытный кожаный пиджак черного цвета.

— Это батин, — пояснила Маша, заметив мой взгляд.

— Батя не придет выяснять со мной отношения, если мы этот пиджак порежем? — на всякий случай уточнила я, и девчонка звонко рассмеялась.

— Нет, он ему больше не нужен, — заверила она.

— Отлично, — я вытащила жакет из кучи вещей и, встряхнув, накинула его на манекен вместо спортивной ветровки. — Штаны отрезать до шорт, распороть боковой шов и сделать треугольные кожаные вставки. Край оставим рваный. Из ветровки смастерим корсетный топ, а кожаный жакет слегка ушьем. Получится спортивно и дерзко одновременно.

— Разве можно носить шорты с пиджаком? — удивилась Маша, и я, закатив глаза, рассмеялась.

— Если красиво, то можно, конечно.

Вдохновленная поданной идеей, Маша села рисовать новый эскиз, а я уже переключилась на работу Любы. С ее манекена на меня смотрело мамино (а то и бабушкино!) черное платье неудачной длины и с крайне тяжелой драпировкой.

— Почему у тебя все черное? — усмехнулась я, окинув взглядом девочку в черном сарафане и черной водолазке.

— Это цвет моей души, — угрюмо ответила она.

— Это подростковая драматичность, — поправила я и, покачав головой, уставилась на манекен, — Есть идеи?

— Может быть, сделать струящуюся юбку и короткую кофту с открытыми плечами и длинными рукавами? — неуверенно предположила девочка.

Я одобрительно кивнула и добавила:

— Юбку сделаем на запахе, а рукава у топа будут клеш и оставим по низу аккуратную рокерскую дрань.

Девочка никак не изменилась в лице, но в ее глазах мелькнул знакомый огонек азарта.

— Окей, — ответила она, продолжая смотреть на платье.

— В тебе есть что-то от молодой Вивьен Вествуд, — зачем-то произнесла я, с любопытством глядя на короткие взъерошенные волосы Любы.

— Это комплимент? — уточнила она, вероятно, даже не подозревая, кто такая Вивьен Вествуд.

Я кивнула и поспешила покинуть рабочее место Любы, настроение которой сегодня напоминало грозовые тучи.

Одарив девочек вдохновением, я перешла к своей собственной коллекции, которая была тщательно отрисована на множестве плотных листов. Перебрав эскизы в сотый раз подряд, я уронила голову на стопку советских книг по швейному мастерству, и тихо вздохнула.

— Вы так здорово даете советы нам, — начала Маша, — Неужели у вас не получается так же со своими работами?

Я показывала свои эскизы ученицам, чтобы похвастать и получить восхищенные отклики, но результат ввел меня в еще большую депрессию. Девочкам было скучно. Неинтересно. Моя коллекция не откликалась их сердцам. Но с моей стороны было глупо ожидать от них отклика, ведь одежда, которую я создаю, действительно больше подходит взрослым деловым женщинам.

Тем, кто уже оставил позади детскую непосредственность и эмоциональность.

— Не получается, — пробормотала я, не поднимая головы с книг.

— Вам нужно вдохновиться, — задумчиво произнесла Леночка, — Чем-то красивым.

— Никником, например, — прикусив губу, Маша кокетливо похлопала ресницами.

— Что за Никник? — я подняла голову и вопросительно глянула на рыженькую ученицу.

— Николай Николаевич. Физрук, — усмехнувшись, пояснила Люба.

— Машка сохнет по нему, — Лена согласно кивнула.

— А вот и нет! — возразила Маша, но тут же снова расплылась во влюбленной улыбке, — Ну может, только немного.

— Мария, он для тебя слишком стар, — я строго пригрозила девочке пальцем, и все ученицы хором рассмеялись. Даже кислая Люба.

— Да я же только посмотреть, — отмахнулась Маша, — Все равно он в вас влюблен.

«А я влюблена в другого» — хотела ответить я, да только так и замерла с раскрытым ртом. А влюблена ли я в Антона на самом деле? Будит ли он во мне хоть какие-то романтические чувства? Или я закрыла себя в жестких оковах дисциплины и расчета настолько, что уже не могу по-настоящему влюбиться в мужчину, за которого выхожу замуж?

Впрочем, у Антона и без того столько положительных качеств, что любовь нам только помешает.

«Дай мне время. Ты поймешь, что настоящее, а что — нет» — сказал мне Николай, когда я сидела на его маленькой кухне и пила ароматный травяной чай. И почему его голос так часто всплывает в моей голове? И почему я постоянно жду, что он станет делать, чтобы убедить меня в своей правоте?

— Это не взаимно, — коротко ответила я Маше.

— Бедный Никник, — Лена покачала головой.

— С разбитым сердцем он кажется еще более красивым, — протянула Маша, не переставая улыбаться.

— А знаете, вы правы! — заявила я, резко поднимаясь из-за стола, — Нам нужно найти

вдохновение. Пойдемте погуляем по школе и поищем что-нибудь красивое.

Воодушевленные, мы бродили по школе, отмечая необычные сочетания цветов на плакатах или за окном, мягкость серых облаков и остроту линий строительных инструментов. Правда, маляры, красящие левое крыло, попросили нас не мешаться, и мы всей компанией спустились на первый этаж.

— Что это за звуки? — заинтересованно спросила Леночка, стараясь уловить источник странных шлепков и мужских вздохов.

— Это из спортзала, — подсказала Верочка.

— Боюсь предположить, что там происходит, — Люба лукаво улыбнулась, а я уже чувствовала жар, растекающийся по телу от разгорающегося любопытства.

— Сейчас мы это узнаем, — уверенно произнесла я и, звонко отстукивая каблуками по плитке, направилась напрямиком в спортзал.

У самой двери необычные звуки стали слышны гораздо сильнее, так что, подбадриваемая любопытством, я осторожно раскрыла дверь и проскользнула в спортзал, пропуская следом своих девочек.

В центре зала в круг собралась куча разновозрастных мальчишек в спортивных шортах и трико. Они одобрительно присвистывали и хохотали, наблюдая за тем, что происходило в кругу.

— Давай болевой! Захват! Рычаг! — кричали мальчишки, подсказывая незнакомые мне команды.

Не сдержавшись, я поспешила к толпе учеников, одергивая задирающуюся от быстрой ходьбы юбку. Растолкав тройку старшекласников, я вошла в круг и увидела, как на расстеленных матах лежит прижатый к полу парнишка лет шестнадцати-семнадцати, а на нем, грубо вытянув подростковый локоть, восседает Николай в одних красных шортах.

Раскрасневшийся мальчишка свободной рукой похлопал по мату, и физрук, ослабив хватку, слез с крупного и неповоротливого на вид подростка. Я поджала губы, наблюдая за тем, как обычно смешливый физрук превратился в строгого мужчину — в сильного наставника. И мне вдруг стало страшно от того, что я не могу отвести глаз от этой примитивной мужественности.

— Теперь ты иди на захват, — скомандовал Николай, вставая в стойку спиной ко мне.

Невольно я засмотрелась на то, как перекачиваются забитые мышцы под кожей, покрытой синяками и царапинами. В пальцах неприятно покалывало от желания коснуться мужского тела. Я трянула волосами, скидывая с себя странные чувства.

В тот момент, когда ученик попытался ухватить Муромцева за край шорт и потянуть на себя, Николай поддался и позволил поджать себя в странное тесное объятие. Вдохновленный успехом, мальчишка сделал подсечку и с громким шлепком уложил тяжелого физрука на мат. Нарочно медленно двигаясь, Коля дал ученику шанс выкрутить свою руку так, что у меня самой в приступе эмпатии что-то резко кольнуло в области локтя.

Ученик обрадовался и зазевался, и физрук, желая наказать его, грациозно перевернул пацана и прижал его спиной к мату.

— Правило номер один — не отвлекайся от боя, — сбивчиво дыша, напомнил Коля и слез с мальчишки.

Подняв голову, он заметил меня и переменился в лице. Жесткая мужественность, которой горел его стальной взгляд, сменилась удивлением, а за ним и мягкостью. На плотно сжатых губах мужчины снова расцвела привычная мне улыбка, а щеки покрылись румянцем

то ли от активного спорта, то ли от того, что Коля смотрел на объект своего вождения — на меня.

Мальчишки заулюлюкали, заметив, с каким особым вниманием мы с Николаем смотрим друг на друга, и Муромцев, на мгновение снова ставший серьезным, отдал очередную команду:

— Делимся на пары и отрабатываем прием!

Толпа ребят быстро рассосалась. Часть заняла уже лежащий на полу мат, остальные отправились в конец зала, где были сложены другие маты. Я обернулась на девочек и улыбнулась тому, как они наблюдают за старшеклассниками и шушукуются между собой.

Николай отер тыльной стороной ладони пот со лба и приблизился ко мне. А мне стоило больших усилий натянуть на лицо холодную маску, ведь я совершенно забыла, что обиделась на этого обаятельного полугололого физрука с богатырской фамилией.

— Что за мордобой ты тут устроил? — возмутилась я, прежде чем Коля успел сказать хоть слово.

— Это самбо, — он махнул рукой на ребят, валяющихся на матах, — В самбо морду не бьют.

— А что вы делаете в самбо? Обнимаетесь на полу в полуголом виде? — я прищурилась, бегло осмотрев торс физрука.

Смутившись, тот отошел к скамье, на которой лежала желтая футболка, и вернулся ко мне уже одетый.

— Я просто веду секцию самбо. Не нужно на меня злиться из-за этого, — миролюбиво попросил парень, но я в ответ покачала головой.

— Я злюсь не из-за того, что ты учишь парней насилию, — фыркнула я, скрестив руки на груди, и тут же опомнилась: То есть я не злюсь. Вернее, злюсь, но не совсем. Я...

— Ты злишься на меня. Постоянно злишься на меня, — уверенно произнес Николай, — А это значит только одно — я тебе нравлюсь.

Я вскинула руки в возмущении и чуть не захлебнулась тем количеством воздуха, которое заглотила, чтобы вывалить на физрука все мое презрение.

— Да что ты о себе возомнил?! — вскрикнула я, забыв о том, что в зале полно учеников, — Я никогда не опущусь до уровня школьного физрука, ясно?!

Николай Николаевич смотрел на меня с довольной улыбкой, будто я была глупой, но очень симпатичной собачонкой, которая даже в приступе злости остается любимой мохнатой врединкой.

— И вообще все эти побоища, что ты тут устроил, — я обвела рукой зал, в котором мальчишки учились боевым искусствам, — Уверена, у тебя нет на это разрешения! И еще... Еще...

Мне отчаянно хотелось схватиться за что-нибудь еще, чтобы хоть как-то задеть самовлюбленного физрука, но тот продолжал изучать меня терпеливым взглядом, от чего я злилась еще больше.

Подумать только — он мне нравится! Да как такая чушь могла прийти в его дурную голову?! Решил опозорить меня перед ученицами? Ну я этого так просто не оставлю!

— Я все расскажу Людмиле Сергеевне! — пригрозила я и, не оборачиваясь на улыбающегося физрука, постучала каблуками на выход, — Девочки, мы уходим!

С трудом отлипнув от созерцания спортивных старшеклассников, девочки поплелись за мной.

— Вы что, правда пойдете к директору жаловаться на Никника? — испуганно спросила Маша, а я, все еще подпаляемая наглостью Коли и тем, как бесцеремонно он выгнал меня из своей квартиры, кивнула и, оставив девочек, поспешила к Людмиле Сергеевне.

К счастью, директриса оказалась на месте. Увидев меня на пороге, она заметно удивилась.

— Что-то случилось, Наденька? — спросила она, окинув меня участливым взглядом.

— Да, я хотела бы обсудить один вопрос, — я стремительно прошлась по кабинету и остановилась около застекленного шкафа со школьными наградами.

— Если ты не можешь поладить с девочками, попроси Ольгу Александровну помочь. Ей чудесным образом удастся подобрать ключик к любому ребенку, — Людмила Сергеевна ласково улыбнулась, говоря о тихой учительнице английского языка.

— Нет, дело касается физрука Николая Николаевича, — начала я, с трудом удерживая уверенность на том же уровне.

— А что не так с Николаем? — искренне удивилась женщина.

— Вы знали, что он учит мальчишек драться? — вскинулась я, — Прямо сейчас у вас под носом проводит кровавые бои в спортзале.

— Как кровавые? — ужаснулась директор, — У него же кружок самбо для учеников.

Я отвела глаза, ругая себя за то, что в запале слегка перегнула палку.

— Но ребята дерутся. Вместо того, чтобы учиться разбираться словами, — оправдалась я.

— Наденька, я много раз наблюдала за тем, как работает Николай. Какие ценности он доносит до обычных мальчишек, у половины из которых отцы либо отсутствуют, либо спиваются день за днем, — Людмила Сергеевна смягчилась, видимо, поняв, что моя жалоба на физрука не имеет ничего общего с реальностью, — Нам очень повезло, что Коленька вернулся в Булкин. Очень жаль, конечно, что его вернуло такое горе, но он правда очень помогает мальчишкам города.

Я перевела на директора недоумевающий взгляд:

— Какое горе?

Людмила Сергеевна встала из-за стола и, приблизившись, аккуратно развернула меня к шкафу с наградами. Всмотревшись в расставленные за стеклом фотографии, я увидела улыбающегося Колю с золотой медалью на шее и флагом России, накинутым на плечи. На другой фотографии Муромцев был заснят в процессе схватки с другим спортсменом на очередном соревновании. Здесь же на полке стояли грамоты, подписанные на его имя, — на русском и английском языках.

— Николай трехкратный чемпион мира по боевому самбо, многократный чемпион Европы и наших российских соревнований, — пояснила женщина, — Какое-то время он жил и тренировался в Бразилии.

— Но почему он вернулся? — тихо спросила я, припоминая, как Людмила Сергеевна упомянула какое-то горе.

Женщина поникла, словно рассказывала историю, тесно связанную со своей собственной семьей. Может, так оно и бывает в маленьких городах, где все друг друга знают?

— У Коли скончался отец. А следом за ним у мамы случился обширный инсульт, — дрожащим голосом пояснила директор, — Коля вернулся, чтобы ухаживать за ней.

Теперь, когда я знала правду, все встало на свои места. Он выгнал меня из квартиры, не

потому что прятал девушку или жену за запертой дверью. В той комнате лежала его мама в тяжелом состоянии, и он не хотел втягивать меня в эти непростые заботы.

Я рвано выдохнула и захлопала ресницами, ощутив, как в уголках глаз стали скапливаться слезы. Услышав правду о Коле, я поняла, как несправедлива была по отношению к нему. Как хамила ему, обзывая глупым физруком, неспособным на большие свершения. И как он беззаботно улыбался в ответ, не говоря ни слова ни об успешной карьере спортсмена, ни о проблемах с матерью.

— Простите, — я смахнула побежавшие по щекам слезы и, выскочив из кабинета директора, поспешила в обратном направлении.

Ведомая жгучим чувством вины, я ворвалась в спортзал, где все еще шло занятие, и, отыскав глазами смеющегося Колю, направилась прямо к нему. Его лицо замерло с открытой улыбкой на губах, когда, услышав стук каблуков, он обернулся и увидел меня.

Мое сердце колотилось так, что, если бы ни оживленный гомон, царящий в спортзале, Коля мог бы услышать этот бешеный стук и понять, что он действительно мне нравится.

Не обращая внимания на учеников и удивленный вздох Николая, я влетела прямо в него и, крепко обхватив его шею, прижалась всем телом в трепетном объятии.

— Прости, что молчу, — тихо произнес Коля, — Я все еще немного обескуражен.

Я смерила парня усталым взглядом и отвернулась. Мы сидели в пустом спортивном зале уже полчаса и не могли ни поговорить нормально, ни разойтись. Просто сидели на неудобной низкой скамеечке и обменивались печальными взглядами.

— Я не хотел, чтобы ты знала о моих проблемах, — наконец сознался Муромцев, переводя разговор в серьезное русло.

— Если бы я знала, то меньше подшучивала бы над тобой, — ответила я, — Ты поставил меня в неловкое положение.

— Мне показалось, что тебе хватает своих проблем, — Коля вздохнул и пнул слегка выпирающую доску пола.

— Моя единственная проблема — это необходимость быть здесь, — соврала я, и пронизательный физрук тут же меня раскусил.

— Именно поэтому ты игнорировала звонки мамы в собственный день рождения, — констатировал он, и первым делом мне захотелось сказать в ответ что-то грубое, чтобы Коля заткнулся и не лез не в свое дело. Однако вид у парня был такой сочувствующий и понимающий, что я не стала отгораживаться от него кирпичной кладкой с надписью «осторожно, злая собака».

— Мы не общаемся, — сухо ответила я, — С тех пор, как я уехала из дома. Ты удивишься, но я из очень небогатой семьи.

Раскрывая правду о себе, я отвернулась. Внутри закопошился давно забытый стыд за условия, в которых я выросла, за обноски, за насмешки одноклассников. За то, кем я была, прежде чем смогла выбраться из этого дерьма.

— Не удивлюсь, — спокойно произнес Коля, и я все же подняла на него широко распахнутые глаза, — Что? Я серьезно, ты не похожа на богачку.

— На кого же я тогда похожа? — усмехнулась я.

— На ту, которая пытается спрятаться от самой себя.

Коля перевел на меня открытый кристально-голубой взгляд и подбадривающе улыбнулся.

— Готов поспорить, Надежда Валенкина куда круче Надин Валенси, — в его голосе прозвучала особая непередаваемая словами нежность, и мне вдруг захотелось уронить голову на его крепкое плечо, но я благоразумно сдержала порыв.

— Надежда Валенкина сбежала из дома, как только ей исполнилось восемнадцать, — призналась я, все еще сомневаясь, правильно ли я поступаю.

— Почему она это сделала? — Коля слегка нахмурил серые брови, и на его лбу пролегла глубокая складочка. На этот раз я не смогла остановить порыв, и коснулась рукой его лица. Я обхватила ладонью слегка колючую щеку и большим пальцем провела по морщинке на лбу мужчины.

— Не хмурься так, — пробормотала я.

Затаив дыхание, Коля наблюдал за моими движениями. Его шершавая ладонь накрыла мою, от чего я ощутила, как щетина сильнее царапнула мою нежную кожу. Наши лица были так непозволительно близко, что хотелось прикрыть глаза и отпустить контроль. Довериться ситуации и приближающимся губам Коли.

Я шумно сглотнула и, вырвав ладонь из руки Муромцева, отсела немного дальше. Глупо отрицать — меня тянет к нему. Физически. Мое тело буквально сжимается в тугую пружину рядом с ним и грозит сорваться с цепей, на которых так долго сидело. К счастью, голос разума достаточно силен, чтобы удержать меня от непоправимой ошибки.

— Никогда так не делай, — хриплым от волнения голосом произнесла я, и Коля лишь молча кивнул, — Я выхожу замуж.

— Что-то я не вижу счастливого жениха рядом, — скептически пробормотал парень.

— Он много работает.

— Чтобы откупаться от тебя машинами? — Коля горько усмехнулся и снова пнул выступающую половицу.

— Чтобы я ни в чем не нуждалась, — я вступилась за Антона, хотя глубоко внутри себя понимала, что не все — далеко не все — в наших отношениях нормально. Но мне и не нужно было больше. Раньше не нужно было. Не с Антоном.

— Я очень надеюсь, что ты действительно ни в чем не нуждаешься, — словно читая мои мысли, произнес Коля, и, даже не глядя на него, я понимала, что он рассматривает меня своими по-детски чистыми голубыми глазами.

— Прекрати, — шепнула я, не в силах терпеть этот взгляд.

— Не могу, — было в голосе Коли нечто, что заставило меня поднять на него глаза, — Я влюбился, как только ты села в мою машину на вокзале. Как током пронзило. Я думал, такое только в кино бывает. — Коля отвел глаза и, усмехнувшись, покачал головой, — Вообще, чтоб ты знала, такие любительницы покомандовать не в моем вкусе. Но, когда случается то самое, ты уже не выбираешь. Оно само выбирает тебя и не оставляет шанса.

Я отвернулась, ничего не говоря. В носу предательски защипало и в глазах стали собираться слезы. Слишком много эмоций. Меня захлестывает, и я теряю опору под ногами. Зарождаются ненужные, неправильные, непозволительные чувства. Я не могу сдаться. Не могу.

Если я позволю себя уйти с головой в этот омут, то уже не выберусь. По крайней мере не такой, какая я сейчас. А я так долго шла к себе. К такой. Не нуждающейся в любви, в одобрении, в поддержке. Не жаждущей влюбленных взглядов и нежных прикосновений дрожащих рук.

— Мне пора, — я резко поднялась, но, Коля внезапно ухватил меня за запястье и потянул на себя так, что я не поняла, как очутилась на его коленях.

— Скажи, что ничего не чувствуешь сейчас, — шепотом попросил он. В его глазах горел опасный огонь, грозящий спалить меня до остатка.

Уцепившись за его плечи, я отвернулась и попыталась встать, но Коля держал крепко, прижимая меня к своим коленям.

— Глядя в глаза, Надя. Скажи. И я тебя отпущу, — пообещал он, и я поняла, что это не шутка.

Стоит мне сказать то, чего он хочет, как он действительно отпустит. Не буквально, а совершенно во всех смыслах. Отпустит меня в ту жизнь с Антоном, о которой я так долго мечтала. Без любви, но с откупками в виде машин и бриллиантов.

— Надя, — тихо позвал Коля, а я, касаясь ладонью его шеи, чувствовала, как пульсирует артерия.

Я повернулась к нему и, набрав в грудь воздух, ответила:

— Раздражение, — прошипела я, закрываясь от Коли маской жестокости, — Все, что я

чувствую сейчас, — это раздражение.

Взгляд молодого человека погас, и, ничего не ответив, он ослабил хватку, давая мне возможность слезть с его колен. Поспешно поднявшись на ноги, я направилась к выходу, чтобы Коля не увидел в моих глазах страх. Страх потерять то, что я даже не успела обрести.

А что я могла сделать? Поддаться чувствам и согласиться на отношения с человеком, у которого никаких перспектив на обеспеченную стабильность? Я не хочу возвращаться в такую жизнь. Уж лучше я буду каждое утро завтракать в одиночестве в доме на Рублевке, чем...

Чем ощущать на себе нежные прикосновения и чувственные поцелуи, пока в сковороде маняще шипят сырники с изюмом. И вся кухня — маленькая, но такая светлая — наполняется вкусными ароматами и смехом влюбленных.

Я остервенело хлопнула дверью, вылетая из школы. Запахнула пальто и прикрыла лицо шарфом. Чтобы спрятаться от мелкого назойливого снега. Чтобы скрыть от прохожих, как сильно я растеряна. Будто снова — второй раз в своей жизни — я встаю на перепутье, и от того, какой выбор я сделаю, будет зависеть вся моя последующая жизнь.

Но я сделала выбор. Я оттолкнула то, что могло бы осчастливить меня, но лишь на короткий миг. Очарование любви всегда проходит, и, как бы сильно меня ни тянуло к Муромцеву, придет конец и этой сказке, и тогда я буду жалеть, что не выбрала Антона и успокоительный счет в банке. И отдельный гардероб для всей своей обуви.

Я пнула камешек и усмехнулась. Женщинам, живущим в Булкине, можно не переживать из-за такой ерунды, ведь в этом городишке нет нормальных дорог, а, значит, и красивой обуви много не надо.

Уже на подходе к дому я почувствовала, как в кармане вибрирует телефон. На дисплее снова высветилось слово, от которого по моему телу побежала дрожь. Мама.

В любой другой день я по привычке проигнорировала бы звонок, но сегодня, после того, как я узнала, что случилось с мамой Коли, я не смогла убрать телефон в карман и позволить ему вибрировать там до тех пор, пока у мамы не кончится терпение. Сегодня что-то во мне изменилось, и я приняла звонок.

— Алло, — с наигранной уверенностью в голосе произнесла я.

— Надя! Я уж думала, ты никогда не соизволишь ответить, — в голосе мамы прозвучало обвинение. Впрочем, как и всегда в разговоре со мной.

— Что-то случилось? — спросила я, не обращая внимания на укор родительницы.

— Если ты забыла, завтра у дедушки Льва поминки. Думала, ты захочешь приехать, — напомнила мама. Было в ее тоне что-то еще. Нечто знакомое и очень привычное мне. Умение натягивать маску не только на лицо, но и на голос. Будто мама хотела звучать грубо и равнодушно намеренно, чтобы я, не дай Бог, не подумала, что нужна ей. Нашим взаимным обидам слишком много лет.

— Я приеду, — неожиданно для самой себя согласилась я.

— Приедешь? — голос мамы дрогнул, и на миг я услышала ее настоящую — уставшую от всего, что между нами происходило в последние десять лет.

— Да. Если найду, как добраться, — пробормотала я скорее себе, чем маме.

— От Москвы всего два часа ехать, — напомнила мама, даже не скрывая обиды за то, что, поселившись в Москве, я совершенно перестала навещать родных.

— Я не в Москве, — коротко ответила я, и, прежде чем мама начнет задавать вопросы, поспешила закончить разговор: До завтра.

***

Добраться из Булкина до моего родного городка, который был меньше самого Булкина в два раза, оказалось сложнее, чем я думала. Мне пришлось трястись на поезде до Тулы, а оттуда на дряхлом автобусе до конечной остановки. На сердце скребли кошки от одной мысли, что я снова могла бы жить так. Нет, я ни за что не вернусь в эту дыру. Хотя, вспоминая город, в котором я родилась, хочется отдать должное Булкину. Возможно, он не так уж плох и бесперспективен.

От автобусной остановки до калитки дома, в котором я выросла, было минут двадцать пешком, и я в очередной раз послала мысленное проклятье Тому Форду за то, что его чудесная обувь не приспособлена для путешествий по русской глубинке.

— Ого, какие люди! — воскликнула Софа, встречая меня на крыльце.

Глядя на сестру через прутья калитки, я натянуто улыбнулась. Подергала дверь, но та не поддавалась. Я сунула руку через прутья, чтобы нашарить крючок, на который всегда запиралась калитка, но замерзшие пальцы никак не могли нашарить нужный гвоздик.

Смеясь, Софа натянула галоши и прошлепала по влажной зебетонированной дорожке к калитке. Ловко щелкнув пальцами по замку, она отворила дверь, а я с удивлением уставилась на замок, которого раньше не было.

— Ну и лицо ты сделала, — младшая сестра хохотнула и, кивнув мне, направилась к дому. Мне ничего не оставалось, как взять себя в руки и последовать за ней.

В доме тоже многое изменилось. На бревенчатых стенах появилась обшивка, а на ней милые светлые обои. Старые окна сменились на стеклопакеты, и только наличники остались на месте, хоть и украсились более яркой краской. В комнатах стало светлее, просторнее, словно вместе с моим уходом из дома ушла и большая часть хлама. Мама с сестрой поставили новую мебель — старомодную, но удобную, приобрели большой телевизор и холодильник. В основной комнате появился письменный стол и много мальчишеских игрушек.

Младшему ребенку Софы — сыну Славику — было три или четыре, я не особо следила за его взрослением. Но возраст старшей племянницы Стаси я знала хорошо, потому что в тот год, когда она родилась, я уехала из дома, и было это десять лет назад.

На мгновение меня унесло в воспоминания. Мне вот-вот исполнится восемнадцать, и я собираюсь сбежать в Москву тайно, ведь мама запретила мне покидать дом. Даже зная, как сильно я хочу стать известным дизайнером, мама решила поставить крест на моей карьере.

— Софа беременна, Надя, — сказала мне мама в тот день, когда я начала вслух говорить о желании перебраться в Москву для учебы, — Ты не можешь уехать. Тебе нужно работать, чтобы помогать сестре растить ребенка.

Весь мой мир тогда перевернулся с ног на голову. Глупая шестнадцатилетняя Софа залетела от еще более глупого мальчишки, след которого тут же простыл, а я должна за это поплатиться своими мечтами? Остаться в деревне и работать дояркой, чтобы покупать памперсы чужому ребенку? А я как же? Меня кто-то спросил?

Не дожидаясь, когда сестра разродится, я написала прощальное письмо и, прихватив все, что накопила, сбежала в Москву. Уже оттуда я скинула маме сообщение, что добралась хорошо и сняла комнату в коммуналке у женщины, которая до этого сдавала жилье моей деревенской знакомой.

Мы с мамой редко созванивались и вообще делали это только для того, чтобы убедиться, что мы живы и продолжаем как-то сводить концы с концами. Я не знала, как

растет Софина дочка, а мама не знала, как я ночами работаю то посудомойкой, то уборщицей, пока днем учусь. Мама не знала, сколько счастья я испытала, когда смогла устроиться швеей в ателье, где после работы оставалась за машинкой создавать свою уникальную одежду. Мама не знает, как я смогла пробиться и стать личной помощницей дизайнера в Доме Моды, где познакомилась с Кристиной Бондюжкиной, которая с тех пор выросла до Крисси Бонд — известной во всем мире модели.

Мама не знает, как меня сбил на своем мерседесе очень богатый Антон Лаптев и этим перевернул всю мою жизнь. Мама не знает, что я живу в шикарных условиях и вот-вот выйду замуж.

И еще мама не знает, что волей гадюки Гелы я оказалась в Булкине, где в моем сердце впервые за долгие годы усердной работы появились давно забытые чувства — теплые, нежные. Мучительно нежные. Боже, еще никогда я не думала, что мой любимый цвет глаз — голубой. Как я не замечала раньше, каким красивым лицом обладают голубоглазые люди. Почему я вообще снова думаю о Коле? Каждую минуту с тех пор, как он усадил меня на свои колени и потребовал принять решение, я борюсь сама с собой. Одна половина утверждает, что я все сделала правильно, но вторая... Мечется и воет бурей от того, что я совершила, возможно, самую большую ошибку в своей жизни.

Мама ничего не знает.

— Привет, — тихо произнесла я, заглядывая на кухню, где мама склонилась над духовкой с противнем, полным пышащих жаром пирожков.

Мама обернулась на меня, и я не сдержала легкой улыбки, увидев ее светлые голубые глаза. Надо же, никогда раньше не замечала, что у нее именно такие глаза — бледно-голубые с более темной окантовкой по краю радужки.

— Привет, Надежда, — коротко ответила она и, поставив горячий противень на деревянную доску, отерла руки о фартук. — Есть будешь?

— Сначала схожу к деду, — я покачала головой, стараясь не поддаваться чарам ароматных пирожков.

— Возьми Софу с собой. На кладбище вход перенесли, сама не найдешь, — посоветовала мама, даже не интересуясь, как у меня дела. Я кивнула и вышла из кухни.

Пока мы с сестрой шлепали по дороге, занесенной первым снегом, я мысленно благодарила Софу за то, что она отказалась меня сопровождать, если я не переодену ботильоны на более удобные утепленные резиновые сапоги. На каблуках здесь я не прошла бы. И в самом деле, как же, оказывается, хорош Булкин, если сравнивать его с деревней, а не с Москвой.

— Ты все еще одна? — спросила Софа, сбавляя темп и ровняясь со мной.

— Нет, — ответила я, подумав об Антоне.

— Влюблена?

— Не знаю, — после этого вопроса в голове всплыл образ улыбчивого физрука, и я раздраженно тряхнула головой.

— Как это? Разве не ты в детстве мечтала замуж по любви? — сестра усмехнулась, — Желательно за Леонардо Ди Каприо.

— А ты мечтала растить двоих детей в одиночку? — огрызнулась я, останавливаясь.

Софа поджала губы и посмотрела на меня разочарованно.

— Вообще-то у меня Паша есть. Он на вахте в Норильске.

Паша — это отец ее второго ребенка. Я резко выдохнула, и из моего рта вырвалось

облачко пара. Сестра просто подшучивала надо мной, а я сорвалась и нагрубилась.

— Прости, не знаю, что на меня нашло, — я отвела взгляд, и сестра, пожав плечами, ответила:

— Ты всегда была такая.

— Какая? — я нахмурилась, ожидая нелестной характеристики.

— Жесткая, — коротко произнесла Софа, — Я в детстве обижалась. Думала, что ты меня ненавидишь. А потом поняла, что ты просто копируешь маму.

Софа замолчала, засмотревшись на очертания церкви, едва виднеющейся за падающим снегом. И я молчала тоже, осознавая, что сестра сейчас произнесла то, что я никак не могла понять в себе все эти годы — я веду себя как мама.

Я всегда винила ее за строгость и равнодушие, но я сама всем своим видом отталкиваю тех, кто ко мне тянется. Я делаю больно. Но хочу ли я этого внутри?

— Я никогда не испытывала ненависти к тебе, — призналась я, не глядя на сестру.

Мне нравилось возиться с маленькой Софочкой. Нравилось шить одежды ее куклам из тряпья, которое отдавала нам мама. Нравилось учить ее кататься на велосипеде, чтобы вдвоем ездить к бабушке на другой конец деревни.

Мы обе росли без отцов. Мой умер, когда я еще не родилась. Отец Софы жил с нами какое-то время, а потом ушел за бутылкой и больше не вернулся. Мама говорила, что соседи видели, как он уезжает. А мы только радовались, что он уехал и молились, чтобы он не возвращался. Без него у мамы было меньше синяков и чаще случалось хорошее настроение.

Уже позже мы узнали, что отчим уехал, потому что по пути в магазинчик столкнулся с нашим дедушкой Львом Валенкиным — известным в районе кузнецом. Дед был тот еще кремень и, увидев, что мамин забулдыга пошел за очередной порцией водки, стал читать нотации и угрожать расправой за то, что отчим поколачивал маму. И тот не сдержался и ударил деда. А потом еще несколько раз, пока старик не упал.

Дед не поднялся.

С тех пор я стала ненавидеть это место гораздо больше.

— Мама любит тебя. И она очень беспокоится. Постарайся быть помягче, — произнесла сестра, все еще любясь местностью.

— Она не простила меня за то, что я уехала тогда.

— Это ты не простила ее, — возразила Софа, — Все еще думаешь, что она хотела повесить на тебя мою Стасю?

Я промолчала, подтверждая догадки сестры.

— Мама просто боялась тебя отпускать. Одну в Москву. Она не хотела, чтобы тебе там было тяжело. Ей было бы спокойнее, если бы ты была рядом, — ровным тоном поведала Софа, — А Стасю мы сами подняли. Да, мама много работала. Потом и я много работала. Но нам не нужны были деньги, Надь. Нам хватило бы твоей поддержки.

В голосе Софы ясно слышался укор за то, что все эти десять лет я сознательно отдалялась от семьи, не желая иметь с ними ничего общего. И только сейчас, стоя рядом с девчонкой, с которой мы устраивали импровизированные концерты с хитами Бритни Спирс, я ощутила, как много я потеряла. Как много я не позволяла себе прочувствовать. Я отталкивала абсолютно все чувства: жалость, разочарование, страх, ненависть, прощение, нежность и даже любовь. Я так хотела верить в то, что не нужна маме. Ведь так было легче мне самой.

— Прости меня, — шепнула я и расплакалась, даже не ругая себя за то, что слишком

часто плачу в последнее время.

Софа пустила слезу следом за мной. Усмехнувшись сквозь слезы, она притянула меня к себе за пояс пальто и крепко обняла. В этот момент я поняла, как устала быть все время собранной, закрытой, жесткой. И как хорошо иногда просто поплакать на родном плече.

***

Я провела дома пару дней. Мне не все давалось легко. Я все еще много хмурилась и фырчала, но мамин взгляд — полный нежности и благодарности — только подтверждал слова сестры. Я правда нужна была им обеим. И, хоть мама и оставалась строгой и немногословной, ее глаза показывали сокрытое внутри.

Много раз блуждая вокруг да около, я пыталась рассказать о том, что происходит в моей жизни, но язык не поворачивался сообщить о предстоящей свадьбе с Антоном, будто я вдруг начала сомневаться. Будто мое желание стать его женой теряло силу.

Перед самым отъездом Софа нашла мой старый клад — коробку из-под зимних сапог, перемотанную скотчем.

— Я ее не вскрывала, — честно призналась сестра, и я ей поверила.

Поставила коробку на колени и, срезав скотч, открыла крышку. В коробке лежали всякие мелочи: тетрадки, диск Бритни Спирс, который я в свое время заслушала до дыр, фенечки из ниток, дедушкина фотография, ярко-розовый пушистый дневник, в который я вписывала свои секреты. В то время я доверяла хотя бы дневнику.

— Я заберу это с собой, — я с улыбкой прижала дневник к груди, и тут из него прямо на мои колени выпал старый снимок, на котором был запечатлен мой отец. Высокий красивый мужчина с темными глазами. Такими же — коричнево-каштановыми, как и у меня.

— Вот сволочь, — пробормотала сестра, увидев фотографию.

— Это мой отец, имей уважение, — на полном серьезе попросила я, — Чем он вообще тебе насолил? Он умер, когда тебя и в помине не было.

Глаза сестры расшились. Неопределенно охнув, она отвернулась.

— Эй, — я ткнула ее в плечо, заставляя снова посмотреть на меня.

— Значит мама тебе не сказала?

— Что не сказала?

— Я тоже думала, что твой папаша умер, — загадочно произнесла Софа, — Пока не увидела его по телевизору лет пять назад.

У меня в горле мгновенно пересохло настолько, что я не смогла назвать сестру дурочкой и послать ее куда подальше. Тут из кухни выглянула мама и смерила нас обеих долгим тяжелым взглядом, с какого обычно начинаются все серьезные разговоры.

— Мама? Папа жив? — шепотом спросила я, уже догадываясь, что она ответит.

Мой папа жив.

С моего визита домой прошло пару недель. Ноябрь сменился декабрем, и то, что происходило в моей душе, целиком и полностью отражала погода — грязно, мокро, мерзко и холодно. Природу метало от осени к зиме, и она никак не могла определиться, что с ней происходит. То же было и со мной.

С одной стороны, я была до наивного счастлива тому, что человек, нехватку которого я ощущала всю свою жизнь, на самом деле существует. Ходит по одной земле со мной. Имеет московскую прописку и даже живет в не менее роскошном районе, чем Антон.

Но есть в этой истории и обратная сторона. Мама не созналась, что случилось, но по ее глазам я поняла, что она не зря кормила меня байками об умершем папочке. Что-то между ними произошло, и это не дает мне покоя.

Софа, которая видела моего отца по телевизору, сказала, что его на самом деле зовут Лисовой Герман Сергеевич, и он руководит крупным заводом по производству металлоконструкций. От одного звучания его фамилии мне захотелось вернуться в мечты, где я была маленькой девочкой, спрятанной от неприятного колючего мира за широкой спиной отца. И фамилия этой девочки могла быть — Лисовая.

Надежда Германовна Лисовая.

Мне даже не пришлось бы брать псевдоним, чтобы перестать быть деревенщиной Валенкиной. Лисовая. И как мама могла упустить такой шанс? Почему она вернулась в свое захолустье, оставив богатого ухажера?

Если бы между нами не намерзло так много ледников, я обязательно расспросила бы ее обо всем, что у них с папой произошло. Но мне пришлось смириться с тем, что мама отказалась говорить, даже не скрывая своего отвращения. Все, чем я могла довольствоваться — крохи, которые отыскала в интернете любопытная Софа. Может, в глубине души она тоже надеялась, что Герман Лисовой все еще любит нашу маму и вытащит ее из той дыры, в которой она оказалась?

У меня было его имя, его адрес, но я совершенно не знала, что с этим делать. Ехать к нему? Вот так просто явиться и сказать: «Здравствуйте, я ваша дочь»? Что, если он даже не знает о моем существовании? Как глупо!

Из-за постоянной тревоги и растерянности я совершенно выпала из реальности. Ученицы озабоченно шептались, понимая, что я потеряла интерес к нашему общему проекту. Моя собственная коллекция пылилась без дела, будто не была самым серьезным шагом на пути к карьере моей мечты.

Весь мой разум был занят отцом, а сердце — любовными сомнениями. Ночами мне снился Коля, вырывающий меня из рук Антона. Коля, сажающий меня на свои колени и шепчущий, как сильно он меня любит. Коля, тренирующийся в пустом спортзале. Коля, танцующий со мной на дне учителя. Я разрывалась от того, как много Коли стало во мне. Борьба с чувствами, рвущимися наружу, становилось все сложнее.

Я дико скучала по его широкой улыбке, которая осветила бы мне путь сквозь семейные передраги. По его голубым глазам, сияющим настоящей влюбленностью. По рукам — мозолистым, но дрожащим от волнения рядом со мной.

Я скучала по Коле, и боялась этого. Ведь еще никогда за два года я не скучала по Антону. Как физруку удалось за такой короткий период приучить меня к постоянным

чувствам, эмоциям? Он выбил меня из колеи, и, к моему удивлению, я стала все комфортнее чувствовать себя вне привычных условий.

В конце концов, я начала любоваться Булкиным. Кто бы мне сказал три месяца назад, что я буду фотографировать и выкладывать в соцсетях солнце, закатывающееся за осенний лес, раскинувшийся позади моего дома, — я ни за что не поверила бы. Но реальность вокруг меня поменялась и, стоило мне перестать барахтаться против течения, как я начала получать удовольствие.

Этот маленький город оказался очень уютным: много парков, а, значит и зелени летом; река, пересекающая город насквозь, милые магазинчики без броских ярких вывесок, от которых пестрит в глазах; тихие улицы и мощеные аллеи; улыбчивые жители, которые никуда не спешат.

Не спешат жить.

Возможно, это не мой стиль жизни, но я вдруг стала понимать, почему с возрастом люди перебираются из большого города в глубинку. Амбиции устаканиваются, меняются приоритеты. И вот тебе уже не хочется покорять вершины карьерной лестницы и пытаться доказать мегаполису, как же ты крут. Ты уже не такой. Ты успокоился. И просто ищешь уютную парковую дорожку, чтобы толкать детскую коляску и пить кофе из термоса.

Мне пришлось подавить желание улыбнуться и потряхнуть волосами, чтобы выбросить эти глупые мысли из головы. Я вышла на вечернюю прогулку, чтобы слегка освежить переполненную голову. Начало декабря выдалось теплее нормы, так что я еще прекрасно себя чувствовала в шерстяном пальто и широком кашемировом шарфе. Правда, после поездки домой ботильоны от Том Форд отправились к праотцам, и мне пришлось перейти на высокие кожаные сапоги, купленные в Италии у еще никому не известного мастера кожевенного ремесла. Я убила в Булкине уже вторую пару обуви. Случайность ли это? Или судьба пытается мне что-то сказать?

Миновав центральные ворота большого парка, утопающего в теплом желтом свете фонарей, я двинулась по широкой аллее, с особым интересом рассматривая прохожих.

На удивление они выглядели счастливыми. И среди обычных гуляющих было много молодежи, словно город не вымирал, как мне казалось по началу. Может, я не так уж хорошо знаю Булкин? Не так-то прост этот городок.

В самом центре парка рабочие заканчивали устанавливать каток, который, вероятно, зальют с началом холодов, если те, конечно, соизволят принести в центральную Россию нормальную зиму.

Прямо с центральной площади открывался вид на узкую речушку, вдоль которой на протяжении всего города тянулась набережная. По ту сторону реки расположилась другая часть Булкина — более новая, как казалось по очертанию строений, но мне там бывать не доводилось. По крайней мере, пока.

Здесь же на центральной площади был симпатичный, хоть и старый, театр, афиши которого зазывали на детские представления. Чуть поодаль за широким дубом пряталось двухэтажное здание городского бассейна.

Само здание было едва различимо в темноте, и только на просторном крыльце и над вывеской горел свет. Наличие в Булкине бассейна никак не затронуло бы мое сердце, если бы я не заметила у входа знакомую Весту.

Прежде, чем я успела взять себя в руки, мои ноги уже дернулись с места и понесли меня напрямик к дубу. Спрятавшись за дерево, я оперлась на шершавую кору и всмотрелась в

бледные пятна света. Из здания вышел Коля, и на моих губах расцвела глупая улыбка, которую я тут же поспешила спрятать.

Не замечая меня, Коля открыл багажник и, задрав рукава синей толстовки, стал что-то выгружать и перетаскивать внутрь здания. Любопытство вспыхнуло с новой силой и, не обращая внимания на подмерзающие ноги, я продолжила наблюдать, как физрук ходит туда-сюда от входа к машине и обратно.

Когда Коля унес последний сверток и стало ясно, что он больше не выйдет, я ощутила растущее недовольство, словно за последние десять минут не успела хорошенько насладиться видом симпатичного молодого человека. Словно все эти дни я хотела гораздо большего.

Забыв о том, что произошло между нами при последней встрече, я вышла из-за дерева и направилась ко входу в здание. В просторном холле было темно, и бассейн, судя по всему, в эти часы не работал.

Я услышала, как где-то неподалеку тихо играет музыка, и, не сомневаясь ни секунды, отправилась за источником приятных звуков. Сразу за поворотом оказался открытый зал, из которого доносилась музыка и бытовая возня.

Заглянув в распахнутую дверь, я увидела достаточно большой зал со старым деревянным полом и пошарпанными стенами. Спиной ко мне стоял Коля. У его ног лежали аккуратно сложенные мешки со строительными смесями, банки с красками и различные инструменты. Муромцев внимательно изучал какую-то бумагу и не заметил, как я подкралась ближе.

— А что это ты тут делаешь? — тихо спросила я, но даже этого хватило, чтобы Коля вздрогнул и, споткнувшись о мешок, упал к моим ногам.

Я не сдержалась и рассмеялась, протянув руку неуклюжему физруку.

— Удивительно, что ты стал чемпионом мира, — безобидно подколола я, всем своим видом показывая, что настроена мирно. Парень поднялся без моей помощи, и я не успела спрятать мелькнувшую на лице досаду.

— Мы снова дружим? — без улыбки на лице спросил Коля, и я неуверенно кивнула.

— Давай попробуем. Просто дружить.

— Как ты вошла? — все еще хмурясь, спросил парень.

— Через дверь, — я усмехнулась, — Вход открыт.

— Вот черт, — Коля хлопнул себя по лбу и, прихватив ключи с подоконника, вышел из зала.

Пока его не было, я немного осмотрелась. В одном углу зала лежали сложенные маты наподобие тех, что я видела в школе, но более новые на вид. Тут же валялась новенькая хорошо запакованная груша и крепление для нее. На подоконнике стоял старенький магнитофон, шнуром тянувшийся к розетке. Из динамика раздавалась приятная музыка с теплыми южными мотивами.

— Что это за место? — спросила я, заметив, что Коля уже вернулся и недоверчиво рассматривает меня, скрестив руки на груди.

— Разве тебе интересно?

— Глупый, — хмыкнула я, — Стала бы я спрашивать, если бы мне не было неинтересно.

Я обезоруживающе улыбнулась и пару раз похлопала пушистыми ресницами, даже не ругая себя за этот внезапный флирт. Парень, кстати, смягчился и, словно оттаяв, подошел ближе.

— Мне тут одна хорошенькая особа заявила, что быть учителем физкультуры стыдно, —

с усмешкой в голосе произнес он, и я договорила:

— И ты решил заделаться маляром? — я кивнула на строительные материалы, а Коля закатил глаза и, скинув толстовку, остался в белой майке.

— На что не пойдешь ради любви, — философски заметил он, откидывая толстовку в сторону.

— Так ты меня любишь? — я попыталась звучать пренебрежительно, но голос предательски дрогнул. Еще ни один мужчина (дедушка не в счет) не говорил, что любит меня. По-настоящему любит.

Коля одарил меня долгим изучающим взглядом, словно взвешивая, стою ли я тех слов, которые так боюсь услышать. Что, если он действительно их скажет? Как я смогу вернуться к обычной жизни в Москве, зная, что оставила в Булкине разбитое сердце? И с каких пор меня вообще волнует чье-то сердце?

— Что ты здесь делаешь, Надя? — серьезным тоном спросил Коля. Казалось, он сам пожалел, что заговорил о любви.

Из его взгляда пропал привычный мальчишеский задор, и я увидела перед собой взрослого мужчину, который к тридцати с лишним успел здорово устать от жизни.

— Не знаю, — искренне ответила я, понимая, что вопрос касается не столько моего присутствия в зале, сколько моей добровольной близости к Коле, которого я так тщательно отвергаю.

— А я знаю, — спокойно произнес Коля, слегка смягчив взгляд, — И ты сама все знаешь, но боишься это признать.

Парень сделал шаг в моем направлении. А потом еще. И еще. И только я стояла на месте как вкопанная.

— У меня есть жених, — жалобно протянула я, всем телом ощущая, как пространство вокруг нас начинает вибрировать.

— И ты его любишь? — Коля прищурился, нависая надо мной.

— Это не главное, — я отвела взгляд, но мужская рука заботливо коснулась моей щеки, и я снова посмотрела в печальные глаза Муромцева.

— Не главное? — эхом отозвался он, поглаживая мою щеку большим пальцем. — Тогда почему ты так хотела услышать, что я тебя люблю?

В его лучистых голубых глазах плескалось столько нежности, что мне хотелось плюнуть на все, прижаться к сильному мужскому телу и позволить себе быть любимой. Бескорыстно.

Коля любил бы меня за то, кто я есть. Со всеми моими выходками и высокомерием. Я нужна ему, вопреки моему непростому характеру. Антон же ценит то, как умело я держу себя в руках, не позволяя эмоциям вторгаться в его четкий график. Но я привыкла к этому. Привыкла быть на тысяче замков от самой себя — от той девочки, что фанатела от Бритни Спирс и мечтала создавать яркую взбалмошную одежду, от которой у строгих теток челюсти поотваливаются. И вот я — та самая тетка.

Только рядом с Колей все меняется. Несмотря на мои попытки держать его на расстоянии, он все время оказывается рядом и дергает, и дергает, и дергает дверь, за которой я прячу ту самую девочку, напевающую фальшиво «I'm not a girl, not yet a woman».*

— Чего ты боишься? — Коля убрал руку с моего лица, но не отошел, словно хотел проверить, установлю ли я сама телесный контакт с его телом.

И он оказался прав. Я хотела его касаться. Хотела провести пальцами по его плечам, по венам на предплечье, по тыльной стороне ладони и замереть на кончиках пальцев, чтобы

дальше совершенно слететь с катушек и наброситься на него, как дикарка, не знающая истинной ласки.

Я подняла руку и замерла, не понимая, как поступить. Отпущу себя на волю — случится непоправимое. Останусь взаперти — взвою и никогда не смогу жить как прежде.

Закрыла глаза и отключила мысли. Только шум сердца стучит в ушах, и адреналин с бешеной скоростью разносится по крови. Неловко замахнувшись, я ударила Колю в грудь. Тот тут же сгруппировался, напрягая крепкие мышцы.

Моя рука уцепилась за Колину белую майку, и я снова замерла, ожидая реакции мужчины.

— Ударь меня еще, — шепнул он, ласково отведя за плечи мои длинные волосы.

Осмелившись от его слов, я ударила снова. А потом еще и еще. С каждым ударом замки, за которыми прятались мои эмоции, слабели и, когда я стала совсем задыхаться, внутреннюю дверь сорвало с петель. Ничего не говоря, я подняла на улыбающегося Колю восторженный взгляд и потянула вверх майку, через которую так упорно избивала крепкий мужской торс.

Муромцев рвано выдохнул и одним движением скинул с себя майку и тут же прижал к себе мое тело — такое тонкое и хрупкое по сравнению с его. Парень раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но я подтянулась на носочках и прижалась к его рту губами.

Миг — один короткий миг наши губы потратили на непростительное промедление, и, едва нерешительность, сковывающая оковами наши тела, спала, как поцелуй свершился во всем его страстном великолепии.

Я ощутила то, что никогда прежде не ощущала. Все мое тело налилось такой тяжестью, что Коле пришлось придерживать меня, чтобы я не рухнула вниз, опьяненная внезапным возбуждением.

Мы целовались, как два голодных старшеклассника. Ни на секунду не могли оторваться от губ друг друга, чтобы перейти дальше. Словно боялись решиться иди до конца.

Нет. Сегодня я не готова отступить. Столько лет я отказывала себе в наслаждении, в любви, и сегодня — здесь и сейчас под жаркими поцелуями и восхищенными взглядами Коли — я не дам себе снова предать девчонку, которая уж точно выбрала бы этого горячего физрука среди тысячи богатейших Антонов мира.

Я отстранилась от парня, но лишь для того, чтобы ухватиться за низ водолазки и потянуть ее вверх. Поняв, чего я на самом деле хочу, Коля осмелился и сорвал с меня кофту, с особым огоньком в глазах проследив за волосами, светлой волной укрывшими мои плечи и грудь.

И снова поцелуи, обжигающие губы и влажной дорожкой спускающиеся к шее и ключицам. Руки — сильные, шершавые от мозолей — и моя нежная кожа. Прохладная поверхность спортивного мата, покалывающая голую спину, и тяжесть пышащего жаром мужского тела.

Контрасты. Эмоции, взвинченные до предела. И ласка — такая чувственная, такая искренняя. И в то же время жаждущая, требующая.

В эту ночь в запертом здании бассейна я позволила себе быть любимой. Я позволила себе любить.

— Так значит, ты будешь тренировать детишек? — спросила я, пристегивая ремень безопасности в машине, которая никогда бы не стала ассоциироваться у меня со словом «безопасность».

Настраивая печку, Коля прижался своим плечом к моему, и я слегка отстранилась, боясь сильного желания наброситься на парня с новой силой. Те эмоции, которые подарила близость с ним, сносили крышу, срывали меня с корней, которыми я так долго привязывала себя к земле, и возносили куда-то высоко-высоко, где по небу плывут розовые облака и солнце никогда не скрывается с горизонта.

Я была влюблена. Даже никогда ранее не испытывая этих чувств, я поняла, что это именно оно. Так о влюбленности говорят в книгах, так ее показывают в кино, так она ложится импульсивными мазками краски на полотна художников. Я была влюблена, и меня это пугало.

Мир, который я с такой тщательностью выстраивала, рушился. Что мне делать? Взять себя в руки и с пресловутой жесткостью, от которой меня саму уже тошнит, сказать Коле, что все, что произошло, было ошибкой? Просто секс. Ничего большего. И как можно скорее вернуться в Москву, чтобы забыть Муромцева и его ласки?

Или признаться ему и самой себе, что я хочу быть рядом? Но во что тогда превратится моя жизнь? Амбициозный дизайнер променяла успешную карьеру на ставку трудовици в провинциальной школе?

— Да, я всегда хотел стать тренером, — отозвался Коля, ничуть не смутившись того, что я отстранилась, — Наверное, тренировать мне нравится даже больше, чем соревноваться.

Машина мягко двинулась с места, направляясь в сторону моей съемной квартиры. Я глянула на Колю, слегка склонив голову. Он выглядел окрыленным. Счастливым от того, что я рядом с ним. И эта мысль породила во мне новый всплеск удушающей нежности.

Но он был абсолютно лишен амбиций, и это шло в разрез с моими планами на жизнь. Да, я вдохновила его на то, чтобы уйти из школы и открыть свой зал для занятий единоборствами, но этого недостаточно.

— Ты мог бы тренировать в Москве, — осторожно предложила я, — И многого достигнуть.

Коля поджал губы, поняв, куда я клоню.

— Почему ты не хочешь развиваться дальше? — с некоторым раздражением в голосе спросила я.

— Хочешь вовлечь меня в гонку за деньгами? — устало спросил парень. Его горящие глаза погасли, и я осознала, что мы вступаем в первый открытый конфликт как пара.

Случившееся в бассейне дало нам обоим почву для размышлений о возможности совместного будущего. Только Коля, видимо, смотрел на будущее сквозь розовые очки и думал, что я откажусь от всего ради него. А я хотела бы иметь все сразу: и свою привычную жизнь в Москве, и Колю.

— Что плохого в деньгах? — фыркнула я, отворачиваясь к окну.

— Ничего. До тех пор, пока они не затмевают собой остального, — философски заметил Муромцев.

Я молчала, кусая губы и борясь с желанием наговорить того, о чем потом пожалею.

— В Москве таких, как я, много, — тихо начал Коля, — А здесь... Я хочу, чтобы местные мальчишки — и даже девчонки — имели возможность заниматься спортом.

— Какое значение вообще имеют чужие дети..., — протянула я себе под нос.

— Мой отец много работал над спортивной жизнью города. У него даже был свой дворец спорта на той стороне реки. Если бы ты видела..., — в голосе парня прозвучало воодушевление, и я, не сдержавшись, снова повернулась к нему, — Это историческое здание на Купеческой улице. Я так любил проводить там время, когда был мелким.

— Что случилось с этим зданием? — не поняла я.

— Наверное, ты знаешь, что в пригороде построили коттеджный поселок? Так к нам перебралось много очень богатых и очень бессовестных людей, — Коля усмехнулся, — На той стороне реки уже всюду идет освоение города. И в этом не было бы ничего плохого, если бы хоть кто-то думал о сохранении исторического облика Булкина. Отца долго осаждали предложением о выкупе здания, и перед самой смертью он сдался. Так что дворец спорта, в котором я провел все свое детство, превратился в модную кальянную. Иронично, да? — Коля перевел на меня грустный взгляд, и мне стало его жаль.

И, хотя я сама всегда выступала за то, чтобы уходить от старого к новому, сейчас и мне стало печально от того, как изменения коснулись семьи Коли. Могу представить, как больно ему смотреть на место, которое подарило ему так много счастливых моментов, которое сделало из него чемпиона, и понимать, что все поменялось. Теперь люди приходят в дворец спорта, чтобы покурить и выпить пива.

— Поэтому ты заехал в здание бассейна?

— Надеюсь, это временно, — Коля покачал головой, подъезжая, к моему дому, — Я хочу несколько просторных залов. Хочу ринг для занятий боксом. Хочу небольшой, но функциональный тренажерный зал. У меня даже есть команда тренеров, которые приедут, как только все будет готово.

Парень замолчал, и я поняла, что не все в истории так просто. Машина остановилась у моего дома, и мы на несколько минут просто замолчали.

— Есть какое-то «но»? — не выдержала я.

— Только сейчас понял, как хочу вернуть дворец спорта, — на выдохе ответил Коля. — Так странно. У меня вообще не было никаких желаний, пока не появилась ты и не встряхнула меня. Будто и не жил. Улыбался по привычке. Вел уроки физкультуры. Не вспоминал о том, чего так хотел до того, как моя жизнь пошла по одному месту.

Коля взял мою руку и прижал к своим губам, а я почувствовала, как внутри трепыхнула крыльями огромная бабочка. Я так не хочу его отпускать. Не хочу говорить: «Спасибо, все было круто, но мне нужно идти дальше». Я хочу скинуть пальто и оседлать его прямо за рулем, пока мы еще так близко. Пока я своими же руками не разрушила то прекрасное, что зарождается между нами.

— Это не моя заслуга, — я осторожно выпутала руку из Колиной хватки, за что тут же удостоилась встревоженного взгляда, — Мне нужно идти.

— Все хорошо? — нахмурившись, спросил Коля, — Между нами все хорошо?

Я пожалала плечами и отвернулась, не желая показывать растерянность на своем лице.

— Прости, — кинула я и, пару раз дернув ручку, с трудом раскрыла дверь.

Не оборачиваясь, я выскочила из машины и поспешила к дому, неприятно хлюпя каблучками по грязи на тротуаре.

Он не пойдет за мной. Не станет настаивать. Коля примет все как есть. Поймет, что я не

готова менять свою жизнь. А я завтра же уволюсь из школы и, собрав свою скучную серую коллекцию, вернусь в Москву. Лишь бы только Коля не пошел за мной.

Войдя в лифт, я выдохнула. Но не с облегчением, а с разочарованием. Другая — внутренняя — я хотела бы, чтобы Муромцев не дал мне уйти. Но он, похоже, слишком уважал мое решение. Или его самолюбие было задето тем, что я сбежала после бурного секса на спортивных матах? Что, если он сидит в машине и думает, что мне не понравилось?

Он даже не догадывается, какую бурю чувств разворошил во мне. Не знает, что стал первым мужчиной, с которым я познала истинное наслаждение от секса. Я даже никогда не думала, что любовь может быть такой. Что любовь — не про регулярное пополнение карточки. Это совершенно иное.

Трепет, ласка, мурашки по коже от одного голодного взгляда, горячее дыхание, слетевший с катушек сердечный ритм и желание — постоянное безудержное желание касаться его тела.

Двери лифта раскрылись, и, едва ступив на лестничную площадку, я попала в объятия Коли. От удивления я промычала что-то невнятное, но его губы тут же накрыли мой рот, и я отдалась поцелую, забыв о сомнениях и страхах. Он все-таки пошел за мной. Побежал по лестнице, и оттого под моими ладонями так бешено бьется его сердце. Или это от меня?

Я не заметила, как по щекам потекли слезы, и Коля с улыбкой на губах отер влагу с моих щек.

— Моя Надежда, — влюбленно прошептал он, — Что с тобой?

— Надежда все испортила, — хлюпая носом, ответила я.

Я все портила с самого начала. Все в своей жизни, начиная отношениями с мамой и заканчивая выбором мужчины. И вот я стою в объятиях красавчика с огромным добрым сердцем и чувствую, как становлюсь другой. Не новой, нет. Но истинной собой.

— Надежда все исправит, — шепнул Коля, — А я ей помогу.

И я доверилась этому мужчине, который вернул мне себя.

Если бы в этот самый момент кто-то из соседей глянул в глазок, им не понравилось бы, как влюбленная парочка в порыве чувств срывает друг с друга одежду, медленно, но верно двигаясь к двери своей квартиры.

***

Ноги утопают в теплом песке, и я, смеясь, поднимаю голову вверх, подставляя лицо палящему солнцу. Слух ласкает приятный шелест океана и музыка, манящая танцевать своими южными мотивами. Оборачиваюсь и вижу Колю — он стоит, преклонив колено в песок, и держит на вытянутой руке кольцо, свернутое из фольги. Улыбаюсь, тянусь к нему. Но тут лицо парня искажается яростью, а из-за моей спины появляется Антон. Он хватает меня за предплечье и, силой удерживая мою руку, надевает на палец платиновое колечко от Картье. Коля бросается к нам, и...

И я резко вскакиваю на постели и, запутавшись в одеяле, едва не падаю на пол.

Я встряхнула головой и потеряла виски, сбрасывая с себя остатки сна. Антона здесь нет. Хотя он, конечно, все еще есть в моей жизни, и мне нужно как-то сказать, что его невеста изменила ему два раза с самым привлекательным физруком во всем мире.

Чувствовала ли я стыд? Нет. Так уж вышло, что Антон тоже изменил мне в прошлом году, и я взяла с себя слово, что, простив его, я однажды позволю себе поддаться искушению и вкусить запретный плод. Правда, тогда я даже не предполагала, что в самом деле встречу человека, который вскружит мне голову.

И сейчас этот человек возится на моей кухне и тихо подпевает незнакомой мне песне.

Я поднялась с постели и, обернув простынь вокруг обнаженного тела, проскользнула в ванную, чтобы немного освежиться перед тем, как предстать перед Колей.

На кухню я вошла уже умытая, причесанная и одетая в белый шелковый пеньюар. Из-за приятной латинской музыки, негромко играющей из динамика телефона, Коля не сразу заметил мое присутствие. Он стоял у плиты и, судя по запаху, готовил сырники, и я буквально ощутила, как в память на долгие-долгие годы врезается эта картинка.

Редкое в декабре солнце ласково гладит рельефную спину Коли, и мне хочется плакать от того, как прекрасна россыпь веснушек на его плечах, как слегка курчавятся отрастающие светлые волосы, как тепло звучит его голос, подпевающий исполнителю из телефона. Все в этом моменте наполняет меня изнутри словно воздушный шарик, и я, окрыленная нежностью, рискую оторваться от земли и улететь высоко-высоко.

Колино сильное тело прикрывал забавный розовый фартук, который был в этой квартире еще до моего приезда, и я поймала себя на том, что не могу оторваться от этого сочетания грубой мужественности и мягкой розовой ткани. И тут меня осенило! Что, если это — именно то, чего так не хватало моей коллекции?

Легкая, воздушная женственность.

Резко очерченные детали, добавляющие образу остроты и присущей мужчинам силы.

Цвет. Розовый цвет, который я так любила с самого детства и от которого избавилась, едва стала прятать саму себя глухие двери.

Может быть, именно этого момента я ждала все это время, чтобы здесь и сейчас полуголый Коля в розовом фартуке дал мне ключ к вдохновению.

— Пахнет вкусно, — шепнула я, а Коля, вздрогнув, обернулся и широко улыбнулся мне.

— Опять ты подкрадываешься, — мягко пожурил он, осматривая меня с ног до головы восхищенным взглядом. От такого взгляда хочется плавиться, как мороженое на летнем зное.

— Мужчина никогда не готовил для меня завтрак, — заметила я, усаживаясь на стул у окна, — Такая приятная музыка.

Я подвинула Колин телефон ближе, чтобы посмотреть название песни — *Coladinho* от группы *Andre&Kadu*. И, так как название мне ничего не дало, я удивленно уставилась на физрука за плитой.

— Это сертанежу — особое направление музыки в Бразилии, — пояснил Коля, отвечая на мой вопросительный взгляд, — Я подсел на эту музыку, когда жил в Латинской Америке. И, кстати, — он лукаво улыбнулся, глядя на меня, — Эта песня напоминает мне о тебе.

— Почему? — удивилась я.

— Она о мужчине, который влюблен, как сумасшедший, — Коля присел на второй стул и придвинулся ближе ко мне, то и дело прыгая взглядом с моих глаз на губы и обратно. — Догадываешься, в кого влюблен я?

— Значит, ты и по-португальски говоришь? — сменила я тему, стараясь выдержать паузу, а у самой голос дрожал от желания скорее ощутить на себе Колины поцелуи.

Парень хрипло рассмеялся и прижался к моим губам, но долго наш поцелуй не продлился. Колин телефон завибрировал, а на экране высветился входящий звонок от абонента «Анжела».

— Почему тебе звонит Анжела? — нахмурившись, спросила я, но Коля, не ответив, принял вызов.

— Да-да, я уже бегу, — виновато пробормотал он, — Прости, что задержал. Скоро буду.

Сумасшедший влюбленный сбросил вызов и снова склонился надо мной, чтобы мимолетно чмокнуть мои губы.

— Погоди, — я отстранилась, — Почему тебе звонит Анжела? И ты вдруг срываешься к ней, бросая меня?

— Ты ревнуешь? — Коля улыбнулся еще шире, будто ему польстил тот факт, что я задаю неудобные вопросы.

— Анжела мне давно угрожает из-за того, что ты обращаешь внимание на меня, а не на нее, — призналась я, а я Коля, услышав это, рассмеялся.

— Надя, Анжела моя тетья. Когда я был в бассейне вчера, она сидела с моей мамой. И вчера все так закрутилось. Я попросил Анжелу остаться с мамой на ночь. А сейчас ей пора на уроки, и мне, к великому сожалению, придется уйти.

Улыбка сползла с его лица, и я, поджав губы, слезла со стула и забралась на Колины колени. Мне не хотелось отпускать его: ни к Анжеле, ни к маме, ни на уроки к детям. У меня было стойкое ощущение, будто получив то, что я так давно себе не позволяла, я имею право наконец вдоволь насладиться обладанием запретного плода.

Но Коля не плод. Коля чудесный человек, у которого есть свои обязательства, и мне придется отпустить его.

— Увидимся в школе? — спросила я, уткнувшись носом в мужскую шею.

— Я отменил занятия на сегодня. Везу маму в центр на обследование, — тихо ответил Коля, поглаживая мои плечи под лямками пеньюара.

— Тогда вечером? — с надеждой спросила я, и Коля, кивнув, поцеловал меня в макушку.

— Надя, — неуверенно позвал он, — У тебя правда есть жених?

— Есть, — нехотя ответила я, совершенно забыв об Антоне.

— Как мне его найти? Я хочу поговорить с ним, как мужчина. Он должен понять, что у нас все серьезно.

— Коля, я...

— Даже не думай, — прервал он, — Я тебя не отпущу.

Ничего не ответив, я подняла голову и благодарно потерлась носом о Колину щетину. Он меня не отпустит. И не даст все испортить, как бы сильно я ни старалась.

— Надя, — снова позвал парень, и я, очнувшись от чар своего любимого физрука, ответила:

— Я сама с ним поговорю. Так будет правильно.

Так точно будет правильно. Осталось лишь найти в себе силы и позвонить Антону.

Я проводила Колю, одарив его на прощание кучей поцелуев, и вернулась к завтраку. Сырники оказались на удивление вкусными — даже лучше, чем те, что делает личный повар в доме Антона. У Коли есть свой тайный ингредиент, и я не могу дождаться вечера, чтобы снова оказаться рядом с ним.

Но телефон, лежащий на столе, то и дело отвлекал от мыслей о Николае Николаевиче. Нужно просто найти в телефонной книге номер Антона и нажать на вызов. Я зря переживаю, ведь сам Антон все равно не ответит, и мне придется нелепо бормотать в автоответчик просьбу перезвонить. Не стану же я объявлять в голосовом сообщении о том, что разрываю помолвку. Может, стоит отложить разговор и поговорить лично, когда мне удастся съездить в Москву?

Пока я выдумывала отговорки, телефон внезапно зазвонил, а на экране высветилось —

— Алло, — дрожащим голосом отозвалась я, приняв вызов.

— Надин, дорогая, — ласково произнес хорошо поставленный голос Антона.

Я пробубнила что-то невнятное. Антон никогда не звонил первый, просто потому что не успевал думать обо мне в чередке деловых задач. Максимум, на который я могла рассчитывать, — это шикарный букет цветов, который я всегда получала по средам и пятницам. Правда благодарить за это нужно скорее флориста, которому когда-то отдали приказ высылать цветы по одному и тому же адресу в одни и те же дни, чтобы я не чувствовала себя заброшенной.

Но сейчас, открыв для себя внимание другого рода, я понимаю, как смешно было радоваться этим дежурным букетам. Сам Антон даже не знал, какие цветы я получаю.

— Что-то случилось? — спросила я, с трудом возвращая своему голосу уверенное звучание.

— У меня отменилась встреча, и я вспомнил, как давно мы не говорили, — честно признался мужчина, за которого я собиралась выйти замуж.

Он вспомнил обо мне, потому что у него отменилась встреча. Если бы не эта счастливая случайность, вспомнил бы он вообще о том, что у него есть любимая женщина? Или Антон любил меня так же, как я его? Да, на сумасшедшего влюбленного он совершенно не походил, и отношения с ним напоминали скорее деловой договор, но я знала, на что иду и ради чего это делаю. Я хотела статуса и финансовой безопасности. Правда, тогда я еще не знала, что мое тело и моя душа хотят совершенно другого.

— Антон, нам нужно поговорить, — серьезно начала я, но мужчина меня прервал:

— Ты ездила в область на днях. Что ты там делала? — строго спросил он, и мое отражение в окне вытянуло лицо в удивлении.

— Откуда ты знаешь?

Ни в одной социальных сетей я не рассказывала о своей поездке в родительский дом. Об этом вообще никто не знал, кроме моих родных.

— Я отслеживаю твой телефон, Надин, — Антон усмехнулся, будто я была для него маленькой глупой девочкой, — Это для твоей же безопасности, родная.

От возмущения, смешанного с шоком, я не сразу смогла найти слова, чтобы ответить хоть что-то.

— Ты ездила к маме? — уточнил Антон, и я почувствовала, как из-под ног уходит земля.

Он знает про маму. Знает, где она живет. Но я никогда не рассказывала ему о своей семье.

— Ты знаешь про маму? — почти шепотом произнесла я.

— Ну конечно. Моя служба безопасности пробила тебя еще два года назад, — мужчина по-доброму рассмеялся, и меня накрыло неприятным липким чувством, будто все это время надо мной насмехались.

Я строила из себя модную штучку, достойную дорогих брендовых шмоток и туфель, а он все это время знал, что я лишь прикрываю свою бедность и страх вернуться в родную глушь. Не удивлюсь, если и Гела все эти два года смотрела на меня свысока, потому что знала всю правду обо мне. Знала, какая я на самом деле дешевка-притворщица.

Я прикрыла лицо рукой, едва удерживая внезапно потяжелевший телефон возле уха. Антон молчал, давая мне время переварить информацию.

— Может, ты и отца моего знаешь? — холодно поинтересовалась я.

— Разве он жив? — теперь уже Антон удивился, — О нем мне не сообщали.

— Герман Лисовой, — медленно произнесла я, все еще не веря в существование этого человека.

— Звучит знакомо, — неуверенно ответил Антон, — Я пробью по своим каналам.

Я набрала в грудь воздух, чтобы выпалить новость о том, что нам нужно расстаться, как вдруг в трубке послышался голос Гелы, и Антон спешно пробормотал:

— Все, родная, нужно бежать. Я приеду за тобой в конце месяца. Пора сворачивать этот эксперимент, ты уже все мне доказала.

Не успела я и слова вставить, как звонок сорвался. Время, выделенное на невесту, закончилось, и Антон вернулся к любимой работе. А я так и не сказала самого важного. Я попыталась набрать его снова, но звонок направился напрямиком на автоответчик.

Может, сказать все лично? Если, конечно, Антон действительно приедет к Новому году. Не будет ли это слишком жестоко? Впрочем, не думаю, что он действительно расстроится. Ведь потерять невесту не так страшно, как потерять бизнес-партнера.

***

Наш проект по работе со старой одеждой уже подходил к концу, так что мы с девочками решили провести презентацию перешитой коллекции прямо перед Новым годом, а после праздника будем заниматься чем-то новеньким.

На самом деле у меня уже назревал план привлечь девчонок к работе над моей собственной коллекцией, ведь мы вполне неплохо сработались, а любому дизайнеру нужны помощники. Тем более сейчас, когда я наконец нашла вдохновение, и мне хотелось творить, не отвлекаясь на другие проекты.

Оставалось лишь надеяться, что Антон не заберет деньги, которые вложил в мой конкурс. Если он заберет плату за участие, то все пойдет по одному месту. Вся моя коллекция окажется лишь кучкой никому не нужного тряпья. Уникального, дизайнерского и абсолютно бесполезного.

Проводив девочек, я прихватила свои эскизы и направилась к выходу из школы. Погода стояла сухая и морозная. Постепенно зима ступала на булкинскую землю, и все — абсолютно все — страстно желали скорее увидеть снег. Сегодня я решила отправиться вместе с эскизами в историческую часть города, чтобы получше узнать Булкин и поработать в каком-нибудь местном заведении.

Но недалеко от школы мое внимание привлекла шайка девчонок, шумно толкающихся у непонятого коричневого комка, сидящего в грязи. Присмотревшись, я заметила, что комок шевелится, а рядом валяется красная вязаная шапка с объемным помпоном — такая же, как у Верочки из моего класса.

Мое сознание пронзило понимание: коричневый комок на самом деле был Верой, одетой в старое теплое пальто. В ужасе я поспешила разогнать стаю гогочащих девиц.

— Что тут происходит?! — закричала я, расталкивая подростков.

Вера сидела на коленях, прижимая руки к голове, будто защищаясь от ударов. Я подхватила ее под мышки и подняла. По-настоящему испугавшись за девочку, я крепко прижала ее к своей груди, закрывая от горящих глаз юных гиен.

— Вы с ума сошли?! — снова вскрикнула я, бешено прыгая глазами с одного

улыбающегося лица на другое.

Эти наглые дети смотрели на нас, стоящих в подмерзшей грязи, свысока, будто имели право насмеяться над теми, кто чем-то отличался от них самих. Все они были одеты в стильные эко-шубки и кожаные авиаторы с дорогими сумками наперевес. У парочки девиц я заметила торчащий из приоткрытого ворота черно-сиреневый галстук. Наконец мои глаза наткнулись на знакомую фигуру, незаметно отдаляющуюся от общей массы. Девочка обернулась, и наши глаза встретились. Лена.

Эта куколка с пухлыми губами и большими голубыми глазами. В классе она больше всех задирала нос и хамила другим девчонкам, но я и подумать не могла, на что она способна. В глазах Лены застыл страх, будто она не хотела, чтобы мне открылась правда о ее выходках. Другим задирам, казалось, было абсолютно все равно.

— Я вызову полицию, мелкие вы шакалы! — пригрозила я, а девочки в ответ лишь рассмеялись.

— Идите в жопу, тетя! — одна из гадин показала мне средний палец, и меня будто вернуло в собственное детство.

Когда-то давно, когда мне было лет двенадцать-тринадцать, городские девчонки, приезжающие в нашу деревню на каникулы, решили надо мной подшутить. Конечно, им льстило, что мелкая деревенщина тянется к ним и широко раскрывает рот, глядя на косметику, заниженные джинсы и футболки с Леонардо Ди Каприо. И я стала для них излюбленной игрушкой на лето. Какие только приказы я ни выполняла, чтобы заслужить их благосклонность, но после того, как они сбросили меня в озеро с руками, связанными модными колготками, я осознала, как глупо себя вела.

Тогда я пообещала себе, что никому на всем белом свете не позволю себя обидеть.

И вот теперь какая-то наглая беспардонная молодежь тычет в меня пальцем, а я в силу возраста не могу схватить эту дрянь за волосы и оттащить ее по луже, покрытой коркой льда. Пару раз я до хруста сжала и разжала кулаки, стараясь совладать с яростью. Потеряв интерес, стервы махнули на нас рукой и двинулись дальше по бульвару, прихватив с собой перепуганную Лену. Как только шайка отдалилась на приличное расстояние, мы с Верой одновременно выдохнули.

— Спасибо, — пробормотала она, все еще прижимаясь ко мне.

— Это ведь не в первый раз происходит? — уточнила я, и девочка кивнула. — Почему ты не рассказала? Почему не сказала, что Лена тоже участвует в этом?

Я оторвала девочку от себя и потрясла ее за плечи, осознавая при этом, что и сама трясусь от несброшенного гнева.

— Лена редко бывает с ними, — Вера пожала плечами и отвернулась в поисках своей шапки.

— Что это за нахалки вообще? — ужаснулась я.

— Подружки Лены из нового лицея, — моя ученица присела на колени, чтобы собрать выпавшие из сумки учебники. — Они еще в начале осени увидели, как мы с Леной вместе выходили из школы. Тогда это и началось.

— И что, Лена никак тебя не защитила? — от злости я ударила рукой воздух.

— Нет. Но она и не цепляет меня. Просто стоит и смотрит, — Вера натянула шапку, оттряхнула пальто и, перекинув сумку через плечо, как ни в чем не бывало направилась в сторону своего дома.

Мое сжавшееся до тугой пружины сердце не позволило отпустить девочку просто так.

Молча я пошла следом за ней. К счастью, та не была против.

Спустя пять-семь минут мы уже стояли у старого деревянного дома высотой в три этажа. Это покосившееся здание с побитыми местами окнами выглядело пугающе и совершенно неуместно среди стандартных пятиэтажных хрущевок. Но Верочка направилась именно в этот дом.

— Ты здесь живешь? — недоверчиво протянула я, с осторожностью посматривая вверх — туда, откуда могла сорваться часть дряхлого шифера.

— Да, — ничего не стыдясь, призналась девочка. — Я бы вас пригласила на чай, но вам, наверное, будет неприятно входить в этот дом.

Я покачала головой и решительно вошла в подъезд, чем сильно удивила девочку. По скрипучей деревянной лестнице мы поднялись на второй этаж, где попали в длинный широкий коридор с пошарпанными стенами.

— Это похоже на аварийное жилье, — в ужасе произнесла я.

— Так и есть, — подтвердила Вера, уверенно шагающая по коридору, — Мы много раз писали в администрацию, но пока не добились расселения. Кто смог — уже съехал сам. Нам с бабушкой деваться некуда.

— Ты живешь с бабушкой?

Девочка вставила ключ в хлипкую деревянную дверь, которую на вид вполне можно открыть и без ключа.

— Да, мама с папой погибли в аварии, когда мне было лет пять, — спокойно ответила Вера, позволяя мне первой войти в квартиру.

В маленьком помещении было на удивление уютно. Где-то внутри меня даже кольнуло осознание того, что мое отношение к уюту с момента переезда в Булкин сильно поменялось.

В прихожей приятно пахло пирогами, и я невольно вспомнила маму, с которой мы расстались на холодной ноте из-за того, что вскрылась правда об отце.

— Бабуль, я дома! И у нас гости! — крикнула Вера, и тут же послышалось тихое шарканье тапочек и глухой стук по деревянным половицам.

Нам навстречу вышла пожилая женщина, опирающаяся на массивную для ее фигурки трость. Увидев меня, она сначала недоверчиво глянула на внучку, но потом, словно прочитав что-то по ее лицу, улыбнулась мне так, что ее морщинистое лицо приятно преобразилось.

— Здравствуйте, — я приветливо склонила голову.

— День добрый, — бодро ответила старушка, — Вы, наверное, Надежда Львовна?

— Как вы поняли? — удивилась я.

— Верочка рассказывала. Вас трудно не узнать, — ответила бабушка, и я смущенно улыбнулась девочке. — Мойте руки и проходите на кухню. Пирог как раз подоспел.

Мы с Верочкой оставили верхнюю одежду на крючках и снова вышли в коридор. Как оказалось, туалет был общий на четыре квартиры, две из которых уже пустовали. Помыв руки, мы пошли обратно, но я задержалась, всматриваясь в длинный освещенный лишь наполовину коридор. В голове мелькнула странная идея, и, еще ничего толком не обдумав, я спросила у девочки:

— Тебя ведь задирают из-за этого всего? — я обвела рукой кошмарную обстановку. Вера молча кивнула. — И администрация ничего не делает? Они ждут, когда эта, прости меня, халупа свалится, как карточный домик?

Девочка поджала губы и развела руками.

— Бабушка пробовала чего-то добиться, но у нее ничего не вышло. А сейчас еще с ногой

проблемы, так что совсем не до этого.

— Иди в комнату, Вера. Мне нужно сделать звонок, — вежливо попросила я и, как только за девочкой закрылась дверь, я набрала знакомый номер.

— Надин! Детка! Как ты? — в телефоне раздался голос любимой подруги, и я готова была ликовать от того, что она оказалась не занята, ведь спустя время я уже, возможно, не решилась бы на то, что задумала.

— Кресси! Прошу, скажи, что ты в Москве! — взмолилась я.

— Да, до конца недели я здесь, а потом Милан. Рекламу снимать будем, — произнесла она с наигранной усталостью.

— Крис, мне нужна твоя помощь, — искренне попросила я, — Приезжай в Булкин. И прихвати парочку журналистов.

Каждое мое утро теперь начиналось с поцелуев. Сначала нежных и осторожных, чтобы я могла вынырнуть из сонного царства. Дальше поцелуи становились настойчивее, и я оказывалась в плену тяжелого мужского тела, прижимающего меня к постели. И делающего меня счастливой.

Каждое утро мы с Колей были вместе.

Но потом мой физрук уезжал в областную клинику, где его мама проходила обследование, и возвращался только вечером — задумчивый и уставший. Я же отдельно попросила всех учителей не доставать Колю с просьбами скорее выйти из отпуска и спасти их от энергичного девятого «бэ».

Мы не заявляли открыто о наших отношениях, но, думаю, все и так все поняли. Даже Анжела стала смотреть на меня более благосклонно, видимо, приняв тот факт, что ее племянник влюбился в заезжую красавицу.

Я с головой ушла в коллекцию. За неделю мне даже удалось отшить три полноценных наряда и продемонстрировать их своим девочкам и коллегам педагогам. Да, не каждый понял идею, но этого я и не ждала. Высокая мода не для всех. Здесь люди носят то, что комфортно, тепло и уютно. Они носят ту одежду, которая дает им безопасность.

Но ведь каждый человек уникален, и каждый заслуживает того, чтобы подчеркнуть свою неповторимую красоту. Все больше и больше времени я проводила среди новых друзей и с каждым разом подмечала новые детали, которые им стоило бы раскрыть в своей внешности.

Даже Булкину при всей его провинциальности нужна красота. Нет, не привнесенная откуда-то извне, не навязанная телевизором и заезжими москвичами. Булкину нужна его собственная красота — раскрытая, подчеркнутая, очищенная от серости и унылости.

А ведь я могла бы многое сделать для этих людей. Для этого города. Что, если Коля прав? В Москве ты никому не нужен. Таких, как ты тысячи, если не больше. И все вы боретесь за свое место под солнцем. А в Булкине ты уникален. Ты можешь быть по-настоящему полезен и необходим. И чем больше я проводила в этом городе, тем более разумной казалась мне эта мысль.

Но была еще жива и вторая моя половина — амбициозная, жаждущая грандиозной карьеры и славы. И я не знала, что будет со мной, когда придет время принимать решение.

До Нового года оставались считанные дни. Буквально за неделю город накрыло снежным покрывалом, и все вокруг заметно преобразилось. В один из солнечных дней мне наконец удалось добраться до исторической части города.

Я выпрыгнула из троллейбуса, когда громкоговоритель объявил остановку «Купеческая» — именно на этой улице был расположен дворец спорта, которым некогда владел Колин отец.

На старой мощеной улице, обрамленной с обеих сторон невысокими старыми зданиями, была совершенно иная атмосфера. Было на этой улице нечто от московского Арбата, но, конечно, Купеческая улица была уже и в то же время уютнее.

От фонаря к фонарю тянулись гирлянды, и фасады зданий были украшены светящимися снежинками и елочками. В прежней жизни я фыркнула бы, глядя на это, и подумала бы, что так убого украшают только в деревнях, а сейчас мне хотелось остаться здесь до наступления

темноты, чтобы посмотреть на всю эту красоту, когда огоньки зажгутся и создадут особую магическую атмосферу праздника.

Миновав парочку кафе и даже прихватив в маленькой кофейне латте с халвой, я двинулась дальше, пока не уткнулась в тот самый дворец спорта. Он действительно выглядел потрясающе — колонны по фронтому здания, остrokонечная крыша и вылепленные по верхней части фасада атлеты, изображающие разные виды спорта. И этот дворец прекрасно подходил Коле. Чего не скажешь о маленьком зале, арендованном в здании бассейна.

Но было во дворце спорта кое-что уродливое. Кальянная и ее отвратительная вывеска, портящая фасад исторического здания. Я подошла ближе ко входу, потому что мое внимание привлекла бронзовая табличка, прикрытая потертым пластиковым карманом, в котором обычно вывешивают меню, чтобы прохожие могли ознакомиться с ассортиментом блюд кальянной. Можно подумать, у них тут ресторан.

Я отодвинула и без того болтающееся меню и прочла слова, выгравированные на металлической табличке:

«Памяти почетного гражданина города Муромцева Николая Дмитриевича».

В груди защемило от чувства несправедливости. Это здание должно было перейти в руки Коли, чтобы он продолжил дело своего отца, но вместо этого оно пошло в коммерческий оборот. Неужели нельзя было открыть кальянную в другом месте?

Стоит признать, что дворец спорта выгодно выделялся и несомненно привлекал много внимания простых прохожих. Пока я любовно гладила табличку замерзшей ладонью, на крыльце появился молодой человек в форме официанта.

— Помочь? — хмуро спросил он, но, приглядевшись ко мне, вдруг улыбнулся. Видимо, понял, что я не местная.

Я же покачала головой и, уходя прочь, кинула через плечо:

— Вывеска уродливая.

За Купеческой улицей, кончающейся красивым собором с поблескивающими на солнце куполами, оказалась уютная набережная, но я свернула в сторону, желая исследовать городскую часть более внимательно.

В этой части города действительно было больше магазинчиков и даже пара небольших торговых центров, жилые дома здесь были выше и новее, машин было больше. Возможно, я не так убивалась бы, если бы Гела сняла мне квартиру в этих районах. Но гадюка знала, как насолить мне. А я с высоты своей гордости и не подумала всерьез познакомиться с Булкиным во всей его красе.

На одной из улиц я заметила тройку мальчишек. Они перебежали дорогу от продуктового магазина в сторону стильной новехонькой школы. И была на этих мальчишках одна приметная деталь — черно-сиреневый галстук.

Так вот какой ты, новый лицей, в котором учатся стервозные малолетки.

Не думая ни секунды, я направилась в сторону школы, но уже на входе меня остановил огромных размеров дядька-охранник, каких даже в службе безопасности Антона нет.

— Куда? — жестко спросил он, перегораживая мне путь к электронным турникетам.

— К директору. Хочу ребенка устроить к вам, — соврала я.

Школьный секьюрити пристально осмотрел меня с ног до головы и обратно и кивнул. Судя по всему, мой внешний вид вполне соответствовал стандартам родителей этого лицей, так что меня пропустили, даже не попросив оставить в залог что-то бриллиантовое.

Покачав головой сама себе, я прошла в указанном направлении и на лифте поднялась на

последний третий этаж. Попасть к директору сразу не удалось, так как в тот момент он проводил планерку для преподавательского состава. Я же стояла в приемной и через стеклянную стену, выходящую в атриум, наблюдала за тем, как по первому этажу слоняются ученики в одинаковой черно-сиреневой форме.

С виду они были обычными детьми, ничем не отличающимися от тех, что учатся в нашей школе, но какая-то внутренняя привязанность к своим ученикам и тот инцидент, что произошел с Верочкой, заставляли меня смотреть на лицеистов свысока, словно они в чем-то были передо мной виноваты.

— Вы ко мне? — за спиной раздался приятный мужской голос.

Обернувшись, я увидела перед собой симпатичного мужчину лет сорока. Высокого, худощавого, в опрятном дорогом костюме и лаконичных очках в черной оправе. Очевидно, что передо мной стоял сам директор Роман Викторович. Как и очевиден тот факт, что я ему понравилась. На губах мужчины мелькнула хищная улыбка, и мне стало не по себе.

— К вам, — коротко ответила я, сцепив руки перед собой.

— Прошу проходите, — он раскрыл передо мной двери своего кабинета, и я вошла.

Оказавшись наедине, мужчина позволил себе снять пиджак и остаться в белой рубашке и галстуке.

— Присаживайтесь, — Роман Викторович указал на стул перед своим столом. — Чай, кофе, воды?

— Не нужно, спасибо, — ответила я, присев на стул.

Мужчина последовал моему примеру и опустился в большое кожаное кресло.

— Чем могу вам помочь?

— Меня зовут Надежда Львовна. Я преподаватель труда в первой школе, — представилась я, и мужчина просиял, не позволив мне закончить.

— Хотите перейти в лицей? Понимаю, многие преподаватели сбежали к нам, едва мы открылись. Но мы берем лишь лучших, у нас высокие стандарты, — снова эта хищная улыбочка, будто для того, чтобы попасть в лицей, мне понадобятся совсем иные таланты, нежели знание портновского искусства.

— Я здесь не за этим, — возразила я.

— Почему же? Вообще-то у нас есть для вас вакантное место. — Роман Викторович откинулся на спинку кресла и довольно глянул на меня, — Ведь вы та самая преподавательница, что учит детей дизайну одежды?

— Откуда вам это известно? — я невольно нахмурилась. Это совсем не та слава, о которой я мечтала.

— Принимая в лицей учеников других школ, я всегда расспрашиваю детей об их учителях. Чтобы знать, кого переманить к себе, — директор постучал пальцами по столу, и я на автомате отметила, что на его правой руке нет кольца, — В этом году мы приняли пару учениц из вашей школы, и обе они расхваливали ваши уроки. Судя по всему, вы новатор в своем деле. Мы это очень ценим.

Я пришла сюда, чтобы устроить скандал из-за учениц лицея, которые издеваются над моей Верой, но лесть так приятно полилась из уст директора прямо в мои уши, что я не заметила, как начала улыбаться.

— Пойдемте, я покажу вам, какие у нас рабочие мастерские, — мужчина энергично поднялся с кресла и, предложив руку, помог мне подняться.

Мы покинули кабинет и пошли по новеньким коридорам лицея, и вся эта красота —

идеально ровные стены, блестящий пол, ученики в одинаковой форме — вызывали у моего внутреннего эстета дикий восторг.

Роман Викторович остановился возле двойных дверей, над которыми была установлена табличка: швейная мастерская. Подумать только, в лицее была своя швейная мастерская!

— Мы стремимся развивать творчество, — похвастался Роман Викторович, заметив удивление на моем лице.

Он приложил пластиковую карту к замку на двери, и та с щелчком отворилась. Мужчина включил свет хлопком и пригласил меня войти.

Внутри оказался просторный светлый зал с целым рядом столов, на каждом из которых были настоящие фабричные машинки. Огромный стенд с лекалами стоял вдоль стены, а на задах зала расположился большой раскладной стол для раскройки. Здесь же было несколько стильных манекенов и стеллаж с тканями и фурнитурой. Я готова была пищать от восторга, ведь эта мастерская ни в какое сравнение не шла с тем кабинетиком, который я занимала в своей школе. В это мгновение я даже забыла, что мне совершенно не нужно быть преподавателем. Кажется, в лицее, в этой мастерской, я по-настоящему захотела остаться и творить.

— Зарплата у нас, конечно, в разы выше, чем в других школах города, — мужчина за моей спиной усмехнулся.

Я обернулась, не скрывая восхищения в своих глазах.

— Ну что, вы принимаете мое решение? — спросил он, самодовольно улыбаясь.

— Да! Конечно, да! — воскликнула я в состоянии аффекта.

Я уже видела, как навожу порядки в этом зале, утопающем в солнечном свете. Как пространство заполняется шелестом тканей и приятным урчанием швейных машин, как прямо здесь зарождаются шедевры, которые разлетаются по миру в руки настоящих ценителей.

Поверить не могу. Я только что сказала Булкину да. Я смогу творить здесь. Смогу остаться с Колей. Конечно, при условии, что мы часто будем куда-то улетать. Может, мы даже купим один из домов в новом коттеджном поселке и будем приезжать в город на новеньком Ауди.

Идиллическая картинка в моей голове быстро рассеялась, и улыбка сползла с лица. Я воображаю себе ту же жизнь, которую жила в Москве, но, вместо Антона, теперь Коля.

Но Коля совершенно не похож на Антона, а, значит, дом в пригороде и Ауди, возможно, уже никогда не вернутся в мою жизнь, если я остановлю выбор на физруке. Разве я еще не сделала выбор?

Каждое утро улыбаясь Коле, где-то в глубине души я оставляю себе пути отхода, на случай если не смогу принять такое существование, и каждое утро из-за этого я чувствую себя самым отвратительным человеком на земле.

— Замечательно, — Роман Викторович довольно потер руки, — Вернемся в мой кабинет и обсудим детали.

Мы снова пошли по коридору, но в этот раз я уже не озиралась по сторонам в восхищении, а замкнулась в себе и своих мыслях. Правда, вынырнуть из размышлений все же пришлось. Неподалеку раздался знакомый смех, и я ощутила, как внутри разрастается злость.

Обернувшись, я заметила у одного из кабинетов шайку девчонок — тех самых, что не дают прохода моей Верочке. Вспомнив все, что произошло тогда, я вдруг осознала, какую ошибку совершила.

— Постойте, Роман Викторович, — сквозь зубы процедила я.

Мужчина обернулся и удивленно посмотрел на меня.

— В чем дело?

— Вот эти малолетние хамки, — я вытянула руку, указывая на обидчиц, — Позволяют себе задирать мою ученицу просто за то, что она не так обеспечена, как их мамочки и папочки.

Мое громкое возмущение привлекло внимание. Со всего этажа к нам стали стягиваться ученики и даже учителя. Главная зачинщица охоты на Веру смирла меня равнодушным взглядом. Она знала, что ей ничего за это не будет. Ее не погонят с позором из лица. Не накажут исправительными работами. И даже не поставят двойку за плохое поведение.

— Полагаю, вы ошиблись, — директор покачал головой, коротко глянув на девочек, — В нашем лицее с особой строгостью относятся к поведению.

Мужчина хотел рассказать еще много хорошего про свой великолепный лицей, но я выставила вперед руку, перебивая его.

— Я не ошиблась. Эти самые девочки неоднократно приставали к моей ученице, а на днях я сама стала свидетелем очередной драки.

Роман Викторович приподнял очки и потер переносицу двумя пальцами.

— Надежда Львовна, давайте поговорим в кабинете?

— Ну уж нет, пусть все слышат! — возразила я, входя во вкус, — Роман Викторович, я отказываюсь от вашего предложения. Да, моя школа старейшая в городе, но в ней уважают друг друга и без строгих стандартов. А те, кто не уважает, — я перевела глаза на Лену, которая спряталась за главу шайки, — Те уходят учиться к вам.

— Вот душнила, — тихо, но все же слышно протянула та соплячка, которая показала мне средний палец, когда я кинулась Верочке на помощь.

— Настя, помолчи! — прикрикнул Роман Викторович, а девочка, которой, казалось, было плевать даже на директора, только закатила глаза.

Я снова ткнула в нее пальцем, привлекая внимание.

— Учти: если я снова увижу тебя или кого-то из твоей своры около Веры, видео с дракой попадет в полицию. Тебе ведь уже есть четырнадцать, верно? — усмехнулась я, намекая на возраст, с которого начинается уголовная ответственность. На самом деле никакого видео у меня, конечно, не было, и я всего лишь отчаянно блефовала. Однако, мои старания возымели эффект.

Девочка отвела взгляд, стараясь оставаться равнодушной, но я заметила, как вся ее поза стала более напряженной. Я перевела жесткий взгляд на Романа Викторовича и резюмировала:

— Имейте ввиду: я не шучу, — круто развернувшись на каблуках, я направилась к приемной, чтобы забрать верхнюю одежду.

К счастью, озадаченный директор за мной не последовал. Он подхватил Настю под руку и оттащил в сторону на приватный разговор. Меня же провожала целая сотня любопытных взглядов, и в этот самый момент я чувствовала себя сильной и непобедимой. И мне хотелось, чтобы так это и было. Чтобы ни одна гадюка больше не подобралась к Вере.

Уже на самом выходе из лица меня остановил охранник. Он кивнул на стол, за которым стояло несколько мониторов, отображающих показания камер со всей школы.

— Здорово вы директорскую дочку осадили, — восхитился он, — С этой девчонкой вообще никакого сладу нет.

— Что? Настя дочка Романа Викторовича? — удивилась я, и охранник кивнул, открывая для меня турникет.

Я неодобрительно покачала головой, и, махнув на прощание мужчине, покинула лицей с чувством выполненного долга.

После того, что произошло, мне захотелось вернуться в свою школу и взглянуть на детей, на учителей другими глазами. Будто знакомство с изнанкой лицея каким-то образом сблизило меня со своей школой.

***

Я просто стояла у входа в школу и наблюдала за тем, как рабочие обновляют фасад. Да, это здание никогда не станет таким же фешенебельным, как лицей, но теперь, когда ремонт, устроенный Антоном, близится к концу, первая школа города выглядит совершенно иначе.

Да, кабинеты так и остались небольшими, но новые окна и перекрашенные стены сделали их светлее. Строители сменили напольное покрытие и внесли парты и стулья, доставленные прямо с фабрики. Каждый класс получил то оснащение, которое было запрошено директором Людмилой Сергеевной.

Глядя на школу, я ощутила особую благодарность к Антону и всему, что он делает в рамках благотворительных кампаний. Все-таки он был и остается хорошим и честным человеком. Просто я его не люблю. А он не любит меня.

Где-то сзади просигналил автомобиль, и я, обернувшись увидела, как из Весты вылезает Коля. Он закрыл машину и направился ко мне, ни на секунду не переставая улыбаться. Вот этого мужчину я люблю. И пусть у него нет тех денег и возможностей, что есть у Антона. Со временем я обязательно забуду московскую роскошь и перестану сожалеть о прошлом. А, может, мне удастся уговорить Колю тренировать в одной из престижных спортивных школ Москвы, и жизнь заиграет прежними красками. Лишь бы он был рядом и всегда улыбался мне этой чудесной открытой улыбкой.

— Зачем ты приехал в школу? — удивленно спросила я, незаметно для окружающих касаясь руки Коли.

Наши пальцы сплелись, и я ощутила, как по всему телу понеслась волна тепла.

— Конец четверти, нужно выставить оценки, — шепнул он, с невыразимой нежностью глядя на мои губы.

Рядом с Колей ко мне вернулась уверенность в том, что я делаю все правильно. Мне дико хотелось поцеловать его, но я понимала, что во дворе школы под пристальным взглядом любопытных коллег, столпившихся у окна в учительской, делать это было как минимум неприлично.

Обменявшись понимающими взглядами, мы с Колей разъединили руки и направились в школу. Дети уже разбежались по домам, и только в учительской кипела жизнь. Коллектив в полном сборе обсуждал итоговые оценки, самые яркие события года и планы на новогодние каникулы.

Коля взял себе стопку журналов и погрузился в выставление оценок. Я своему маленькому классу уже наставила пятерок, так что теперь осталось лишь провести обещанную презентацию коллекции, которую мы отшили из старой одежды.

— Коллеги, я приглашаю вас на небольшое мероприятие завтра, — с загадочной улыбкой произнесла я, — Мы с девочками хотим показать, над чем работали все это время.

— Ого, будет что-то грандиозное? — удивилась Ольга Александровна.

— Да, — в моем голосе прозвучала гордость, ведь я действительно гордилась тем, что

нам удалось сотворить. Но от всего этого мероприятия я ждала еще кое-чего очень важного.

— Где будете показывать? — поинтересовалась Анжела Викторовна.

— Могу любезно предоставить вам спортзал, — Коля прикрыл журнал и глянул на меня с улыбкой.

— Не нужно. Мы встречаемся не в школе, — я выдержала короткую паузу, подогревая интригу, — Но это рядом. Я прошу вас собраться на крыльце школы в два часа дня.

Коллеги зашушукались, делясь между собой догадками. Они выглядели по-детски радостными от того, что им выдали интересную задачу, за решение которой их ждет приглашение на бал. На модный бал, если быть точнее.

Забавно, как с приближением Нового года меняются люди. Одни в спешке скупают подарки, другие сверяют списки ингредиентов для салатов, третьи и вовсе пребывают в романтично-поэтичном состоянии духа.

Говоря это, я имела ввиду Ольгу Александровну. Та то и дело отвлекалась от журнала и мечтательно поглядывала в окно.

— Оленька, ну что с тобой сегодня? — по-доброму усмехнулась Анжела.

— Неужто удачное свидание? — Берта Андреевна, сидящая напротив, подперла голову пухлыми ручками.

Я с любопытством глянула на одухотворенную англичанку и кивнула Берте Андреевне, соглашаясь с ее предположением.

— Даже не думала, что встречу в родном Булкине кого-то совершенно особенного, — влюбленно пробормотала Ольга Александровна.

— Понимаю, — едва слышно протянула я, подарив Коле мимолетный взгляд. Тот смущенно улыбнулся и снова уткнул нос в свои записи.

— Ну-ка рассказывай! — потребовала громогласная Анжела.

— Я ездила в книжный, который рядом с новым лицеем. Знаете, там отличная подборка литературы на английском языке. Читать Диккенса в оригинале такое наслаждение, — начала Ольга, но Анжела ее перебила.

— Оленька, не надо Диккенса! Нас интересуют живые мужчины.

— Хорошо-хорошо, — девушка мило улыбнулась, — Я выходила из магазина с целой коробкой новых книг и поскользнулась на ступеньках.

— Ох! — хором воскликнули женщины.

— Но меня подхватил огромный сильный мужчина. Представляете, я никогда не видела таких больших мужчин, — восхитилась Ольга, а я краем глаза заметила, как Коля тихо смеется, не поднимая головы.

— И что? Кто он? — в разговор включилась директриса Людмила Сергеевна.

— Его зовут Эдуард, — призналась Оля, — Он сказал, что через окно увидел, как я вхожу в магазин, и даже бросил работу, чтобы познакомиться со мной. Разве так бывает?!

Женщины снова романтично вздохнули, и я тоже поймала себя на том, что улыбаюсь от одного уха до другого.

Оля достала телефон и стала пролистывать список контактов в мессенджере. Рядом с номером ее поклонника высветилась фотография, которую девушка приблизила и с гордостью продемонстрировала коллегам.

Увидев на маленьком кружочке знакомое лицо, я вскинула брови в удивлении.

— Это же охранник из лицея! — воскликнула я.

Все взгляды, включая Колин, переметнулись на меня.

— Ты ходила в лицей? — спросил он с некоторой обидой в голосе за то, что я не оповестила его о своем визите на вражескую территорию.

— Это вышло случайно, — отмахнулась я, но коллеги продолжали смотреть на меня в ожидании более развернутого рассказа.

— В том году Марьяна Федоровна тоже зашла туда совершенно случайно, — тихо произнесла Анжела и, добавив голосу угрожающего звучания, закончила мысль: И не вернулась.

— Что ты имеешь ввиду? — не поняла я.

— То и имею, — фыркнула Анжела, — Осталась там работать.

В разговор снова вступила Людмила Сергеевна.

— У лицейского директора Романа Викторовича такая тактика. Он переманивает учителей из старых школ. Обещает огромные зарплаты и идеальные условия труда.

— Мне тоже звонили, — историчка Анна Григорьевна, как всегда одетая в черно-красных оттенках, отошла от стеллажа с журналами и присела за общий стол. — Но я сразу отказалась. У меня слишком сложный предмет, так что я не готова тратить время на препирания с избалованными детишками.

Ольга Александровна согласно кивнула.

— Надя, там в основном чиновничьи дети. С ними тяжело найти общий язык, — сочувствующе произнесла она.

— Дети везде дети, — возразил Коля, — А детям богатеньких родителей зачастую нужно даже больше понимания с нашей стороны. Они от того и ведут себя так, чтобы привлечь к себе внимание вечно занятых пап и мам.

— Но ведь ты тоже оттуда сбежал, Николай Николаич, — усмехнулся Василий, который до этого момента молча листал книжку в кресле.

— У меня другая ситуация, — возразил физрук.

— Ты работал в лицее? — удивленно спросила я.

Коля попытался скрыться за журналом, но я нагло вытащила тетрадь из его рук.

— Я согласился вести в их зале вечернюю секцию. Но только при условии, что она будет доступна и для учеников из других школ, — нехотя ответил Коля.

— Почему ты ушел? — не поняла я.

— Из-за домогательств! — громко заявил Василий, и я в ужасе уставилась на Муромцева.

— Что?! Ты приставал к ученицам?! — я непроизвольно пискнула от возмущения, и присутствующие дружно рассмеялись, а Коля недовольно поджал губы.

— Наденька, это Колю домогались! — встряла Анжела, постукивающая по столу от смеха.

Я шумно выдохнула и послала Коле извиняющийся взгляд.

— Дай угадаю, это была директорская дочка? — предположила я, и парень кивнул. — Но ведь дети везде дети, разве нет?

— Это бросало тень на мою репутацию, — Коля покачал головой, — Так что я решил больше не появляться в лицее. А что ты там делала?

— Раздавала угрозы, — усмехнулась я. — Не переживайте, переманить меня им не удалось.

Хотя вряд ли кто-то по-настоящему переживал. Я была никому не нужной трудовикой, которая вела один маленький класс. Кроме того, Людмила Сергеевна знала, что у меня

контракт только на год.

— Это хорошо. Ты интересная и здорово разбавила наш коллектив, — добродушно заметила Ольга Александровна.

— Да, действительно, — согласилась Анжела, — Надежда Львовна неплохо влилась. Тебе бы нагрузку побольше взять. Творчество в подростках развивать и все такое.

От добрых слов и улыбок я смущенно потупила взгляд. Похоже, меня впервые где-то ценят по-настоящему. Не за то, что я стою чего-то финансово. Не за бренды, не за украшения, не за дизайнерские туфли. А за то, какая я есть сама по себе. Удивительные метаморфозы мне дарит Булкин.

Мне хотелось еще раз поблагодарить коллег, но тут Коля подвинул ко мне мой же телефон, на экране которого светилось имя — Антон.

— Ты ведь ему все рассказала? — с недоверием в голосе спросил Коля.

Телефон так и вибрировал перед моими глазами, а я сцепила вспотевшие ладошки и никак не могла найти в себе силы ответить на звонок.

— Надя, что не так? — взволнованно спросил Коля, наблюдая за тем, как я игнорирую вибрирующий смартфон.

— Я не хочу с ним говорить, — ляпнула я, отводя взгляд в сторону.

— Тогда поговорю я, — уверенно сказал Коля и принял звонок до того, как я успела схватить его за руку. — Добрый день, Антон!

Голос Коли звучал дружелюбно, но все в учительской, прекрасно понимая, что происходит, с тревогой в глазах наблюдали за физруком. Я и вовсе замерла, во все глаза таращась на возлюбленного.

— Меня зовут Николай, мы с вами не знакомы, — представился Коля, а я всхлипнула от того, как мое сердце плюхнулось в пятки. — Как? Разве Надя не рассказала вам обо мне?

Коля посмотрел на меня с неприкрытым упреком. Улыбка на его лице померкла и, ничего не говоря, парень поднялся и вместе с телефоном вышел в коридор. Я подорвалась с места, чтобы последовать за ним и все объяснить, но Анжела придержала меня за руку.

— Если он тебе дорог, дай ему самому разобраться, — посоветовала она, и, одному Богу известно, скольких усилий мне потребовалось, чтобы вернуться на место.

Коллеги сделали вид, что вернулись к своим делам, но нутром я чувствовала, как искренне они поддерживают наши с Колей отношения. Наконец он вернулся в учительскую, но только для того, чтобы позвать меня.

— Пойдем поговорим? — без тени улыбки на лице попросил он.

На ватных ногах я поднялась из-за стола и вышла следом за ним в коридор. Коля передал мне айфон и тут же скрестил руки на груди. Он осмотрел меня строгим взглядом, а потом перевел глаза на окно.

— Ты злишься на меня? — тихо спросила я, делая робкий шаг в сторону застывшего Муромцева.

— Я злюсь на себя, — не поворачиваясь ко мне, ответил он.

— Почему?

— Потому что не могу дать тебе все, что ты хочешь, — парень покачал головой, — Антон доходчиво объяснил, сколько тратит на твое содержание, — Коля поморщился от формулировки, которую самому Антону скорее всего подсказала Гела, — И, ты же понимаешь, что со мной тебя ждет другая жизнь. Я понимаю, что ты не рассказала обо мне, потому что сомневалась. Но тебе нужно сделать выбор, Надя.

Коля посмотрел на меня своими кристально-голубыми глазами, полными печали и даже страха. Он боялся, что я скажу ему «нет». Что здесь и сейчас мы поставим жирную точку в отношениях, которые едва начали набирать обороты.

Сглотнув ком в горле и не спуская глаз с Коли, я набрала последний вызов. После пары гудков послышался жесткий голос Антона.

— Надин? Ты закончила играть? Хочешь заставить меня ревновать? Кажется, мы уже обсуждали этот вопрос. Я не так молод, чтобы играть в такие игры.

— Антон, мы расстаемся, — шепнула я, но этого было достаточно, чтобы вызвать вздох одновременно у двух мужчин.

— Что за глупости, моя дорогая? — в голосе Антона мелькнула тревога, но мне уже не хотелось отвечать. Я отвела телефон от уха, и только Антон продолжал что-то говорить, хоть

я уже и не слушала: Надин, я приеду, и мы поговорим нормально! Слышишь?

Я выронила телефон и кинулась в Колины объятия. Он подхватил меня на руки и прижал к себе с такой силой, что я невольно ахнула.

— У нас все будет хорошо, — шептал он, кружа меня в школьном коридоре. Все будет хорошо.

***

Остаток дня Коля провел в больнице с мамой, а глубокой ночью вернулся ко мне. Мы хотели провести утро в постели, но тайный визитер решил иначе. Звонок в дверь застал нас врасплох, так что оба мы, как были — нагие, подскочили с дивана.

Я обернула вокруг тела одеяло и попятилась к окну, переживая, что за дверью стоит Антон и пара его охранников с пистолетами. Коля же, как ни в чем не бывало, натянул домашние штаны и, на ходу приглаживая торчащие на затылке вихры, поплелся к двери.

Клянусь, мое сердце заглохло на добрую минуту, пока я не услышала из прихожей удивленный возглас:

— Мамма мия! — протянул знакомый голос, очевидно выражая реакцию на Колин голый торс, — Я не туда попала?

Я выглянула в окно и увидела у подъезда припаркованный внедорожник кислотно-зеленого цвета. Крисси Бонд прибыла в Булкин! И прямо сейчас она стоит на пороге квартиры и пялится на моего физрука!

Придерживая одеяло, я поспешила выволочь себя из спальни. Подруга все еще стояла за дверью, беззастенчиво рассматривая Николая.

— Надя, это к тебе? — неуверенно спросил он, отступая от двери в надежде скорее скрыться от рентгеновского зрения Крисси.

— Да-да! — воскликнула я, обнимая одеяло.

Подруга перевела на меня насмешливый взгляд. Потом она снова глянула на Колю и вернулась ко мне с одобрителем кивком.

— Годно, Надин, годно. — довольно произнесла она. — Годно так, что даже завидно.

— Коля, знакомься. Это моя подруга — модель Крисси Бонд. Крис, это Коля.

— Кристина Бондюжкина, чего уж там, — подруга обезоруживающе улыбнулась, перешагивая через порог, — Идите оденьтесь, пожалуйста, или я тоже разденусь.

Я махнула рукой в сторону кухни, приглашая Крис на кофе. А сама, покрепче прижав к себе одеяло, поспешила в спальню следом за Колей.

— Ты не говорила, что приедет твоя подруга, — смущенно пробормотал Коля, сменив домашние штаны на джинсы.

— Я забыла, прости, — накинув пижаму, я виновато улыбнулась, — Крис приехала помочь с сегодняшним мероприятием.

Коля притянул меня к себе за поясницу и поцеловал. Сразу же забыв про подругу на кухне, я обвила руками шею любимого мужчины и потерялась в омуте его чарующего поцелуя. Но счастье не продлилось долго — Коля отпустил меня и продолжил одеваться. Когда за футболкой он надел и свитер, я удивилась и даже встревожилась.

— Ты уходишь?

— Да, у мамы сегодня финальное обследование. Я должен быть рядом, — он улыбнулся, но улыбка не смогла скрыть грусть, затаившуюся в его глазах, — Я постараюсь приехать к двум, хорошо?

— Ладно, — тихо отозвалась я, — Передавай маме привет.

Коля вышел из комнаты и, заглянув на кухню, попрощался с Кристиной. Проводив его, я присоединилась к подруге за завтраком.

— Неужели ты наконец-то завела любовника? — радостно спросила она, — Не понимаю, как ты два года терпела секс с Антоном.

— Крис! — возмутилась я, ощущая, как щеки заливают предательский румянец.

— А что такого? Сколько Антону? Шестой десяток, да? И на Бреда Питта он совсем не похож. А тут у тебя модель Кельвин Кляйн ходит. Офигеть!

— Крис, мы с Антоном расстались, — встряла я, прерывая восхищенную речь подруги.

— Что? — та искренне удивилась, — У тебя с этим красавцем все серьезно?

Я кивнула, разливая кипяток по чашкам.

— Настолько серьезно, что ты откажешься от будущего, которое тебе дало бы покровительство Антона? — продолжала Кристина.

— Не нагнетай, — отмахнулась я, — У Коли прекрасный послужной список, спортивные достижения, тренерская деятельность. Со временем я уговорю его на переезд в Москву, а там он быстро достигнет тех высот, которых заслуживает.

Кристина неодобрительно покачала головой.

— С таким подходом ты рискуешь потерять его, — едва слышно произнесла она. — По твоему Коле видно, что ему ближе скромный уют, а не твои неумные амбиции, дорогуша.

— Ты это считала, пока рассматривала кубики на его прессе? — усмехнулась я, протянув подруге чашку с кофе, но та покачала головой.

Она сунула наманикюренные пальчики в маленькую желтую сумочку и выложила на стол пару пакетиков кофе «три в одном».

— Можешь такой заварить? У вас тут на первом этаже в магазинчике взяла. — в глазах Крисси мелькнул огонек, — Раньше, когда моталась из Твери в Москву и обратно, всегда попивала эту лабуду на вокзале. А тут такая ностальгия напала.

Удивившись странной просьбе, я все же взяла другую чашку и заварила подруге пакетик дешевого кофе, который вряд ли на самом деле был кофе. Я глянула, с каким удовольствием она сделала глоток и облизнула пенку с губ.

— О Боже, это все еще та самая лабуду, — восхитилась она, и мы вместе звонко рассмеялись. — Это было хорошее время. Время амбиций и возможностей.

— Ты добилась шикарной жизни, Крис. И теперь ругаешь меня за амбиции, — я покачала головой, присаживаясь на стул.

— Не ругаю. Но прошу подумать хорошенько и все взвесить. Да, я живу той жизнью, о которой мечтала с четырнадцати лет, когда впервые увидела по телеку передачу про Линду Евангелисту*, — подруга хихикнула, но потом снова стала серьезной, — Но тогда я не знала, что, получая одно, ты обязательно лишаешься другого.

— Ты чего-то лишена? — ухмыльнулась я, — Не смей меня, дорогая.

Подруга отвела взгляд, и по тишине, повисшей в комнате, я поняла, что она говорит серьезно.

— Крис? — взволнованно позвала я.

— Мне тридцать шесть, Надь. Я хочу семью. Хочу, чтобы меня ждали дома. Хочу, чтобы смотрели на меня так же, как твой мясистый Аполлон смотрит на тебя, — призналась именитая модель, попивающая кофе «три в одном» на маленькой кухне в никому не известном Булкине.

— Что? — не поняла я, — У тебя столько обожателей.

— Для них я — кусок мяса. Дорогой, красивый, но они этого мяса уже столько сожрали, что не хотят ничего серьезного, — девушка вздохнула, — Представляешь, недавно познакомилась с таким очаровашкой в Париже. Водил меня везде. А потом оказалось, что он начинающий актер и просто пиарится за мой счет.

Я скривила лицо.

— Паршиво.

— В последние три года я постоянно думаю о том, что свернула не туда. И каждый раз вспоминаю, как ради карьеры оставила свою первую любовь.

Взгляд Крис загуманился. Подруга тряхнула светлыми волосами и грустно усмехнулась сама себе.

— Я полная дура. Представляешь, летом мне было так плохо, я видела его во сне каждую ночь.

— Ты про своего учителя информатики из колледжа? — уточнила я, и девушка кивнула.

— Он был моим первым мужчиной во всех отношениях. Первая любовь, первый секс, первое настоящее чувство собственной необходимости. Мы были так молоды, Надя. Мне девятнадцать, ему двадцать четыре, и вроде бы вся жизнь впереди. Но он тоже был из тех, кому нужен дом, спокойная работа и собака в будке. А я стрекоза. У меня сумка с охрененно дорогими стразами, — Крис потрясла брендовую сумочку, — И разбитое сердце.

— Может, он все еще тебя ждет? — я протянула руку и робко коснулась холодных пальцев подруги.

— Я нашла его, — по щекам Кристины побежали слезы, и я, отодвинув кофе, пересела на диванчик рядом с подругой, чтобы иметь возможность обнять ее. — У него все есть, Надя. И дом, и собака, и хорошая должность в современной компании. И жена, которая выращивает в саду розы и воспитывает их детей. Дети, Надя! У меня сумочка, а у него дети. Трое. Два мальчика и девчонка. Мелкая такая, кучерявая. А глазищи черные и доверчивые — как у него.

Кристина закрыла лицо руками и разрыдалась. Я крепко обняла ее, чувствуя, как он всхлипов подруги начинает дрожать и мое собственное тело.

— Что он тебе сказал? — тихо спросила я.

— Ничего, — шмыгая носом, ответила Крис, — Он меня не видел. Я говорила с его женой, пока он был на работе. Представилась бывшей студенткой, которая хотела провести преподавателя.

— Так может поговорить с ним самим?

— У него семья, Надя. Возможно, у него все еще есть ко мне какие-то чувства, но я не хочу возвращать его ценой разбитой семьи. Пусть будет счастлив. Для меня это утраченное прошлое.

— Криси, родная, — я покрепче прижалась к плачущей девушке, — Ты еще обязательно встретишь свою судьбу.

Та кивнула, вытирая лицо салфетками.

— Мой тебе совет, подруга: не пытайся переделать своего Колю. Не подстраивай его под свои мечты.

— Но я не могу отказаться от дела, которым горела с самого детства, — я тяжело вздохнула, не понимая, как сочетать несочетаемое, но очень дорогое моему сердцу.

— Не отказывайся, глупышка. Твори рядом с ним. Открой локальный бренд. Будь аутентичной, оригинальной. — в мокрых глазах подруги просияло вдохновение, — Ты

вообще знаешь, какой сейчас тренд на дауншифтинг? * Будь собой, Надежда Валенкина, и ты обязательно найдешь того, кто полюбит твою одежду, где бы ты ее ни создавала.

Я с гордостью глянула на шикарную модель с очень красивым, хоть и разбитым сердцем.

— И ты, Кристина Бондюжкина, будь собой, и тогда ты обязательно найдешь того, кто полюбит тебя и сделает счастливой.

— Выпьем же за это! — подруга подняла чашку с дешевым кофеком и, чокнувшись, мы сделали по глотку.

— Ты привезла журналистов? — вспомнила вдруг я.

— Ну конечно. Все как ты просила.

Мы обменялись загадочными взглядами. Пора готовиться к модному показу, который, я надеюсь, перевернет жизнь одной очень хорошей девочки.

***

— Надежда Львовна, я что-то нервничаю, — пожаловалась Маша, выглядывая в коридор, в конце которого столпилась небольшая группка журналистов с камерами.

Если бы девочка знала, что на лестнице еще целая толпа репортеров, она отказалась бы выходить на первое в своей жизни дефиле. Но назад пути не было. Мы делали это для Веры и ее бабушки, чья жизнь каждый день подвергается угрозе из-за местных чиновников, не способных решить вопрос с расселением.

— Вот это я понимаю — масштаб! — восхищенно отчеканила Кресси, возвращаясь в нашу маленькую раздевалку после общения с журналистами, — Надин, я обо всем договорилась. После дефиле дашь интервью вместе с девочками. Прикинь, тут даже итальянское телевидение есть!

От сообщения супермодели Маша широко раскрыла глаза и до побелевших костяшек вцепилась в свой наряд. Вера приобняла одноклассницу, выражая поддержку. Я улыбнулась девочкам и осмотрелась в поисках Любы, но нигде не нашла ее.

— А где Люба? — взволнованно спросила я.

— Она здесь, ей не здоровится, — объяснила Вера, кивая на туалет.

— Как не вовремя! — я побарабанила пальцами по двери и снова выглянула в коридор, где вдоль стены уже начали выстраиваться гости — коллеги из школы, несколько учеников и пара незнакомых женщин в строгих костюмах. Судя по выражению лиц этих женщин, предстоящее мероприятие и количество представителей прессы им очень не нравилось.

С трудом протиснувшись через толпу на лестнице в конце коридора появился самый красивый мужчина на свете. Удивленно осмотрев установленные камеры и зевающих журналистов, Коля стянул с головы фиолетовую шапку и растерянно поздоровался.

— Коля! — позвала я, активно помахая руками из своего укрытия.

Заметив меня, он облегченно выдохнул и направился в нашу импровизированную гримерку.

— О, наш Кельвин Кляйн идет, — довольно прищурился глазами, пробормотала Крис.

— Вообще ни разу не кляйн *, — хихикнула я, пихая подругу в бок.

— Даже не сомневаюсь!

— Еще раз привет, — поздоровался Коля, приобнимая меня — не слишком близко, чтобы не смутить девочек, ожидающих начала показа.

— Ты вообще в курсе, что тебе нужно ходить по подиуму? — встряла Кресси, не переставая ни на минуту осматривать моего физрука оценивающим взглядом.

— Что? Нет. Что за глупости? — рассмеялся Коля, а я поймала себя на мысли, что Крис совершенно права.

И главное преимущество Муромцева даже не в том, что у него чудесно сложенное тело атлета, а в том, какой он настоящий. Светящиеся искренностью глаза, вечно широкая улыбка, не смотря на трудности, которые подкидывает ему жизнь. Просто он такой: открытый, светлый, добрый. Такие, как он, должны быть на виду, чтобы дарить свой свет тем, кто отчаянно запутался в жизни. Как я, когда только приехала в этот милый городок.

— Я серьезно, парниша, — Крисси не сдавала позиций, — Тебе нужно выйти на подиум на конкурсном показе Надин. Ей отдадут победу только из-за тебя, — подруга перевела на меня смешливый взгляд, — Без обид, Надин!

— Мода — для женщин, — отмахнулся Коля, а я, подумав, все же решила признаться:

— Я сшила ярко-розовый пиджак по твоим меркам, — практически шепнула я и тут же добавила пояснение: В нем, конечно, выйдет девушка в финале.

Удивленные взгляды подруги и моего парня требовали подробностей, и я продолжила:

— Помнишь, тогда под дождем ты отдал мне свою толстовку? — Коля кивнул, а Крис умиленно надула губки. Чтобы продолжить, мне пришлось всколыхнуть в памяти дорогие сердцу моменты, так что, отведя глаза из-за стеснения, я снова заговорила: Вроде мелочь, но я почувствовала себя под защитой. Будто в броне. И вся моя коллекция строится на идее женственности и силы, так что я хочу, чтобы на моей модели — хрупкой и мягкой — было олицетворение той самой брони. Понимаешь?

Я подняла на Колю глаза, и замерла, как вкопанная, от того, каким теплом и любовью был наполнен его взгляд. Я смотрела и смотрела, все глубже утопая в свете его чувств. Кажется, пространство сузилось, и наши тела стали ближе, непроизвольно сплетая пальцами горячие ладони. Возможно, сейчас вершатся самые важные события моей жизни, и я справлюсь со всем, пока эти невероятные голубые глаза смотрят на меня с такой нежностью.

— Так пусть Николай выйдет в розовом пиджаке, — хмыкнула Крисси, разрушив магию момента.

Мы с Колей отшатнулись друг от друга. Он почесал затылок, потом заросшие щетиной щеки, словно не зная, куда деть руки, которые так внезапно потеряли контакт с моим телом.

— Отец растил меня мужчиной, — Коля покачал головой, — Я не надену розовый пиджак. Он бы меня засмеял за такое.

— Что за предрассудки! — вспыхнула супермодель, — Видел бы ты, что на европейских подиумах творится, согласился бы и на пиджак.

Крис загадочно отвела взгляд и хихикнула, будто представив Колю в одном из экстравагантных нарядов, которыми славится европейская мужская мода. Не сдержавшись, я щипнула ее за локоть, а та в ответ вскинула руки и наигранно возмутилась:

— Эй! Каждый сантиметр этого тела, — она обвела свою изящную фигуру, — Это рабочий инструмент. Так что попрошу не нарушать товарный вид.

Я хотела ответить подруге пару ласковых, но Коля потянул меня в глубь комнаты на приватный разговор.

— У меня есть для тебя подарок, — тихо сообщил он, протягивая мне небольшой ключ, обвязанный розовой лентой. К ленте была привязана небольшая бирка с адресом.

— Что это? — я вскинула брови, удивленно глядя то на ключи, то на Колю. Неужели он предлагает съехаться?

— Это небольшое помещение на Купеческой. Второй этаж, панорамные окна. Можно

обустроить мастерскую, ателье или магазин. Все, что захочешь. — Коля неуверенно глянул на меня, ожидая реакции.

Он хотел удержать меня. Он боялся, что я соберу свои амбиции в чемоданы и, помахав ручкой на прощание, сбегу в Москву. Он пытался создать для меня будущее здесь. Рядом с ним.

— Оно в аренде на полгода, но, если тебе понравится, я найду способ его выкупить, — сбивчиво добавил парень, держа меня за руку.

— Коля..., — едва шевеля губами, пробормотала я.

Ключи легли в мою ладонь, и я кинулась обнимать любимого мужчину, как вдруг нам снова помешали. Раскрылась дверь туалета, и из него появилась Люба — опухшая и зареванная. Она осмотрела нас безжизненным взглядом и осела вниз по стенке.

Коля бросился к девочке и помог ей сесть на перекошенный деревянный стул. Я поднесла к ее рту бутылочку с водой.

— Люба, что с тобой? Ты отравилась? Тебя тошнит? — волновалась я.

— Уже не тошнит, — без каких-либо эмоций в голосе произнесла девчонка.

— Не понимаю. Что с тобой? — я потрясла ее плечи, и тут из раскрытой ладони Любы выпала небольшая пластиковая палочка.

Нахмурившись, я подняла ее и развернула к себе. Палочка оказалась тестом на беременность с двумя яркими красными полосками.

— Ох, — только и выдала я, держа тест дрожащей рукой.

Коля понял, что в этой ситуации он лишний, так что, осторожно коснувшись моего плеча, он шепнул:

— Я рядом. Позови, если буду нужен.

Я кивнула, даже не оборачиваясь, чтобы проводить его взглядом.

— И давно ты беременна, Люба? — тихо спросила я, не поднимая на девочку глаза.

— Не знаю, — она равнодушно пожала плечами.

— Как долго нет месячных?

— Не знаю, — девочка снова всхлипнула, — Месяца три-четыре.

— Сколько? — ужаснулась я и снова перешла на шепот, чтобы не привлечь лишнего внимания, — И тебя это не смутило?

— Я думала, просто гормоны скачут. Я же подросток, — Люба закрыла лицо руками и снова заплакала, — Мама меня убьет.

Вздохнув, я притянула ее к себе и крепко обняла.

— Мы что-нибудь придумаем, — заверила я, — А сейчас иди домой и отдыхай.

— Как же показ? — всхлипнув, спросила девочка.

— Я выйду вместо тебя, — пообещала я, утирая слезы с ее молодого лица.

Зеленые глаза девочки горели растерянностью и страхом, и я вдруг вспомнила свою сестру, которая родила в шестнадцать лет. Что тогда испытывала она? Когда на нее обрушился шквал критики и обвинений. Ведь она тоже была всего лишь ребенком. Напуганным, непринятым, не понимающим, что происходит с его телом и какое будущее ждет впереди.

И сейчас, глядя на Любу, мне стало стыдно за то, как я вела себя тогда. За то, что я выставила между нами глухую стену безразличия, словно до этого мы не были сестрами, которые всем делились друг с другом и всегда готовы были прийти на помощь.

Может, именно поэтому я теперь не могу оставить Любу.

— Пора начинать! — объявила Крисси, которая вернулась из коридора, где только что произнесла речь, открывающую показ.

— Я выйду вместо тебя, — снова повторила я, убирая тест в карман.

Верочка отправилась дефилировать первая, и я, как и на первых репетициях, не переставала удивляться тому, с какой самоотдачей она включается в любой проект. И в этот особенно, ведь от успеха сегодняшнего показа зависит ее собственная жизнь.

За Верочкой в народ отправилась зеленая от волнения Маша. Я едва успевала подтянуть булавкой лишнюю ткань на талии, чтобы наряд Любы сел по моей фигуре. Едва Маша вернулась в комнату — ошеломленная и вдохновленная аплодисментами, я нырнула в свет одного единственного, но такого важного для девочек софита.

Бодро вышагивая в такт музыке, я проходила мимо коллег, собирая на себе их восторженные взгляды. Остановившись прямо перед камерами, я попозировала и, развернувшись, направилась в обратную сторону, стараясь не думать о том, что в коридоре не было Коли. Наверное, у него случилось что-то важное, раз он решил пропустить дебют моей команды.

Крисси, которая представляла наряды, отшитые ушедшей в лицей Леночки, сорвала такие бурные аплодисменты, что я даже загордилась тем, какая крутая у меня подруга и как здорово иметь такие связи.

— Мне кажется, или этот итальянский репортер везде за тобой таскается? — спросила я, пока мы с Кристиной меняли образы для следующих выходов.

— Это же Лоренцо! — с итальянским акцентом произнесла Крисси, — Он как моя тень. Куда я — туда он. Я даже скучаю и переживаю, если вдруг не вижу его на показах.

— Наверное, ты ему очень дорога, раз уж он решил осветить в прессе дефиле школьниц из русской провинции, — усмехнулась я, поправляя волосы.

— Думаешь? — взгляд Крисс вдруг стал серьезным.

— Ну да, — я пожала плечами, — Я бы в такую глушь отправилась только ради очень любимого человека.

Но разве я сама приехала в Булкин ради этого? Нет, я оказалась здесь, чтобы получить финансово обеспеченное будущее рядом с хорошим, но не любимым мужчиной. И, надо же, как сошлись звезды, ведь именно здесь я и нашла свою любовь.

— А, знаешь, я к нему присмотрюсь, — заверила Кристина, и ее лицо озарилось азартом, что означало только одно — сегодня Лоренцо крупно повезет.

Когда показ был окончен, мы с девочками предстали перед камерами, чтобы дать интервью. Ничего не стесняясь, я в красках выразила свое недовольство тем, что администрация города игнорирует условия, в которых живет Вера с бабушкой и еще несколько жителей этого разваливающегося дома.

Я говорила и говорила, не сдерживая в себе ни слова. Не запрещая себе быть настоящей. Переживающей. Злой. Требующей справедливости. Я больше не буду прятаться за маской равнодушия. Если здесь и сейчас я могу помочь дорогим людям, я сделаю все, что в моих силах.

От того, как крепко жались ко мне девочки во время интервью, я ощутила в себе невероятную силу и уверенность. Я делаю то, что должна делать. Я нахожусь там, где должна находиться. Эта сила не в деньгах, не в Москве. Она во мне самой и в людях, которых я впускаю в свою жизнь.

Мы сорвали столько аплодисментов и сделали столько фотографий, что рот просто

устал улыбаться. В какой-то момент я отошла на лестницу и выглянула в окно, чтобы отвлечься, но получилось совершенно наоборот, ведь за окном стоял знакомый мерседес.

Антон здесь.

Накинув шубку, я поспешила вниз, все больше переживая из-за того, что нигде не нахожу Колю. Что, если они с Антоном уже ведут серьезный разговор, пока я праздную окончание дефиле?

С трудом раскрыв тяжелую дверь, я выскочила на улицу, и первое, что я увидела, был Коля, сидящий на скамейке, опустив голову в руки. Его лицо было закрыто шапкой, а плечи странно вздрагивали, словно он рыдал, не издавая ни единого звука.

Забыв про мерседес Антона, я села рядом с Колей и погладила его спину.

— Что случилось? Почему ты ушел? — встревоженно спросила я.

Парень оторвал лицо от шапки и посмотрел на меня красными глазами.

— Мама умерла, — шепнул он, облизнув потрескавшиеся на морозе губы, — Еще утром все было нормально. Динамика была хорошая. А сейчас...Ее нет.

Коля сгреб меня одной рукой, прижимая к себе, словно плюшевую игрушку. Ничего не говоря, я обняла его, пальцами перебирая отросшие на затылке светлые волосы. Где-то неподалеку сигналил автомобиль. Словно сквозь пленку, я видела, как к нам направляется Антон, но мне было все равно. Я продолжала гладить Колю и шептать, что все будет хорошо.

— Все пройдет, боль утихнет, — бормотала я, — Она не мучается, ей хорошо. И ты теперь свободен. Ничто не держит тебя здесь. Мы уедем вместе. Боль уйдет.

Я все несла и несла эту чушь, глядя на приближающуюся фигуру Антона. И, только когда Коля отстранился и посмотрел на меня неверящим стеклянным взглядом, я осознала, какие ужасные слова говорил мой рот.

— Ничто не держит? — сухо повторил он, — Свободен? Ты что, рада? Ты ждала этого, чтобы с чистой совестью утащить меня в Москву?

Пока я хлопала глазами, не зная, что сказать в свое оправдание, Коля вскочил со скамьи и, рвано глотая холодный воздух, снова воскликнул:

— Поверить не могу! Какая-то Москва для тебя важнее? — он повысил тон, а я не знала, куда деться от обиды, которой горел его взгляд.

— Надин не твоего уровня, мальчик, — уверенный голос Антона раздался за моей спиной, и я ужаснулась тому, как изменился взгляд Коли.

С жестким безразличием он посмотрел сначала на Антона, а потом и на меня. И, разочарованно покачав головой, махнул рукой.

— Если это действительно то, что тебе нужно, я не смею задерживать. Хорошо доехать до Москвы, — злость в его глазах потухла, сменившись бездонной печалью. Одарив меня на прощание долгим взглядом, полным сожаления, он отвернулся и направился к своей машине.

Я затрясла головой и, поднявшись со скамьи, поспешила за ним, но Антон ухватил меня за руку.

— Коля! Я не то хотела сказать! — крикнула я, но парень не отреагировал.

Спрятавшись в машине, он завел двигатель и, резко дав по газам, покинул парковку. И мою жизнь.

Неужели это конец? Здесь и сейчас мы потеряем друг друга из-за такой глупости?

Я смотрела на Москву сквозь панорамное окно в офисе Антона на сорок третьем этаже. В любой другой день от красоты заснеженного города у меня перехватило бы дух. Но сегодня... я смотрела на столицу и не видела ее, ведь в моей голове царил настоящий хаос, и сердце отчаянно рвалось в Булкин.

Но как же я снова оказалась в Москве?

Вчера возле дома Веры я рвалась догнать Колю и попросить у него прощения. Поддержать его и быть рядом в такой непростой период. Но Антон, крепко держа меня за плечи, донес предельно понятную мысль — Коля не будет счастлив с девушкой вроде меня.

— Надин, ты рождена для жизни в других условиях, — убеждал Антон, — Если сейчас ты откажешься от обладания лучшим, то потом ты просто вынесешь мозг этому парнишке и испортишь ему жизнь. Пусть найдет себе местную простушку и живет свою размеренную жизнь.

И мне, напуганной и растерянной, вспомнился рассказ Крисси о ее первой любви. Потеряв Кристину, он обрел счастье с другой женщиной, которая в самом деле дала ему покой и уют. Был бы он так же счастлив, если бы Крис осталась с ним? Была бы счастлива на сама?

Может, это был наш шанс на то, чтобы порвать связь, пока та не успела окрепнуть настолько, что мы не выживем друг без друга? Я не могла решить и только рыдала, пока Антон удерживал мое трясущееся тело. А потом он сказал то, что заставило меня сесть в машину.

— Я нашел твоего отца, Надин. Он хочет встретиться.

Словно загипнотизированная, я позволила усадить меня в мерседес. Пока Антон бережно пристегивал мой ремень безопасности, я отрешенным взглядом наблюдала за тем, как из перекошенного дома на улицу выбежали мои девочки, встревоженно наблюдающие за тем, как их трудовиха сбегает с богатеньким дядей в закат. Могла ли я ненавидеть себя еще больше в тот момент?

Мы добрались до Москвы глубокой ночью и, хотя нам о многом нужно было поговорить, всю дорогу я молчала и не реагировала на попытки Антона начать диалог.

Уже в городе я попросила оставить меня возле любого отеля, чтобы я могла переночевать. Ехать в дом Антона, будто ничего и не произошло за эти четыре месяца, я не могла. Лаптев отнесся с пониманием к моей просьбе, так что ночь я провела в одном из самых дорогих столичных отелей. Словно специально Антон демонстрировал мне свою финансовую мощь, даже не догадываясь, что это меня больше не впечатляет. Ни бриллианты, ни туфли от именитых дизайнеров не будоражили больше моего притихшего сердца.

Коля не отвечал на звонки, и я просто перестала звонить. В чем-то Антон прав. Возможно, сейчас и мне, и Коле будет очень больно, но спустя время мы оба поймем, что расстаться было лучшим решением.

— Надин, он пришел, — за спиной раздался голос Антона, и я вернулась в реальность.

Мой отец, которого я никогда не видела, сейчас находится в кабинете за стеной, и я даже не знаю, что сказать ему. Привет, папа? Здорово, что ты жив? Наверное, ты не знал, но у тебя есть дочь. Как глупо!

Сделав глубокий вдох, я проследовала за Антоном в кабинет.

У окна стоял тот самый мужчина, фотография которого хранилась в моем дневнике — высокий, статный, приятный с виду мужчина. Короткие темные волосы, слегка серебриющиеся сединой на висках. Глаза — темные, прищуренные, обращенные на меня с недоверием, будто могли быть сомнения в нашем родстве.

— Герман Сергеевич, это Надя. Ваша дочь, — представил Антон, отодвигая для меня стул.

Коротко кивнув в знак приветствия, я села за стол, и мой отец, немного помедлив, опустился на стул напротив.

— Здравствуй, Надя, — ровном тоном произнес он.

— Надо же, вы очень похожи, — заметил Антон, звонко стукнув бутылкой виски о стакан. — Выпьете?

Я помотала головой, хотя и понимала, что ко мне вопрос не имел никакого отношения.

— Да, пожалуй, нужно смочить горло, — сухо произнес Герман Сергеевич.

— Я думала, вас нет в живых, — ляпнула я, глядя в упор на мужчину.

— Знаю, — он поджал губы, — И очень удивился, что ты в конечном итоге узнала о моем существовании. Я был уверен, что твоя мать лучше хранит секреты.

В кабинете повисла тишина, и только виски с неприятным плеском наполнил стакан, предназначавшийся моему неожиданно живому отцу.

— Что вы имеете в виду? — не поняла я.

— Надя, я дал твоей матери достаточно денег, чтобы она держала язык за зубами, — лицо мужчины неприязненно скривилось.

— В таких случаях женщины предпочитают ежемесячное пополнение счета, — усмехнувшись, согласился Антон. Я перевела на него взгляд, полный непонимания.

— Что происходит? — шепнула я.

— Твоя мама работала в архиве в конторе моего отца. И, конечно, она не могла упустить шанса закрепиться в Москве.

— На что вы намекаете? — я начинала злиться.

— Она меня соблазнила, хотя на тот момент мне уже была выбрана невеста из подходящего круга. А потом заявила, что беременна, — Герман Сергеевич развел руками, а Антон снова согласно закивал.

— Классика жанра, — добавил он, отпив виски.

Я молча переводила взгляд с одного мужчины на другого, не зная, как реагировать на услышанное.

— Сколько? — прямо спросил Герман, глядя в упор на меня.

— Что? — снова переспросила я.

— Сколько ты хочешь за молчание? — пояснил он, — У меня семья. И наследники уже есть. Сама понимаешь, шумиха мне сейчас не нужна.

— Надин полностью обеспечена, — встрял Антон, не желая уступать в игре, где нужно мериться толщиной кошелька.

Всю свою жизнь я держала в голове идеальный образ отца. Сильный, оберегающий, надежный и безмерно любящий мою маму, но волею судьбы ушедший из жизни слишком рано.

И вот отец — настоящий, а не выдуманный, появляется в моей жизни и предлагает деньги за то, чтобы я молчала. Чтобы не рушила его семью, чтобы не мстила за жизнь,

которую он испортил моей матери.

— Какой же ты мерзкий, — процедила я сквозь зубы.

— Ты что-то сказала? — мужчина склонился ближе ко мне, и я, не сдержавшись, схватила его стакан и плеснула виски в прямо в наглуую рожу своего отца.

Тот хрипло рассмеялся и, отклонившись на спинку стула, обратился к Антону:

— Я хотел по-хорошему. Если она каким-то образом заденет честь моей фамилии, я буду действовать иначе, Антон Игоревич, — тон Германа Сергеевича звучал предельно холодно, но меня его угрозы не пугали, ведь касаться его фамилии я не собиралась. Хватит с меня этой мерзости!

Антон понимающе кивнул, и я истерически хохотнула.

— Как чудно, что вы встретились. Заключите какой-нибудь контракт, чтобы не терять время даром, — громко чиркнув стулом по паркету, я поднялась и, не оборачиваясь, покинула кабинет.

На пути мне встретилась Гела Микаэловна, которая при виде взбешенной меня довольно улыбнулась.

— С возвращением в Москву, — с наигранной дружелюбностью поприветствовала она, — Эксперимент с Булкиным закончился?

Я кивнула, отведя взгляд из-за нахлынувших воспоминаний.

— Спасибо, Гела, — неожиданно искренне сказала я.

— За что? — она вопросительно приподняла тонкую бровь.

— Булкин — возможно, лучшее, что было в моей жизни, — тихо ответила я и, махнув на прощание, направилась к лифту. Больше я сюда не вернусь — это я знаю точно.

— Надин, подожди! — около лифта меня нагнал Антон.

В привычной властной манере он до боли схватил мое предплечье и прижал к себе.

— Отпусти меня, — я выдернула руку и сделала шаг в сторону.

Говоря эти слова, я имела ввиду не только свою руку, но и свою жизнь в целом, и, судя по взгляду, Антон это понял.

— Надин, не глупи, — он покачал головой, окидывая меня строгим взглядом. — Неужели тот мальчишка настолько запудрил тебе мозги?

— Наоборот, — возразила я, — Он раскрыл мне глаза. Если ты не против, я поеду к тебе, чтобы собрать вещи.

— Надин, — Антон с особым нажимом произнес мое имя, и мне даже стало смешно.

— Надя. Зови меня Надя. Это мое имя, — я усмехнулась сама себе, а Антон, вздохнув потер виски.

— Ты же понимаешь, что назад пути не будет?

Я кивнула, в первые в жизни на сто процентов уверенная в своем решении.

— Спасибо тебе за все, Антон. Если бы не ты, я не нашла бы себя, — честно призналась я, но мужчина уже взял себя в руки.

Коротко кивнув, он формально ответил:

— Береги себя, Надежда.

Одарив меня на прощание равнодушным взглядом, он отвернулся и, уверенно ступая, направился в кабинет. Интересно, хотя бы в молодости он позволял себе проявлять настоящие чувства? Впрочем, это уже не моя проблема.

***

Я собрала вещи и в короткие сроки нашла небольшую съемную квартиру, особо не

придираясь к условиям, ведь я была уверена, что это ненадолго. Матвей помог мне перевести вещи, и я даже извинилась перед ним за то, как неуважительно относилась к нему и за то, что звала его дурацким именем Маттео, словно он был героем латиноамериканской мильной оперы.

Тридцать первого декабря я снова открыла в списке контактов номер Коли, но так и не смогла нажать на вызов. Я сама все испортила. И кому, как не мне, исправлять ситуацию. И начать я должна с мамы.

Оставив вещи на съемной квартире, я собрала маленький чемоданчик и отправилась в родную деревеньку и выпала из жизни на долгих две недели, за которые успела тысячу раз обнять маму, хоть та и не привыкла к такому близкому контакту со своей холодной и строгой дочерью. Я не стала рассказывать ей о встрече с Германом Лисовым, но по глазам матери я видела, что все сказанное им — было полной чушью. Не было никакого спланированного соблазна. Мама влюбилась в него, как дура, и позволила разбить свое сердце. Размышляя о том, что произошло между ними много лет назад, я все же задала маме один вопрос:

— Если бы можно было вернуть время назад, — начала я, помешивая смородиновое варенье в чае, но мама так и не дала мне закончить.

— Я ничего не поменяла бы, — призналась она, неведомым образом понимая, о чем я говорю.

— Но ведь это сломало твою жизнь, — я глянула на нее — усталую, в домашнем халате, но в то же время такую родную и теплую. И как я могла столько лет держаться на расстоянии?

— Это дало мне надежду, — мама едва заметно улыбнулась, касаясь моего плеча. Даже не знаю, говорила она о надежде на светлое будущее или обо мне, но мне от ее ответа стало легче.

Что бы ни происходило — это часть нашей истории. Не испытав боли, ты не признаешь истинного счастья. Не пройди я весь этот путь, я так и не поняла бы, что по-настоящему ценно в жизни.

— Я никогда не говорила тебе, — я погладила мамину мозолистую руку, — Я люблю тебя, мам.

От неожиданности мама захлопала ресницами, и в уголках ее светлых глаз я заметила поблескивающие слезы.

— Мам, ты чего? — я сползла со стула и, присев на колени перед мамой, обняла ее ноги. Она склонилась и ткнулась лбом в мой затылок.

— Я тебя тоже, моя девочка. Я тебя тоже люблю, — шепнула мама, зарываясь носом в мои волосы.

В следующий момент наше уединение прервалось, а объятие приняло в себя Софу, ее дочь Стасю, и даже маленький Славик, ничего не понимающий, но очень увлеченный, прижался к моему боку, и я, хлюпнув носом, чмокнула его в светлую макушку.

Истинная ценность жизни в способности любить — открыто и щедро. Не требуя взаимности, не ища выгоды. Любить — просто потому, что не можешь иначе.

***

Месяц в родном доме подходил к концу, и мне нужно было возвращаться в Москву, чтобы решить что-то со своей жизнью. Назад пути не было. С Антоном меня больше ничего не связывало. Разве что деньги, которые он внес за мое участие в дизайнерском конкурсе.

Булкин тоже для меня под запретом, потому что, вернувшись туда, я испорчу жизнь Коле. Держаться друг от друга на расстоянии мы не сможем, а вместе ни к чему не придем. Неуемные амбиции не превратят меня в ту, что своей любовью и уютом делает Колю счастливым.

А, значит, мне нужно заняться тем, что я могу лучше всего — работой. Коллекция еще не готова. Кроме того, мне нужно вернуться к пошиву на заказ, чтобы держаться на плаву, ведь вместе с Антоном из моей жизни ушла и финансовая стабильность. Удивительно, но это больше не вызывает во мне никакого страха. Я обязательно справлюсь.

Вся моя семья, включая Пашу — мужа Софы — собралась на последний перед моим отъездом ужин. Мы подняли вверх бокалы, собираясь выпить шампанское, но тут мой телефон завибрировал на деревянном столе.

На экране высветился незнакомый телефон, и я невольно заволновалась. Помедлив, я все же приняла вызов.

— Слушаю, — неуверенно отозвалась я, в тайне надеясь услышать голос Коли.

— Надежда Львовна? — знакомый девчоночий голос мешался со всхлипами.

Я вскочила с места, не зная, куда себя деть от тревоги.

— Люба? Что случилось?

— Мама в-в-выгнала меня из дома, — девочка буквально заскулила, сдерживая приступ истерики, — Я ей рассказала про ребенка. И т-т-теперь не знаю, к-к-куда идти. В-в-вы еще не в-в-вернулись?

Схватившись за голову, я осела на диван.

— Люб, я не в Булкине, — тихо созналась я, ощущая, как беспомощность охватывает мое тело мелкой дрожью, — Но я приеду, слышишь! Приеду, и мы что-нибудь придумаем.

Девочка молчала, и я поняла, что она плачет. Воображение рисовало кошмарную картинку того, как хрупкая беременная девочка одна слоняется по занесенным снегом улицам Булкина. Мое сердце сжалось до размера горошины, и я снова заговорила:

— Люба, я сейчас позвоню вахтеру и попрошу дать тебе ключи. Квартира, в которой я жила, оплачена до мая. Иди на Мира одиннадцать. Хорошо? Люба? — я снова встала и начала мерить комнату широкими шагами.

— Х-х-хорошо, — отозвалась девочка.

— Люба, я скоро приеду. Постарайся успокоиться, — молила я, переживая, как бы девочка не наделала глупостей на эмоциях.

— Спасибо, Надежда Львовна, я вас очень жду, — голос девочки стал чуть ровнее, и я, попрощавшись, сбросила вызов.

К счастью, за четыре месяца в Булкине у меня не раз случались проблемы то с сантехникой, то с электричеством, и все они решались при содействии вахтера, так что его номер был вбит мой список контактов. Мужчина ответил сразу и подтвердил мои догадки — Антон не расторг аренду, и квартира все еще числилась за мной, так что Любе будет, где провести эту ночь.

Закончив разговор, я отложила телефон и кинулась проверять и без того собранные сумки.

— Надь, что случилось? — встревоженно спросила мама, осторожно касаясь моего плеча.

Я обернулась и натянуто улыбнулась.

— Одному человеку нужна моя помощь, и я должна как можно скорее добраться до

Булкина, — мама понимающе кивнула и, к счастью, не стала задавать лишних вопросов.

Я перевела взгляд на Софу, застывшую в дверном проеме. Из-за ее спины выглянула Стася, и я вдруг увидела в них то, что пока не видит ни Люба, ни ее мама, а ведь сама Люба — это моя сестра десять лет назад. Такая же растерянная и брошенная со своей проблемой в одиночестве.

— Соф, — в моем голосе прозвучала мольба, — Ты должна поехать со мной.

Ничуть не удивившись, сестра согласно кивнула. За эти дни, что мы провели вместе, к нам вернулось чувство острой необходимости друг в друге, а вместе с ним и понимание.

— А я довезу, — тут же встрял Паша, — Если, конечно, любимая теща возьмет на себя детей.

Мама просто не выдержала наших взглядов и махнула рукой.

— Ну что вы такое говорите! Конечно, Стася и Славик останутся со мной. Езжайте с Богом, — благословила она, и уже через полчаса мы выезжали из деревни в направлении Булкина.

И только тогда я поняла, как спокойно мне стало внутри от того, что я возвращаюсь в город, который страстно ненавидела каких-то четыре месяца назад.

***

— Люба, Софа пережила то же, что ты переживаешь сейчас, — я погладила девочку по голове.

Мы просидели в тесном объятии уже минут двадцать, пока Люба просто плакала. Софа пила кофе на кухне, а Паша прилег отдохнуть после долгой дороги.

— Позволь ей поговорить с тобой, — попросила я. Еще в машине я рассказала сестре, в какой ситуации оказалась моя ученица.

Я с радостью поговорила бы с девочкой сама, но, боюсь, я просто не смогу понять всего, что происходит в ее душе, а Софа знает это не понаслышке и как никто другой сможет помочь Любочке.

— Хорошо, — девочка сдалась и отпустила меня.

— А я поговорю с твоей мамой, ладно? — я вопросительно глянула на нее, и та неуверенно кивнула.

Я оставила Софу и Любу наедине, а сама направилась к Любе домой. Искать ее маму долго не пришлось — та сидела на скамейке у подъезда и плакала, то и дело утирая слезы шапкой.

— Елизавета Александровна? — уточнила я, хотя сомнений быть не могло — Люба была очень похожа на маму.

— Да, — она удивленно посмотрела на меня, и тут же в ее глазах мелькнул страх. Она искала дочь и боялась, что я могла принести плохие новости.

— Все хорошо, Люба в безопасности, — сразу заверила я, и женщина облегченно выдохнула, — Я ее преподаватель труда. Наверное, вы видели меня на показе.

Елизавета Александровна кивнула и поднялась, чтобы быть поближе ко мне.

— Где моя дочь? — нетерпеливо спросила она.

— Она у меня дома. Я хочу поговорить с вами. О том, что случилось.

Женщина снова кивнула и, сделав глубокий вдох, пригласила меня подняться в квартиру.

Я не заметила, сколько времени мы провели за разговором, но чайник успел пару раз вскипятить воду для чая, который разбавлял слезы и важные для этой маленькой семьи

слова.

— Будьте рядом с ней. Говорите, что любите. Это все, что ей нужно сейчас. Это будет нужно ей всегда, — от всего сердца посоветовала я, прекрасно понимая, что и мне самой всегда не хватало маминой любви.

Не потому что ее было мало, а потому что мама никогда не выражала ее доступными способами. В наших отношениях не было объятий, не было слов любви, не было долгих доверительных бесед, а ведь это — именно то, что нужно каждой маме и ее дочке. И я буду счастлива, если здесь и сейчас это все появится в жизни Любы и ее мамы, а потом и девочки, которая родится в начале мая.

Когда я привела Елизавету Александровну к Любе, плакали все, за исключением Паши, который мирно спал в закрытой комнате и не принимал участия в женском марафоне любви, слез и прощения. Иначе прослезился бы и он, это уж точно!

— Спасибо вам, — Люба обняла меня на прощание, и я, растрогавшись, чмокнула ее темноволосую макушку.

— Люба, не знаешь, как у Веры дела?

Ученица открыто улыбнулась и показала мне класс большим пальцем.

— Они с бабушкой получили квартиру в новой части города, но Верка все равно в нашу школу будет ходить.

— Отлично! Значит, все получилось! — от восторга, которым наполнилась душа, снова захотелось плакать, но я сдержалась.

— Вы не останетесь, да?

Девочка подняла на меня невероятной красоты зеленые глаза, и я печально улыбнулась ей.

— Нет, я уеду вечером, — заметив, как Люба расстроилась, я снова обняла ее покрепче, не смея задать вопрос, мучающий меня с самого возвращения в Булкин.

Словно читая мои мысли, девочка ухмыльнулась и сказала все сама:

— У нас новый физрук, кстати, — словно невзначай заметила она.

— Что? А где Николай Николаевич? — сердце всколыхнулось, и это было видно даже Софе, которая стояла в стороне.

— Я его не видела, но, говорят, он всерьез займется спортивной школой.

Я не сдержала улыбки от одной мысли о Коле и его спортивном зале в здании городского бассейна. Маленькими шагами он идет к своей мечте, и у него тоже все получится.

Люба и ее мама, держась за руки, отправились в женскую консультацию. Паша и Софа попрощались со мной и двинулись в обратный путь. Я купила билет на вечерний поезд до Москвы, и у меня оставалось время, чтобы сделать важное дело — извиниться перед Колей.

Набрать его номер я не решилась, потому пошла напрямик к бассейну в парке, но там мне сказали, что зал для единоборств там так и не открылся. Тогда я, озадаченная, решила поехать к нему домой, и, каково же было мое удивление, когда там я наткнулась на молодую семейную пару, разбирающую коробки с вещами в квартире, куда еще совсем недавно я приносила пирожки болеющему физруку.

— Мы купили квартиру неделю назад, — сказала девушка, пока я ее муж таскал коробки из машины.

— Не знаете, где прежний хозяин? — спросила я, на что новая владелица квартиры лишь развела руками.

В полной растерянности я встала посреди улицы. Мороз щипал кожу, и я спрятала руки в карманы. Наткнувшись на прохладный металл, я удивилась. В кармане шубы лежали ключи от помещения, которое Коля снял для моей мастерской. Не думая ни минуты, я поймала такси и направилась туда.

Машина оставила меня во дворе двухэтажного исторического здания. Другая сторона и центральный подъезд выходили на Купеческую улицу, но я вошла через черный вход. Поднялась по лестнице и отперла ключом тяжелую дверь, искренне надеясь найти Колю здесь. Только его, конечно, в помещении не оказалось.

Зато само помещение превзошло все мои ожидания. Мансардный этаж, скошенный потолок с деревянными балками, светлый паркет и панорамные окна, выходящие прямо на дворец спорта. Я рассмеялась сквозь слезы. Коля все рассчитал. В самых дерзких мечтах мы могли заниматься каждый своей мечтой и оставаться на расстоянии одного взгляда в окно.

Я села прямо на пол и уставилась на дворец спорта, представляя, как Коля выходит из здания и машет мне рукой. Потом он кивает на кафе неподалеку, и я, принимая его приглашение, закрываю свою мастерскую и спешу на обед с любимым мужчиной.

Лето. Солнце ласково припекает плечи, пока мы сидим на открытой веранде. Коля рассказывает о намерении устроить турнир по самбо в честь своего отца, а я улыбаюсь, глядя на стильную вывеску моей мастерской.

Я настолько увлеклась мечтами, что не заметила, как из кальянной, расположенной в прежнем здании дворца спорта, вышла знакомая фигура. Увы, это был не Коля, а всего лишь трудовик Вася, но и его хватило, чтобы я вскочила с пола и, наспех заперев помещение, понеслась его догонять.

К счастью, Василий никуда не ушел. Он стоял у газели и давал распоряжение грузчикам, таскающим строительные материалы из машины в здание.

— Вася! — воскликнула я, налетая на него сзади. Никогда бы не подумала, что буду так ему рада.

— Надежда Львовна? — трудовик заметно удивился, — Ты что тут делаешь?

— Где Коля? Мне нужно с ним поговорить, — протараторила я, не успев восстановить дыхание.

— В лицее, — парень кивнул в ту сторону, где находился злополучный лицей.

— Что? Коля ушел в лицей? — видимо, на моем лице отобразился такой ужас, что Вася замахал руками.

— Нет-нет! Там соревнования, Никой Николаич судит, — пояснил Вася, и я, облегченно выдохнув, уже собралась в сторону лицея, но вдруг остановилась и, ткнув пальцем в доски, торчащие из газели, спросила:

— А что это тут происходит?

— Ремонт, — коротко ответил Вася, помахав передо мной какой-то бумажкой.

— В кальянной? — не поняла я.

Вася громко рассмеялся, поправляя шапку.

— Нет больше кальянной, — объяснил он, — Как ты уехала, Колян так разозлился. Пошел в администрацию, и, уж не знаю, как он там морды бил, но при помощи муниципалитета ему удалось вернуть зданию статус Дворца Спорта. Ну и квартиру пришлось продать, чтобы выкупить ту часть, которую продали хозяину кальянной.

— Подожди, — я опешила, — Хочешь сказать, что это здание теперь Колино?

— Ну не полностью, но первый этаж с залами для единоборств точно, — Вася

усмехнулся, — А наверху с помощью спонсоров тренажерку сделают.

Преисполненная радости, я заключила Васю в объятия и даже запрыгала так, что трудовик, не удержавшись, попрыгал со мной вместе.

— Вася! Волшебные новости! Спасибо!

Смеясь, он махнул мне на прощание, а я уже спешила к лицу.

На входе оказался тот самый охранник Эдуард. Ничего не спрашивая, он коротко кивнул мне и раскрыл турникет, а я схватила его за руку и, глядя прямо в глаза, отчеканила:

— Обидишь Олечку Александровну — я тебя сломаю! — пригрозила я, — И не посмотрю, что ты такой большой.

Мужчина удивленно округлил глаза и активно замотал головой, словно убеждая меня в том, что и пальцем мою англичанку не обидит.

— Где соревнования проходят? — спросила я, все еще впиваясь ногтями в руку охранника.

— В зале, — он ткнул свободной рукой в сторону спортзала, и я его отпустила.

Чем ближе я подходила к залу, тем сильнее слышались крики трибун. В просторном помещении оказалось на удивление многолюдно, и, чтобы хоть что-то увидеть, мне пришлось подняться по лестнице на трибуны. Оказавшись наверху, я увидела четыре огромных мата, на которых параллельно проходили соревнования сразу в нескольких категориях.

На центральном мате, где боролись два уже достаточно взрослых парня, я увидела Колю. Он стоял у кромки мата, скрестив руки, и не сводя глаз с пары подростков. Я остановилась не в силах снова запустить свое замершее сердце.

Такой красивый и сосредоточенный. У него все хорошо. Все получается без меня. И, возможно, лучшим решением будет — уйти по-тихому, пока я снова все не испортила. Но чувство вины, выжигающее меня изнутри весь этот месяц, не отпустит, пока я не извинюсь.

Медленно выдохнув, я направилась вперед, бесцеремонно перешагивая через ноги болельщиков, сидящих на своих местах. Я не смогу дождаться Колю, чтобы поговорить с ним наедине, потому что, оказавшись один на один, я сдамся и вцеплюсь в него, как в спасительный круг. А он не круг, и я не должна выплывать за его счет. Он достоин большего.

Словив на себе множество недоброжелательных взглядов, я ворвалась в комментаторскую кабинку и буквально вырвала микрофон у опешившего мужчины.

— Коля! Коля Муромцев! — позвала я, глядя на него через толстое стекло кабинки.

Все происходящее в зале будто остановилось. Затихли трибуны, прекратили борьбу спортсмены. Коля поднял удивленный взгляд и, поблуждав глазами по залу, наконец заметил меня в комментаторской будке.

Его взгляд замер на мне, и я продолжила:

— Прости меня. Я вела себя как дура, которая недостойна такого человека, как ты, — моя исповедь эхом разлеталась по залу, — Все, что я сказала тогда... Я не должна была это говорить. На самом деле у меня и в мыслях этого не было. Слова сами сорвались с губ. Как будто следуя программе, которую я себе заложила много лет назад.

Коля смотрел на меня, не двигаясь и не моргая.

— Но с тобой в моей жизни все изменилось, — призналась я, шепча в микрофон. Я достала из кармана ключи от помещения на Купеческой и, показав их Коле, положила на стол, ставя точку в наших отношениях, — Ты помог мне во всем разобраться. И я хочу, чтобы в твоей жизни тоже все было хорошо. Ты все сможешь, Николай Николаевич. Я уверена.

Последние слова дались мне с трудом. Отчасти от того, что Коля, услышав мое прощание, отвел взгляд, и я, потеряв огонек в его голубых глазах, лишилась сил, а недосказанные слова комом встали поперек горла.

— Прости. И будь счастлив, пожалуйста, — шепнула я и, с шумом поставив микрофон на стол, пулей выскочила из кабинки.

Сбегая из зала, я не оборачивалась, чтобы не передумать. Если бы я увидела Колины светлые глаза еще раз, я не смогла бы уйти. Так что я спешила к такси, ожидающему у входа, искренне надеясь, что Коля не пойдет за мной.

И он не пошел.

Глава 17

Поверить не могу, что на календаре начало мая, и весна действительно жужжит и стрекочет повсюду, но только не в моей душе. Как я провела эти три месяца? В мастерской, хотя это не то что бы мастерская.

На самом деле это съемная квартира, в которой я одновременно и живу, и работаю. Тот, кто шьет, скорее всего поймет, что я чувствую, каждый день просыпаясь в горе ниток и обрезов.

Но это единственное, что спасает меня от тоски. Запереться в квартире со швейной машинкой было лучшим решением в сложившейся ситуации. Мне больше не удавалось так искусно контролировать эмоции, так что одежда, которую я создавала для коллекции, казалось, впитала в себя мои чувства и стала еще более романтической, безоружной и ранимой. И только те детали, что я создала еще в Булкине, когда ощущала бурлящую внутри силу, — завершали образ, словно надежной броней закрывая нежную суть от колючего мира.

Финальный показ состоится в ближайшие выходные. Стараюсь не думать об этом и не придавать событию излишней важности, хотя на самом деле не представляю, что будет со мной после конкурса. Будто он должен перевернуть мою жизнь. Смешно.

К счастью, мне удалось выйти на международный рынок, и постепенно мои эксклюзивные дизайны стали разлетаться в разные уголки мира. Да, это не потоковое производство. Моих мощностей хватает на пару заказов в неделю, но и это успех, если учитывать, в каких условиях я оказалась после расставания с Антоном.

Только я ни о чем не жалела. Не скучала, не искала встречи, не проверяла поступления на карту, хотя раньше только этого и ждала. К счастью, Антон тоже не рвался вернуть свою сбежавшую невесту.

Сложнее всего было не думать о Булкине. О девочках, в судьбе которых я приняла участие и оттого не могла не тревожиться о том, как складывается их жизнь. О преподавателях, которых я теперь могла смело назвать коллегами. Я и подумать не могла, что так привязалась к ним. Как развиваются отношения Ольги и ее охранника из лица? Будут ли Анжела и Вася жарить шашлындос на майские праздники? Выдохнут ли они все, когда девятый «бэ» уйдет на каникулы?

Думая о Булкине, я не могла не вспоминать Колю. Если быть честной, я не переставала думать о нем все три месяца. Стоит однажды почувствовать себя счастливой в чьих-то объятиях, как ты сразу становишься зависимой.

Мне снились его глаза. Моя кожа помнила его ласку. Кончики пальцев горели от желания коснуться его сильного тела. Губы тосковали по поцелуям. И сердце затихало каждый раз, когда среди ночи я обнимала подушку и прижимала ее к себе в надежде заглушить тоску.

Кто бы только знал, сколько раз я порывалась бросить все и, наплевав на голос разума, вернуться к Коле. Только разум то и дело напоминал, почему я поступила так, как поступила. Мне не сделать его счастливым, и, отдавая себе в этом отчет, я оставалась в одиночестве. Вдали от него.

К тому же, скромный физрук из Булкина принял мое решение и отпустил меня. Осталось поблагодарить судьбу за короткий миг настоящей любви и надеяться, что я еще когда-нибудь обязательно почувствую нечто похожее, хоть и верится в это с трудом, ведь

таких, как Николай Николаевич, больше нет.

Наверное, в этом суть первой любви. Она цепляет настолько, что все последующие чувства в твоей жизни кажутся смазанными, лишенными красок, не дотягивающими до того, что уже однажды свело тебя с ума.

Кристина, кстати, неожиданно для самой себя закрутила роман с итальянским репортером Лоренцо. Недавно мы пили кофе «три в одном» в моей маленькой квартирке-мастерской, и я, задумавшись о Коле, спросила Крисси:

— Ты его любишь?

— Кого? Лорочку? — уточнила Крис. Я кивнула, улыбнувшись тому, как подруга называет своего итальянца. — Не знаю, мы же не так давно вместе.

— С Колей я быстро поняла, что все по-настоящему, — с тоской в голосе ответила я.

— Потому что этот богатырь — твоя первая любовь, — Крис пожала плечами, — С первыми чувствами всегда сложно конкурировать.

— А твой препод из колледжа? — спросила я, кривясь от приторной сладости дешевого напитка.

— С ним была любовь с первого взгляда, — девушка мечтательно улыбнулась, — А Лорочка взял меня терпением и преданностью. Это взрослый подход, Надинчик.

— Но ты счастлива? — я перевела на подругу глаза, полные надежды.

— Да, но это не ошеломляет так, как в первый раз. — Крис скрыла лицо за большой чашкой.

Не ошеломляет. Мне двадцать восемь. Сколько лет еще потребуется, чтобы встретить кого-то, кто хоть на миг затмит собой Колю Муромцева? Неужели я и годы спустя буду вспоминать о нем с таким же сожалением в глазах, как у Кристины, когда она говорит о своем информатике?

— Крис, мне кажется, я люблю его, — шепнула я, отвернувшись к окну.

— Ты ему об этом говорила?

— Нет, — я вздохнула, вспоминая своей последний разговор с Колей. Хотя это был скорее монолог. — Я сказала, что желаю ему счастья, и ушла.

— Так ты его бросила, — констатировала Кристина и, махнув рукой на захлавленную квартиру, спросила: Ради этого всего, да?

— Я не бросала, — возразила я, — Это для его же блага. Ведь ты сама говорила, что ему нужна спокойная домашняя девушка.

— Я же не знала, что ты его реально любишь! — воскликнула Крис, — Давай позвоним ему?

Она схватила со стола мой телефон, но, конечно же, не смогла его разблокировать.

— Нет! — я вырвала телефон и убрала в сторону, чтобы не искушать подругу. — Но я отправила приглашение на показ в школу, в которой работала.

Я не сдержалась и широко улыбнулась, предвкушая скорую встречу с друзьями. Надеюсь, они приедут, чтобы поддержать меня.

— Но богатыря ты не пригласила? — уточнила Крис, и я кивнула.

— Нет.

Колю я не пригласила.

***

Я сидела коленях прямо на полу посреди гримерки. Волнение трясло все мое тело, и я никак не могла успокоиться. Конкурс вот-вот начнется. Проходка моей коллекции будет

закрывать программу, и у меня было еще минут пять, чтобы собраться и пойти подбодрить моделей.

Тут в примерку ворвалась Кристина с огромным букетом роз, и от сладкого аромата, наполнившего легкие, меня замутило. Подруга помогла мне подняться и тут же заключила мое слабое тело в тесные объятия.

— Соберись, Валенкина! — воскликнула она, — Ты сила. Ты мощь. Ты дизайнер, которого все хотят.

Я усмехнулась, однако мантра из уст подруги действительно помогла. Я встряхнулась и отвела плечи назад. Разум прояснился, и я, откопав в себе профессионала, насильно вытащила его наружу.

— Так-то лучше, — подытожила Крис, наблюдая за моими изменениями.

— Нужно проверить моделей, — я поспешила в коридор, где девушки в моей одежде уже выстроились в нужном порядке.

Крис придержала меня за руку и отвела в сторону, так что я не успела дойти до проверки своей коллекции.

— Ты уже сто раз все проверила, — возразила подруга, удерживая меня в стороне от моделей. — Пойдем лучше в зал.

Я рассмеялась и покрутила пальцем у виска.

— С ума сошла? Какой зал? Я останусь здесь. — я глянула на модель в самом конце и нахмурилась, — Стой-ка! А где розовый жакет с финального образа? Эй! Девушка!

Я окрикнула модель, но та отвернулась, скрестив руки на груди. Крис же буквально вытолкала меня в зал.

— Крис! Там образ не завершен! Мне нужно вернуться! — я рвалась обратно, но подруга, превосходящая меня в росте, стояла на своем.

— Я все сделаю сама, — заверила она, — А ты наслаждайся триумфом из зала.

Я вздернула руку вверх, чтобы начать спор, который мне не выиграть, но тут меня окрикнул знакомый голос, что дало Кристине возможность улизнуть.

Обернувшись, я увидела Анжелу, которая шла ко мне в компании Ольги и Людмилы Сергеевны. Забыв о приличиях, я бросилась обниматься с опешившими от моей эмоциональности женщинами.

— Я так рада, что вы приехали! — бормотала я, задыхаясь от радости, — Это так важно для меня!

— Надюха, выглядишь шикарно! — комплименты от Анжелы, как всегда, были на высоте. На мне сегодня было черное платье с длинными рукавами и открытой спиной. Я окинула взглядом ее безвкусное платье в пайетках и широко улыбнулась. Какая разница, насколько модная вещь, если человек в этой вещи просто бесподобен.

— И ты тоже, ты тоже, — отозвалась я, смахивая слезинки с глаз.

Из-за спины директора школы показались три девочки: рыженькая, кругленькая брюнетка и милашка с косичками. Я раскрыла руки для объятий, ведь ко мне шли мои девочки.

— Люба! Вера! Маша! — я радовалась, как ребенок, пока обнимала каждую из них.

До начала конкурса оставались считанные минуты, так что мы не успели пообщаться. Я посадила свою группу поддержки рядом с семьей, а сама прошла на место у подиума, хотя на самом деле мое место за кулисами, и я никак не могла перестать нервничать из-за отсутствующего жакета.

Конкурс начался, и на подиуме стали мелькать длинноногие модели в нарядах, созданных моими конкурентами. Я отключила внутреннего критика и просто наслаждалась праздником. Я его заслужила. Я здесь, потому что я чего-то стою.

Неважно, выиграю я конкурс или нет. Еще осенью я с ума сошла бы от мысли, что допускаю проигрыш, но сейчас я осознала, что мои амбиции не должны ограничивать свободу творчества. В погоне за признанием я потеряла удовольствие от процесса, и все мои работы стали отражением того, что понравилось бы критикам. Но не мне самой. Стиль, тренд, детали, элегантность. Я выверяла каждую мелочь, и этим заработала выгорание.

Если бы в моей жизни не случился Булкин, я не вернула бы себе себя, а, значит, и коллекция так и не вышла бы из зоны стагнации. Разрешив себе проявлять чувства во всех красках, я нашла вдохновение и вылила эмоции в одежду, которую сейчас несут по подиуму модели.

И да, я счастлива. Даже если моя коллекция не получит наград, я все равно счастлива видеть в этих образах саму себя — искреннюю, любящую и...любимую.

Когда на подиум должна была выйти последняя модель, я невольно опустила голову, боясь увидеть ее без жакета — изюминки образа. Эту ткань я ждала из Италии месяц — костюмная шерсть в клетку кричаще-яркого розового цвета. Если сейчас его не окажется на подиуме, я просто не выдержу этого разочарования.

Но мне пришлось поднять глаза, потому что зал вдруг удивленно ахнул. Посмотрев вверх, я перестала дышать.

По подиуму шел Коля. На нем были широкие черные брюки и мой жакет, надетый на голое тело. Он шел уверенно, хоть и опережая ритм, но, клянусь, в тот момент никому и в голову прийти не могло, что перед ним не модель, а физрук, укравший сердце дизайнера.

Яркий свет подчеркивал искрящиеся глаза парня. Он смотрел на меня. И, если бы в эту секунду я смогла оторваться от него, то заметила бы, с каким хитрым выражением лица на нас смотрит Кристина Бондюжкина — спонсор воссоединения физрука и трудовики.

Дойдя до конца подиума, Коля присел на корточки и протянул мне руку. Обомлевшая, я не сразу коснулась его ладони. Просто не могла оторвать взгляда от его сияющих голубых глаз.

Кто-то подтолкнул меня сзади, и я буквально упала в сильные мужские руки. Оказавшись на подиуме в ослепляющем свете софитов, я обхватила руками Колины гладкие щеки и пробормотала:

— Ты здесь, — мой собственный голос звучал словно сквозь толщу воды. Парень широко улыбнулся, поглаживая пальцами мою оголенную спину. — И ты в розовом пиджаке. Что сказал бы твой отец?

Я усмехнулась, ощущая, как по щекам побежали предательские слезы. Конкурсная программа остановилась, и весь зал наблюдал за романтической сценой на подиуме.

— Он сказал бы, что я должен делать что угодно, лишь бы любимая женщина улыбалась, — шепнул Коля, и у меня от его близости закружилась голова.

— Так ты меня любишь? — уточнила я, хлюпая носом.

— Люблю, Надя. Настолько, что стою на подиуме в розовом пиджаке, — он рассмеялся, и я вместе с ним.

— И я тебя люблю, физрук Коля, — едва признание сорвалось с губ, как всему телу стало несказанно легко, словно с души свалился огромный валун.

По залу разлетелся умиленный возглас. Дальше по классике жанра должен был

состояться финальный поцелуй и титры, но тут Люба неуверенно закричала:
— Воды отошли! Я что, рожая???

Мы ехали в карете скорой помощи втроем: я, взволнованный Коля и до чертиков напуганная Люба. Сватки повторялись каждые пять минут, и фельдшер предсказал, что скорее всего роды будут быстрыми. Я предупредила Елизавету Александровну, чтобы она бросала дела в Булкине и ехала в Москву, а пока с ее рожаящей дочерью побудем мы с Колей.

— Аааааа! Как больно! — снова закричала Люба, до боли сжимая наши с Колей руки.

Мы оба ни разу не сталкивались с чудом рождения нового человека, так что не знали, как себя вести, чтобы помочь девочке.

— Надо отвлечь, — предположил Коля, и Люба активно закивала.

— Скажите какую-нибудь глупость! — попросила она, выдохнув на паузе между схватками.

Я подняла на Колю умоляющий взгляд, но тот растерянно покачал головой. На нем все еще был розовый пиджак, и я снова прыснула от смеха. Мой физрук был таким милым, что даже в такой стрессовой ситуации невозможно было не улыбаться.

— Знаете, почему меня называли Надеждой? — я взяла инициативу в свои руки и решила рассказать историю, о которой поведала мама, когда я была дома на каникулах, — Меня зачали после концерта Льва Лещенко.

Коля сопоставил новость с моим отчеством и удивленно округлил глаза:

— Лев Лещенко твой отец?!

Люба подобралась, присаживаясь поближе:

— Вот это кринж! * — протянула она.

— Что? Нет, конечно! — я замахала свободной рукой. Вторую все еще сжимала Люба. — Просто мама наслушалась той самой песни и вдохновилась.

— Какой песни? — не поняла девочка, которая росла на другой музыке.

Набрав в грудь воздуха, я тихо напела:

— Надежда — мой компас земной, а удача — награда за смелость...

Коля улыбался, не спуская с меня глаз, а Люба, крепко сжав наши ладони на очередной схватке, протяжно крикнула:

— Ну и крииииииннж!

Скорая помощь остановилась у роддома, и нам пришлось выйти. Я склонилась над Любой, чтобы пожелать ей легких родов, но та, обняв мою шею, шепнула:

— Я назову дочку Надеждой, можно?

Я перевела на девочку удивленный взгляд и кивнула. Что, если всем нам в жизни просто не хватает надежды? И только надежда способна исправить все — даже спасти веру и любовь.

И вот Любовь, которая вот-вот породит Надежду, наконец обретет свой жизненный компас.

Я проводила девочку взглядом, всем нутром ощущая, как за последние полчаса я стала мудрее.

— Надя, — Коля отвел меня в сторону от медицинского поста.

Ничего не говоря, я прильнула к нему, склонив голову на мужскую грудь.

— Прости, что не вернул тебя раньше. Я все убеждал себя, что не нужен тебе. Что я не

подходящая пара для такой девушки, как ты, — признался он, вода носом по моим волосам.

Я подняла на него глаза и улыбнулась.

— А я убеждала себя, что тебе нужна тихая и домашняя девушка, а я только испорчу тебе жизнь, — шепнула я, и Коля возмущенно потряс головой.

— Что за глупости? Ты вдохнула в меня огонь и вернула азарт. Мне хочется совершать подвиги и достигать большие цели. Ради тебя, Надя, — кончик его носа коснулся моего, и я неровно выдохнула, — Ради нас.

— Значит, у нас есть надежда? — я похлопала ресницами, и Коля вдруг отпустил меня.

— Подожди, — попросил он и отошел к посту.

Улыбнувшись медсестре обезоруживающей улыбкой, он перевесился через стол и осмотрел содержимое органайзера. Прихватив что-то, он вернулся ко мне и опустился на одно колено.

Я тихо рассмеялась, прекрасно понимая, что произойдет дальше.

— Надежда Львовна, вы станете моим вечным компасом? — официально спросил Коля, не переставая широко улыбаться.

Он взял мою руку и затянул на безымянном пальце пластиковую розовую бирку, какие после рождения надевают на ручки младенцев.

Не сомневаясь ни секунды, я ответила.

— Да! Конечно, да!

Стильная принцесса и ее принц в розовом пиджаке нежно целовались в фойе роддома и никуда не торопились, ведь впереди у них было сказочное «жили долго и счастливо».

И все же, какое прекрасное у меня имя.

Надежда.

Надейся, дорогой читатель, и твоя надежда обязательно все исправит.

Больше книг на сайте - Knigoed.net